

Письма отцов из ГУЛАГа
к детям

ПАПИНЫ ПИСЬМА

ПАПИНЫ ПИСЬМА

Письма отцов из ГУЛАГа
к детям

ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕМЬЯМ,
СОХРАНИВШИМ ПИСЬМА
ИЗ ЛАГЕРЕЙ ГУЛАГА

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «МЕМОРИАЛ»
АРХИВ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА
«МЕМОРИАЛ»

ПАПИНЫ ПИСЬМА

Письма отцов из ГУЛАГа
к детям

AGEY TOMESH

МОСКВА
2020

Издательская программа
Международного общества «Мемориал»

Авторы-составители

Алена Козлова, Николай Михайлов,
Ирина Островская, Светлана Фадеева

В работе над книгой принимали участие

Елена Жемкова, Никита Ломакин,
Арсений Рогинский, Ирина Щербакова

За помощь в работе над книгой и выставкой

«Папины письма» составители благодарят
Валентина Гринчука, Галину Иорданскую,
Всеволода Луховицкого, Петра Пастернака,
Юлию Рейфшнейдер, Марину Родионову,
Ксению Романенко, Илью Саратовского,
Полину Герн, Ульяну Лукьянченко, Нину Цукерман

Особая благодарность издательству «Агей Томеш»

Благодарим Фонд им. Генриха Бёлля,
Дмитрия Зимина и Фонд «Династия»,
институт «Открытое Общество» за постоянную
поддержку работы архива Международного
общества «Мемориал»

Книга подготовлена в рамках проекта «Судьба жертв
политических репрессий – право на реабилитацию
и память». При реализации проекта использованы
средства государственной поддержки (грант)
в соответствии с Распоряжением Президента Российской
Федерации от 29.03.2013 № 115-рп.

ISBN 978-5-9909766-5-8

© Международное общество «Мемориал», 2020

© Издательство Агей Томеш, 2020

Содержание

«Увидеть вас – и умереть...» Людмила Улицкая	7
«Восьмой раз сажусь писать письмо тебе...» Ирина Щербакова	10
Михаил Стройков «Папины письма не могу читать без рыданий».....	20
Алексей Вангенгейм «Передай дочери мой энтузиазм»	29
Михаил Бодров «Твой неисправимый троцкист папа».....	54
Евгений Яблоков «Верю в наших детей»	62
Виктор Лунёв «От отца – письмо Алёне...»	82
Михаил Лебедев «Батько, слышишь ли?»	92
Иван Суханов «О тебе думаю все время».....	102
Борис Шустов «Первая моя мысль, когда я просыпаюсь, и последняя, когда я засыпаю, – о тебе, любимая моя девочка»	115
Гавриил Гордон «Если эти немногие странички помогут тебе в начале твоих исканий, я буду очень счастлив»	130
Владимир Левитский «Я только одного хочу – увидеть вас и умереть, больше мне ничего не надо».....	142
Фридрих Краузе «Не исчезнуть совсем с лица земли...»	165
Самуил Тайц «Папа в моей памяти остался таким...» (из воспоминаний Нины Самуиловны Тайц)	179

Армин Стромберг	
«Знаете, что спасало? Письма. Связь с домом»	194
Николай Любченко	
«Не забываете меня»	207
Анатолий Козловский	
«Любил вас больше жизни»	216
Виктор Мамаладзе	
«Дорогой мой папочка...» (из воспоминаний Ирмы Викторовны Мамаладзе)	222
Алфавитный указатель мест заключения	232
Алфавитный указатель осуждающих органов	236
Список сокращений	238

У меня в доме тоже хранится большая папка писем. Большая часть этих писем – из тюрем и ссылок. Только они не папины, а дедовы. А над столом висит фотография, которую я недавно получила в архиве КГБ: профиль, анфас. Это фотография, которую сделали сразу же после третьего ареста моего деда. Это история нашей семьи, это история нашей страны. История нашей истории...

Миллионы граждан великой страны, строившей светлое коммунистическое будущее, были принесены в жертву этой утопии. Десятилетиями страна жила в атмосфере пафоса и террора, страха и восторга, повального доноительства и военно-патриотической истерии. Обратной стороной великих строек коммунизма были бесчисленные лагеря, в которых содержались в чудовищных условиях истощенные голодом и непосильным трудом строители великой утопии. Их хоронили с бирками на ногах, голых, в безымянных могилах. Это были миллионы людей, лишенных нормальной человеческой жизни, – дома, семей, детей, профессиональной работы. Единственной живой связью заключенных с оставленным миром были письма к семьям – женам и детям...

Большая часть отцов, писавших письма своим детям, так никогда их и не увидела. Мало кто из них вернулся, почти все они были расстреляны или умерли ранней смертью от голода и непосильной работы. Сейчас уже нет на свете и многих адресатов, их детей. Но в архивах общества «Мемориал» хранятся эти драгоценные письма – великий памятник любви.

В предлагаемом сборнике шестнадцать свидетельств-документов. Приведенные письма – то, что чудом сохранилось. Многие годы даже хранить эти родительские письма было подвигом. А сколько мы видели в архиве групповых фотографий с вырезанными или густо зачеркнутыми лицами тех, кто был репрессирован. Здесь приведено лишь несколько историй загубленных жизней из многих миллионов подобных же, но бесследно растворившихся в потоке российской истории. Невинных людей, попавших в мясорубку

Большого террора. Тем дороже сохранившиеся свидетельства. Кто эти шестнадцать отцов, чьи письма приводятся в этом сборнике? Бывший военный, бухгалтер, врач-педиатр, инженер, агроном, химик, ботаник, архитектор, историк... Все они люди культурные, а некоторые – выдающиеся ученые, интеллектуалы, золотой запас нации. Но объединяет этих разных отцов не только любовь к оставленным детям, но и огромное желание продолжать их воспитание, формировать их внутренний мир, давать им нравственные ориентиры, направлять их образование.

Большое расстояние и неопределенность срока, который может длиться разлука, только подогревали остроту любви и тоски. Может быть, они не стали бы такими прекрасными отцами и воспитателями, если бы оставались в семьях, и не тюремное заключение, а рутинная жизнь отъединяла бы их от детей, но именно эфемерность надежды возводила эти отношения на невиданную высоту. Все шестнадцать отцов совершали подвиг передачи ценностей, которые они считали самыми важными, своим детям – и тот, который просил «никогда не сомневаться в моей честности перед Партией, Родиной, вами», и тот, который «добровольно отказался от всех преимуществ класса, в котором я родился», и тот, кто напишет: «С ненавистным режимом ничего общего у меня нет, кроме бешеной ненависти к нему...» Этот последний и был единственным из этих шестнадцати, обвинение против которого не было надуманным и фальшивым. Он был троцкистом. Все они объединены общей бедой, и именно это обстоятельство их чувства к детям обостряет, умножает многократно, возводит в высокую степень. Отцовский инстинкт, побуждающий передавать детям навыки жизни и начатки профессии, здесь концентрируется до предела. И как же много любви, энергии, заботы вложено в эти теперь обветшавшие листики дешевой бумаги, исписанные убористым и мелким почерком, чтобы побольше уместилось, потому что и лист бумаги, и конверт, и марка – драгоценности тюремного быта.

В те годы, когда писались эти письма, узник одиночной камеры Владимирской тюрьмы, русский мистик Даниил Андреев переживал свои озарения, а впоследствии создал огромную религиозно-философскую систему большой сложности, в которой описал показанную ему в видениях картину мира. Это был эзотерический трактат огромного объема – «Роза мира». Его книга скорее всего представляет интерес как памятник истории, подвиг творческого духа, а не как достижение науки. Но одна простая мысль выражена в этой книге, высказана необычайно свежо и сильно. В планетарной, вселенской борьбе сил света и тьмы побеждает любовь. «Папины письма» – свидетельства такой побеждающей любви.

Людмила Улицкая

В этой книге, подготовленной архивом Международного общества «Мемориал», собраны истории шестнадцати семей, сохранивших письма отцов, отправленные детям из сталинских лагерей. Задача авторов – не просто проиллюстрировать письмами отдельные судьбы, но прежде всего показать, какую огромную роль в сохранении семейной памяти о репрессиях сыграла переписка.

Весточки из тюрем и лагерей, записки, переданные из следственных камер, выброшенные из эшелонов, которые везли заключенных в лагеря ГУЛАГа, письма родных и близких, следовавшие в обратном направлении, – к тем, кто был оторван от них надолго, порою навсегда, – составляют важнейшую часть мемориального архива. И это не случайно – ведь одной из главных задач созданного в 1989 году Международного общества «Мемориал» стало формирование архива как места памяти, личной и семейной, о жизни и судьбе человека в эпоху репрессий. Очень часто лишь несколько писем, одна-две фотографии и справки, спрятанные в коробке из-под печеня или в старом портфеле на антресолях, и есть главное и единственное хранилище российской семейной памяти первой половины XX века. В редких случаях удавалось спрятать хотя бы родительский книжный шкаф или письменный стол. Такая роскошь была доступна лишь очень немногим семьям, если кому-то из родственников удавалось избежать ареста, высылки и чудом сохранить остатки семейного гнезда. Поэтому и возникла идея создать в «Мемориале» такое место, куда можно было бы принести свои осколки семейной памяти, соединив их с тысячами других.

Переданные в мемориальный архив письма, несомненно, являются важным источником информации о жизни их отправителей – в тюрьме и в лагере, в ссылке и на воле, но этим их значение не исчерпывается. Да и не так уж часто автор письма имел не только возможность, но и потребность подробно рассказывать близ-

ким о своей жизни – и по цензурным соображениям, если письмо шло официальным путем, и из-за нежелания травмировать их тяжелыми описаниями лагерного или тюремного быта. Но вне зависимости от количества строчек или страниц сам вид посланий, – написанных часто неразборчивым почерком в тусклом свете барака выцветшим чернильным карандашом на клочке бумаги, вышитых рыбьей костью на обрывке ткани, – превращает их в визуальное свидетельство, в артефакт, в музейный экспонат. Кроме того, условия переписки, ее возможность или невозможность для заключенного, приобретают в данном историческом контексте экзистенциальное значение, которое особым образом подчеркивала знакомая всем формула эпохи Большого террора: «осужден на десять лет без права переписки», которая стала эффе-мизмом смертного приговора.

Но не меньшее значение представленных здесь писем в том, что они иллюстрируют семейные отношения в среде советской городской интеллигенции в 1930–1940-е годы. Сами письма и биографии их отправителей и адресатов дают уникальную возможность взглянуть на отношения «отцов и детей» под совершенно иным углом: на фоне террора, в жернова которого они попали.

Почему в основу книги легли именно отцовские письма? Конечно же, в мемориальском архиве есть много писем от матерей из ГУЛАГа, и их существенно больше, поскольку женщин среди выживших тоже оказалось больше. Но была выбрана именно «отцовская» перспектива. Прежде всего потому, что зачастую это последние обращения отцов к своим детям – почти все они погибли, так и не дождавшись встречи. Но в приведенных сюжетах отцы имели возможность (в отличие от тысяч других погибших во время Большого террора) еще какое-то время обмениваться письмами с родными. Кто-то был арестован в начале 30-х и расстрелян уже после нескольких лет заключения,

кто-то умер от голода и болезней в ГУЛАГе в 1940-е годы. Эти невернувшиеся отцы (в отличие от все-таки возвратившихся из лагерей или избежавших ареста матерей) часто становились идеалом для детей, даже когда они не помнили их или помнили очень смутно: «Как отца забирали, я не помню, мне не было еще и трех лет»; «Папа был удивительным человеком, я его больше мамы любила»; «Больше я никогда не видела своего отца, я любила его очень, дружба у меня с ним была теснее, чем с мамой»; «На момент ареста отца мне не было и четырех лет... Равнение на отца стало моей жизненной установкой»... Такие фразы есть почти во всех воспоминаниях об отцах. Именно отцы, исчезнувшие навсегда, были моральными авторитетами для уже взрослых детей. Чаще, чем те, кто вернулся физически и нравственно подорванным лагерем, кто вынужден был приспособливаться, идти на компромиссы, чтобы снова включиться в жизнь после долгих лет заключения.

Все семейные отношения, о которых рассказано в книге, сформировались в советскую эпоху, и их история – свидетельство чудовищного давления, оказываемого на семьи в 1920–1940-е годы.

Революция решительным образом вторглась в традиционный российский семейный уклад, упростила процедуру развода, практически ликвидировала институт наследства, передачи семейного имущества и т. д. Во время Гражданской войны семейные связи продолжали ослабевать и разрушаться. Именно тогда новая власть продемонстрировала, что членов семьи можно использовать в качестве заложников. И после окончания войны, в 1920-е годы, широкое распространение получила система ответственности всех членов семьи – вначале за социальное происхождение, за то положение, которое занимали родители до революции. Дети представителей «враждебных классов» попадали в списки так называемых лишенцев, что влекло за со-

бой не только лишение избирательных прав, но и целый набор других форм дискриминации: ограничение доступа к высшему образованию, запрет на проживание в больших городах, отказ в приеме на работу.

Но особенно тяжелыми были последствия использования системы семейной ответственности во время Большого террора, когда по прямому приказу НКВД репрессиям подверглись жены и дети «врагов народа». Причем власть освобождала от этой ответственности тех жен, которые своевременно сообщили о вражеской деятельности мужей, поощряла доноительство среди детей.

Как удавалось семье сопротивляться такому разрушительному воздействию? Собственно, это и есть то главное, что иллюстрируют собранные письма. Едва ли не в каждом из них содержатся обращения – к женам и детям – сохранить несмотря ни на что семью и семейные связи. А семейные отношения бывали очень запутанными. Трудный быт, «квартирный вопрос», вынужденные расставания размывали в те годы границы традиционной семьи. Но обычные житейские перипетии на фоне тюрьмы и лагеря оборачивались настоящей драмой, и потому отцам так важно было сохранить связь с детьми, которым в обычной жизни уделялось порой мало времени. Поразительным образом, ни в одном из писем нет призыва к близким ради собственного спасения вычеркнуть мужа, отца из жизни, хотя по многим цитатам видно, что авторы прекрасно понимают: их арест – постоянная угроза для семьи. «Дочь за отца – не ответчица, а между тем получается, что вы наказаны хуже моего: у вас скоро даже того крова и пайка не будет, который дает мне тюрьма...» (из письма Михаила Лебедева к дочери, 1938).

И дело, конечно, не только в том, что, лишившись связи с семьей, они утратили бы важнейший стимул к выживанию в лагере. Главный страх этих мужчин – лишиться нравственной

опоры, потому что поддержка и солидарность близких фактически то единственное, что они могут противопоставить террору: «Все представляется мне мрачным, тревожным, во многом безнадежным, и только мой дом с моими любимыми и дорогими представляется мне... той звездой, которая освещает путь» (из письма Алексея Вангенгейма, 1936).

Но чтобы сохранить близость с семьей, необходимо было сохранить уважение и привязанность детей и жены. А значит, развеять все сомнения, убедить их в своей невинности и честности. Этот сюжет в письмах ключевой и самый болезненный. Ведь вопрос, который многие дети задают прямо или косвенно в письмах, – вопрос о вине, и если ее нет, то, значит, по отношению к отцу и ко всей семье совершается страшная несправедливость. И если нельзя добиться правды, следовательно, виновата жестокая власть? Так возникает мучительная раздвоенность – и у самих отцов, и у их детей, и многие из них так и не сумели преодолеть ее в течение всей жизни.

Почти все авторы писем лояльны к советской власти, даже если не являются убежденными коммунистами. (Единственный пример противостояния режиму – не отказывающийся от своих взглядов, ненавидящий Сталина троцкист Михаил Бодров.) Такими же лояльными многие из них остаются в тюрьме и в лагере. И все же то, что с ними произошло, с чем они сталкиваются на следствии, в ГУЛАГе, неминуемо приводит к неразрешимым внутренним противоречиям. Даже если они изо всех сил пытаются убедить себя, а главное, своих близких, что произошла ошибка, которая скоро разъяснится, что они жертвы трагического стечения обстоятельств, ложного доноса.

Но еще труднее их детям, особенно подросткам, ведь они с самого рождения находятся под воздействием сильнейшей пропаганды, которая призывает к безоговорочной вере в советскую власть, в коммунистическую партию.

Идеологическая обработка шла прежде всего через школы, через пионерскую и комсомольскую организации. Это сильно изменило роль семьи в воспитании детей, породило недоверие к представителям старших поколений, потому что главным и лучшим «воспитателем» числилась советская власть. Можно сказать, что самые трагические места из писем – те, в которых звучат почти истерические призывы к детям: ни при каких обстоятельствах они не должны терять веру в партию, в советскую власть. Тем более что некоторые строки читаются как завещание, как предсмертный наказ: «Ближе к комсомолу, к партии!.. Никогда не сомневайтесь в моей честности перед партией»; «И еще помни, что все дети в Москве, и в Луганске, и в Харькове... везде, везде – должны любить Сталина, который желает добра всем советским детям»; «И когда эта горячо любимая власть, единственно возможная для твоего отца, потребовала, чтобы он расстался с вами... твой отец никого не осудил и не проклял. Должно быть так, как нужно этой нужной всему миру власти».

Такая нравственная «сшибка», убежденность, что их дети, несмотря ни на что, должны вырасти преданными советской власти, вызывала глубокую травму у тех, к кому обращались отцы с этими призывами. Многие, продолжая верить в невиновность родителей, всячески должны были доказывать свою преданность режиму, одновременно испытывая страх перед возможными репрессиями. Тяжелые последствия двоемыслия и приспособленчества, вытеснения из памяти целых сегментов прошлого ощущались в советском обществе и спустя десятилетия. Неслучайно вопросы взаимоотношений государства и личности так остро ставятся в культуре, создаваемой шестидесятниками, – в подавляющем большинстве детьми репрессированных родителей: Булатом Окуджавой и Юрием Трифионовым, Василием Аксёновым и Марленом Хуциевым и многими другими.

Но самое удивительное, что авторам писем, о чьих судьбах рассказывает книга, несмотря на условия, когда невозможно достать листочек бумаги, раздобыть карандаши и краски, и непонятно, дойдет ли письмо до адресата, удается не только сохранить у детей память о себе, но и передать им свое понимание семьи, культуры, даже профессиональные и научные навыки.

Выбранные для этой книги отцы в большинстве своем представители интеллигенции: учителя, инженеры, архитекторы, ученые, врачи. Они – носители народнических традиций; главными ценностями для них являются образование, просвещение, профессионализм и труд на благо общества. И настойчивость, с которой отцы обращаются к детям, свидетельствует прежде всего о том, что они осознают: эти ценности – то единственное, что они могут противопоставить окружающему варварству и насилию. Из тюрем и лагерей они пытаются следить за тем, как учатся, что читают, какие фильмы смотрят их дети. Для маленьких пишут стихи в духе Маршака и Чуковского, делают самодельные книжки с картинками, проявляя при этом просто чудеса изобретательности, чтобы они были красочными; для школьников изготавливают гербарии, рисуют почтовые марки, посылают открытки с репродукциями Третьяковской галереи, составляют списки книг, делают переводы и пишут конспекты. Некоторые из этих писем можно использовать и сегодня как учебные пособия или как своеобразный путеводитель по миру культуры той эпохи.

Конечно, в письмах много назидательного, много призывов к детям обязательно хорошо учиться, слушаться маму и т. д. И отцы наверняка понимали, что такая нравоучительность может вызвать у ребенка раздражение. Но в этих обстоятельствах все перекрывается страхом за судьбу сыновей и дочерей: вдруг, оказавшись в трудных условиях, они не сумеют выучиться, не смогут продолжить семейную традицию и стать, как их отец,

инженером, врачом, архитектором, ученым? И, судя по воспоминаниям, дети воспринимают поучения отцов как проявление той максимальной любви и заботы, какую только можно было передать в таком письме. Ведь за этой настойчивостью тревога, и совершенно оправданная, что их учеба может быть прервана в любой момент, что надо как можно быстрее приобрести профессию. Именно о том пишет отец из колымского лагеря своей дочери, студентке медицинского факультета, убеждая ее, что нужно стать врачом самого широкого профиля, потому что судьба может забросить очень далеко, и понятно, что означает такое внушение.

Есть еще серьезное напутствие, которым буквально заклинаяют в письмах детей, – о ценности творческого и полезного труда, потому что им, сидящим в лагере, очень важно противопоставить осмысленный труд тому каторжному и бессмысленному, на который они обречены. Ведь даже самая маленькая возможность какого-либо осмысленного труда в лагере – как лекарство, как наркотик, и потому в письмах много описаний такого рода занятий. Пытаются ли авторы писем рассказать детям о том, как и в каких условиях они живут? Сделать это было нелегко, но тем значительнее и ярче замечательно правдивые письма учителя Евгения Яблокова, в которых он описывает детали лагерного быта почти с оттенком робинзонады, повествующей о том, как можно все-таки выжить, довольствуясь столь малым.

Но при всем трагизме судеб героев книги – почти все это истории с «хорошим», как ни парадоксально это звучит, концом. Они – о дошедших, в прямом и переносном смысле, отцовских письмах. Доказательство тому – биографии детей, сохранность памяти о тех, кто их посылал.

В письмах, на основе которых составлена книга, матери отнюдь не главные персонажи, они как будто посредники в диалоге отцов с дочерьми и сыновьями. Но есть очень важная закономерность –

в большинстве приведенных здесь историй они стараются всеми силами сохранить память о мужьях. И живут десятилетиями в безнадёжном ожидании встречи, воспитывают детей, прибегая к заочному авторитету отца, при этом сами как бы уходят на задний план. Но в реальности, даже если судьба уберегла их от лагеря, сохранение семьи было переложено на их плечи. После ареста мужа предстояло еще пережить войну, эвакуацию, вырастить детей.

И в каком-то смысле эти письма, которые бережно хранились в семье, перечитывались вместе с детьми, и есть главное свидетельство того, о чем писал Василий Гроссман в конце своего романа «Жизнь и судьба», где тоже огромную роль играют письма. Он писал о значении человеческих связей в эпоху террора и войны: «В этой неясности, в этом тумане, горе и путанице и есть ответ, и ясность, и надежда... и хотя... в страшное время человек уж не кузнец своего счастья и мировой судьбе дано право миловать и казнить, возносить к славе и погружать в нужду, и обращать в лагерную пыль, но не дано мировой судьбе и року истории, и року государственного гнева... изменить тех, кто называется людьми, и ждет ли их слава за труд или одиночество, отчаяние и нужда, лагерь и казнь, они проживут людьми и умрут людьми... и в том их вечная горькая людская победа над всем величественным и нечеловеческим...»

Ирина Щербакова

ПАПИНЫ ПИСЬМА

Михаил Стройков
Алексей Вангенгейм
Михаил Бодров
Евгений Яблоков
Виктор Лунёв
Михаил Лебедев
Иван Суханов
Борис Шустов
Гавриил Гордон
Владимир Левитский
Фридрих Краузе
Самуил Тайц
Армин Стромберг
Николай Любченко
Анатолий Козловский
Виктор Мамаладзе

Михаил Стройков

*«Папины письма не могу
читать без рыданий»*

Михаил Макарович Стройков с женой
Еленой Алексеевной и дочерью Юлией.
Москва, 1932

В заголовок очерка вынесены слова Юлии Михайловны Волковой. Речь идет о письмах и почтовых открытках ее отца Михаила Макаровича Стройкова, расстрелянного на Колыме в 1938 году. М. М. Стройков писал их жене Елене Алексеевне и дочери Юлии («Люсе») из архангельской ссылки, из лагеря (бухта Нагаева, станция Берелёх) в 1935–1937 годах.

***

Михаил Макарович Стройков родился в 1901 году в старообрядческой семье в деревне Безводново Юрьевецкого уезда Кандауровской волости Костромской губернии. Семья не бедствовала: у отца был небольшой кирпичный завод. Мальчик закончил с отличием церковно-приходскую школу, получив в награду Евангелие и похвальный лист. Он действительно был очень способный (по словам дочери, «какой-то прямо самородок»). Начав работать столяром на льнопрядильной фабрике, сумел с церковно-приходским образованием поступить сначала в Иваново-Вознесенский политехнический институт, а затем, в 1925 году, получить рекомендацию для учебы на рабфаке архитектурного факультета ВХУТЕМАСа.

Активный комсомолец, студент-отличник, любимец преподавателей и товарищей, Михаил Стройков становится комсоргом вуза. Профессор Владимир Николаевич Образцов, будущий советский

академик, отличает талантливого студента и доверяет ему ключи от своей личной библиотеки.

На рабфаке Михаил знакомится с Еленой Алексеевной Алексеевой, дочерью музыканта, которая становится его женой. В 1927 году рождается дочь Юлия. Но из роддома жену и ребенка молодой отец встретить не смог – в это время он уже находился в Бутырьках. Это был первый, но не последний арест.

Поводом для ареста послужило то, что студент Михаил Стройков входил в подпольный партийный кружок. Вместе со своими единомышленниками он печатал и распространял листовки с критикой политики партии в деревне, ведущей к ликвидации единоличных крестьянских хозяйств: «Обещали землю крестьянам – отдайте».

Как обычно, последовал донос стукача – и арест. В ожидании суда Стройков требует улучшения условий содержания. Даже в тюрьме он проявляет свои качества лидера – становится организатором 13-дневной голодовки.

Большой террор был еще впереди, и сроки оппозиционерам назначались не очень большие. Стройкова в 1929 году приговорили к трехлетней ссылке, которую он отбывал в Канске. Благодаря ходатайству Образцова Стройков возвращается в Москву и восстанавливается в институте.

В 1932 году Михаил Стройков готовится к защите диплома. И тут следует новый арест. Дочери было уже пять лет, и сцена ареста сохранилась в ее памяти. Вот как она об этом вспоминала.

Из интервью Ю. М. Волковой:

«Это ночью было. Очень хорошо помню – меня вытряхнули из кровати... А когда [вытряхивали] папин письменный стол – ой, как мне это было страшно: как же так – отцовская работа, и так с ней обращаются! Ну и забрали его, увели. А у него уже диплом, проект был готов, одни математические расчеты остались. И профессор Образцов – каким образом, я не знаю – уговорил начальство Бутырской тюрьмы, чтобы отцу разрешали раз в день уходить в отдельную, одиночную камеру, и он там делал

Михаил Макарович Стройков с дочерью Юлией. Москва, 1932

расчеты. Оттуда, из Бутырок, он отправил дипломный проект в институт. И как говорили потом, это была самая лучшая защита диплома. Без студента. А студента отправили в Архангельск».

Срок архангельской ссылки – пять лет. Здесь дипломированный специалист М. М. Стройков работает архитектором в городском архитектурном бюро. Здесь же начинается его переписка с подросшей дочерью.

Дом в Архангельске, в котором ссыльный М. М. Стройков снимал у хозяйки угол

Письма к дочери пишутся на открытках. Тексты короткие: поздравления с днем рождения, началом учебного года, пожелания здоровья, успехов в учебе... Вот некоторые из них.

«Милая Люся, сегодня получил твое письмо и шлю большое спасибо тебе за него. Очень рад, что ты скоро будешь ходить в школу. Целую тебя крепко-прекрепко. Твой папа» (30.08.1935).

***

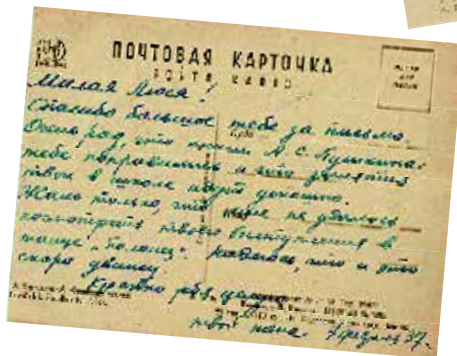
«Милая Люся! К твоему приезду я купил патефон. Танцевать будешь теперь под музыку. Жду в гости и крепко целую. Твой папа» [1935].

***

«Моей милой дочке Люсе шлю искренний привет и самые лучшие пожелания. Люся! Напиши мне, как ты живешь и каковы у тебя успехи по школе. Много ли гуляешь на улице. Не забывай, что тебе надо каждый день, после уроков, гулять на свежем воздухе, а то плохо будешь заниматься. Напиши, надо ли тебе прислать коньки. Крепко целую. Твой папа» (24.10.1936).

***

«Милая Люся! Спасибо большое тебе за письмо. Очень рад, что книги А. С. Пушкина тебе понравились и что занятия твои в школе идут успешно. Жаль только, что мне не удалось посмотреть твоего выступления в танце “Полонез”. Надеюсь, что и это скоро увижу. Крепко тебя целую. Твой папа» (7.02.1937).

Открытки М. М. Стройкова к дочери

На первый взгляд обычные письма. Но дело не только в текстах, написанных на открытках, – дело и в том, что изображено на них. Михаил Макарович пишет дочери на почтовых карточках с репродукциями картин Третьяковской галереи, тем самым стремясь участвовать в воспитании девочки, приобщении ее к искусству. И он постоянно заботится о ее чтении.

Из интервью Ю. М. Волковой:

«Папа покупал специально открытки Третьяковской галереи, чтобы я знакомилась с художниками. Он когда-то мечтал быть художником. Он мне покупал все открытки Третьяковской галереи и покупал книги хороших авторов, создавал мне библиотеку. И когда я приехала к нему, у меня была своя полка, где стояли рядами книги. Для меня специально – по возрасту, по всему. Очень я любила “Козетту”, помню, рыдала над ней. Очень любила “Кондуит и Швамбранию” Льва Кассиля, потом “Ребятам о зверятах”. Он чудесную библиотеку мне собрал. Очень много было книг, которые я потом сохранила... И, конечно, Пушкин. Безусловно, все сказки Пушкина, это обязательно... 21 ноября, в день рождения, я получала посылку – обязательно какая-нибудь новая книга. И я, может быть, с подачи отца, книги люблю».

«Папин уголок»

Став главным архитектором Архбумстроя, Стройков стал жить в небольшой комнатке, вернее в отгороженном углу, снимаемом у хозяйки. «Люсенька, я теперь имею постоянную работу, вы можете ко мне приехать», – пишет он.

Жена и дочь приезжают к нему. Но вместе они в Архангельске жить не могут – жене запрещено. Однако Стройкову удается получить разрешение взять к себе на некоторое время дочку, которая к тому времени закончила первый класс.

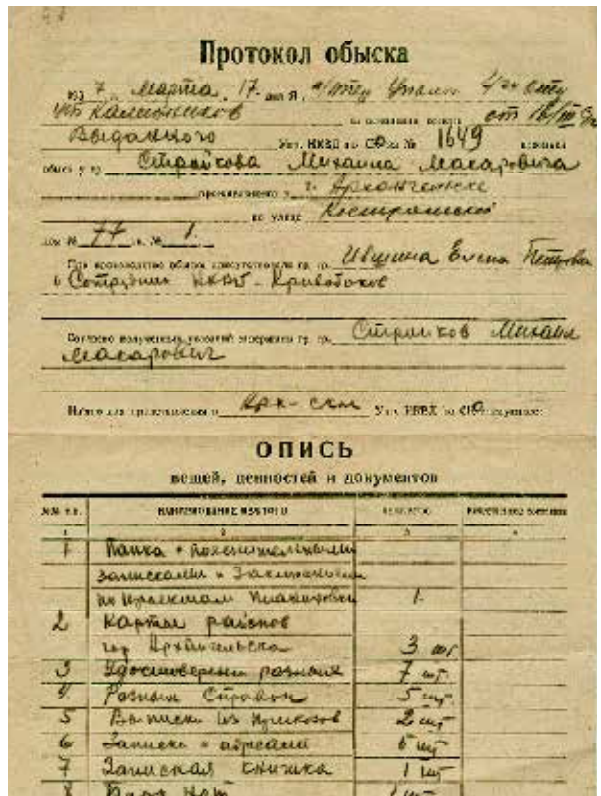
Из интервью Ю. М. Волковой:

«Я помню, первый раз, когда я приехала, папа сказал, чтобы я пошла во двор, познакомилась с новыми детьми, с друзьями. Сначала меня отколотили, потому что я москвичка, я пришла к папе жаловаться. Папа сказал: “Не смей ходить ко мне жаловаться! Надо уметь или договариваться, или давать сдачи. Так, чтобы заставить себя уважать”».

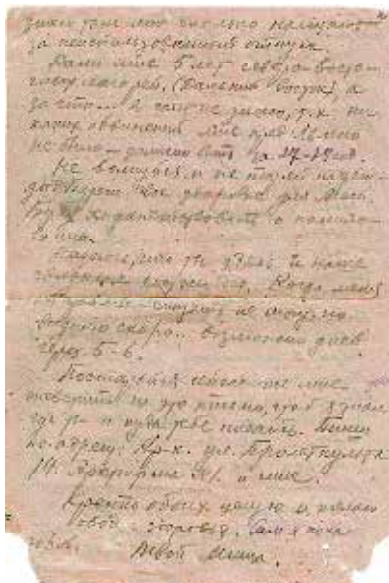
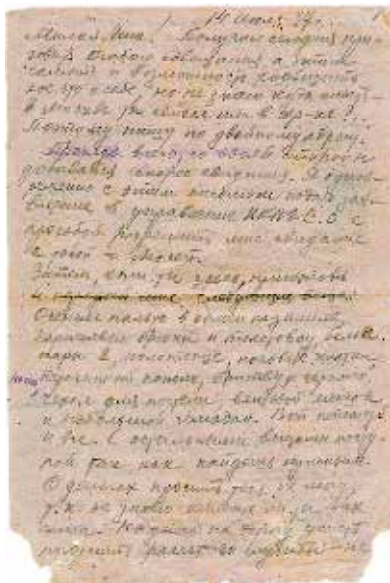
Они прожили вместе с лета 1936-го до января 1937-го. Продлить совместное проживание органы НКВД Стройкову не разрешили, и, по словам дочери, это насторожило Михаила Макаровича. Нехорошие предчувствия усилились, когда сорвалась служебная командировка в Москву – в НКВД не выдали паспорт. Вскоре последовал новый арест.

В семейной памяти сохранился рассказ хозяйки квартиры, где жил Стройков, о том, как проходил арест. Пришедшие за ним чекисты сказали: «Михаил Макарович, возьмите с собой чертежные инструменты, бумагу, книги – все это вам пригодится». И услышали в ответ: «Ничего мне больше не пригодится».

Тем не менее с этапов (из Свердловска, Владивостока, бухты Нагаева) в Москву идут утешающие родных оптимистичные письма. Стройков еще надеется, что его отправят на поселение и он сможет взять к себе семью, – ведь новой вины за ним нет.

Протокол обыска. 16.03.1937

Письмо М. М. Стройкова. 14.07.1937

«Милая Лена!

Получил сегодня приговор особого совещания, а этим самым и возможность сообщить кое-что о себе, но не знаю, куда писать, в Москве ты сейчас или в Ар-ке?.. Поэтому пишу по двойному адресу.

Прежде всего, со своей стороны добивайся скорее свидания. Я одновременно с этим письмом подаю заявление в управление НКВД Северной области с просьбой разрешить мне свидание с тобой и Люсей.

Затем, если ты здесь, приготовь и передай мне следующие вещи:

осеннее пальто в обмен на зимнее, коричневые брюки и толстовку, белье пары 2, полотенце, носовые платки, носки, перочинный ножик, бритву и зеркало, чехол для постели, вещевого мешок и небольшой чемодан. Вот, пожалуй, и все. С остальными вещами поступай так, как найдешь нужным. О деньгах просить тебя не могу, т. к. не знаю, имеешь ли ты их сама. Надеюсь на дорогу успеть получить расчет со службы – не знаю там мне сколько насчитают за неиспользованный отпуск.

Дали мне 5 лет северо-восточных лагерей (Дальний Восток), а за что... я сам не знаю, т. к. никаких обвинений мне предъявлено не было – должно быть за 27–28 год.

Не волнуйся и не теряй надежды. Береги свое здоровье для Люси. Буду ходатайствовать о помиловании.

Надеюсь, что ты здесь и наше свидание состоится. Когда меня отправят – сказать не могу, но, видимо, скоро... возможно, дней через 5-6. Постарайся сейчас же мне ответить на это письмо, чтоб я знал, где ты и куда тебе писать. Пиши по адресу: Ар-к, ул. Пролеткульта 14. Архтюрьма № 1 и мне.
Крепко обеих целую и желаю обeim здоровья. Сам я пока здоров.
Твой Миша» (14.07.1937).

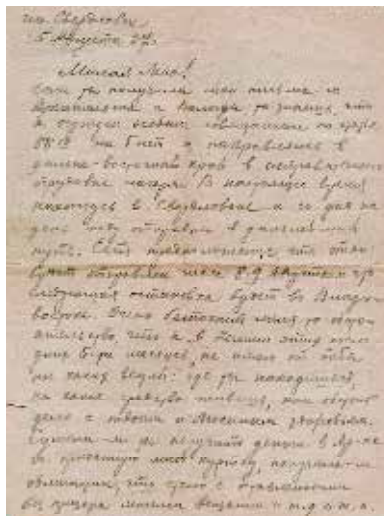
А с перепиской неожиданно происходит что-то непонятное: Стройков перестает получать ответы на свои письма, жена и дочь не имеют известий от него. Связано это было с тем, что знакомый энкавэдэшник посоветовал жене Стройкова уехать из Москвы, и она с дочерью переехала в Пушкино. А письма от Стройкова шли на московский адрес.

Из писем М. М. Стройкова жене:

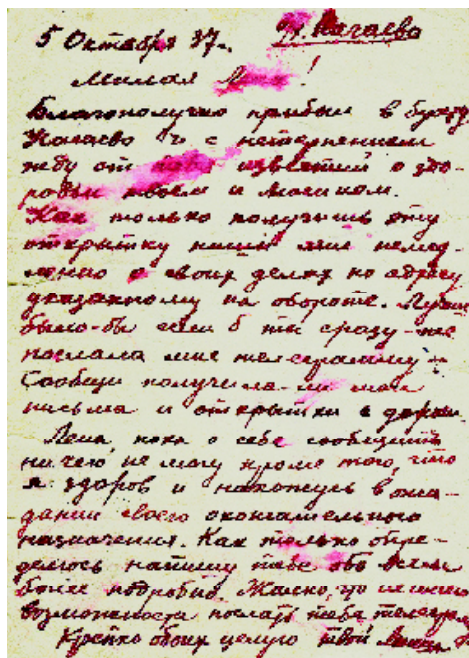
«Милая Лена! Послал тебе уже несколько писем – не знаю, получила ли ты их. <...> Единственное, что меня ставит в тупик – это вот уже 5-й месяц никаких от тебя известий, и это меня страшно тревожит...» (18.07.1937)

***

«Милая Лена! Если ты получила мои письма из Архангельска и Вологды, то знаешь, что я осужден особым совещанием по статье 58-10 на 5 лет и направляюсь в Дальневосточный край в исправительно-трудовые лагеря. <...> Очень беспокоит меня то обстоятельство, что я в течение этих последних 5-ти месяцев не имею от тебя никаких вестей: где ты находишься, на какие средства живешь, как обстоит дело с твоим и Люсиным здоровьем...» (5.08.1937)

Письмо М. М. Стройкова с этапа. Свердловск, 5.08.1937

Последнее письмо М. М. Стройкова
из бухты Нагаева. 5.10.1937

А все это время жена и дочь продолжали писать Стройкову в Архангельск, но НКВД запретило хозяйке, в доме которой он жил, сообщать об его этапировании на Кольму.

Михаил Макарович Стройков был расстрелян 13 августа 1938 года в Севвостлаге, предположительно близ поселка Берелёх. Жене сообщили, что он умер от менингита.

Из интервью Ю. М. Волковой:

– Я никогда не забуду, как мы с мамой ходили по знакомым и на карте искали, где эта станция Берелёх находится...

– **А вы никогда не думали, что отец в чем-то виноват?**

– Я никогда этого не думала. Я очень любила отца и верила в его порядочность, необыкновенную порядочность. Что он думал, то он и говорил. Второго дна не было. Я его ждала, я ждала все время. Мне казалось, что отец жив. Я папины письма не могу читать без рыданий.

- Дочь Михаила Макаровича Стройкова оправдала ожидания отца. Юлия Михайловна Волкова окончила Московское высшее

художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское), стала театральным художником, работала в театрах Москвы.

Алексей Вангенгейм

«Передай дочери мой
энтузиазм»

Алексей Феодосьевич Вангенгейм.
1910-е

Алексей Феодосьевич Вангенгейм писал письма с Соловков, куда был отправлен после ареста в январе 1934 года и где находился вплоть до расстрела в ноябре 1937-го. Письма шли в Москву – жене и дочери. Жена, Варвара Ивановна Кургузова, работала директором школы № 40 «для переростков», дочери Элеоноре на момент ареста папы не исполнилось и четырех лет. На Соловках было написано 168 писем. Благодаря жене, а потом и дочери, дошедшие письма – их 141 – сохранились, и мы имеем возможность узнать, о чем думал, что переживал, на что надеялся, чему радовался и огорчался, о чем мечтал этот яркий, незаурядный человек, выброшенный из привычной работы, из любимой семьи, из нормальной жизни¹.

**«Я добровольно отказался от всех преимуществ класса,
в котором я родился»**

(из письма, 20.05.1934)

Биография Алексея Феодосьевича Вангенгейма могла бы сложиться совершенно иначе. Он родился в 1881 году в семье землевладельца. В протоколе (№ 83 от 9 октября 1937 года) «тройки», приговорившей его к расстрелу, будет записано: «Сын дворянина и крупного помещика». Отец восьмерых детей Феодосий Петрович Вангенгейм был прежде всего сельским интеллигентом, земским деятелем, устроившим на своем хуторе опытное поле и метеостанцию. Но, действительно, – потомственный русский дворянин, фамилия которого восходит, по одним данным, к выходцам из Голландии, по другим – из Германии. Алексей, его вто-

¹ Отрывки из писем вошли в книгу «Возвращение имени. Алексей Феодосьевич Вангенгейм». Авторы-составители: В. В. Потапов, Э. А. Вангенгейм. М.: Таблицы Менделеева, 2005.

Хутор «Уютное», Дмитриевский уезд Курской губернии, 1910-е

рой по старшинству сын, получил хорошее домашнее воспитание, читал и изъяснялся на немецком и французском, окончил Орловскую гимназию, учился в Московском университете и Московском сельскохозяйственном институте.

Во время Первой мировой войны стал начальником метеослужбы 8-й армии, потом Юго-Западного фронта; имел чин полковника. За организацию газовой атаки против австрийцев был награжден золотым оружием. Словом, все шло к тому, что Алексей Вангенгейм, наверное, мог бы, как его старший брат Николай², после Октября 1917-го эмигрировать во Францию. Мог бы, но не эмигрировал, выбрав себе другую судьбу.

Уже во время учебы на физико-математическом факультете Московского университета он участвует в студенческих волнениях, став горячим приверженцем социалистических идей. После Октябрьской революции активно занимается организацией народного образования в городе Дмитриеве, ведя просветительскую и агитационную деятельность среди крестьян Курской губернии. В одном из его писем с Соловков есть горькие строчки:

«Вспоминаются многие десятки лекций в селах и деревнях в период 1918–1922 гг., когда я ни одной своей поездки не оставлял без лекции. Сначала я прочитал лекции о сущности социализма и задачах Советской власти. Сколько раз читал лекции с самодельными диапозитивами. С какой верой я нес тогда в гущу крестьян идеи пролетарской

² Вангенгейм Николай Феодосьевич (1880–1967). Участник Белого движения, служил в марковских частях. Эмигрировал во Францию из Харькова в 1919. Работал военным инженером. Умер в г. Шель. Сведения о нем содержатся в кн.: «Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997». М., 1999. Т. 1. С. 488.

Алексей Феодосьевич Вангенгейм
с женой Варварой Ивановной
Кургузовой. Москва, 1930

С дочерью Элей. Москва, 1931

диктатуры и непримиримой борьбы с религией. А сколько лекций по агрономии я прочитал и организовал во всех волостях и для допризывников. Все это, конечно, теперь забыто, так как кому-то понадобилась глупейшая клевета» (17.04.1936).

Там же, в Дмитриеве, в июле 1919 года А. Ф. Вангенгейм создает музей, который сейчас носит его имя. В июле 1921-го он назначается уездным агрономом и участвует в организации метеослужбы в Курской губернии. Это не было увлечением дилетанта. Еще учась в Московском сельскохозяйственном институте, Алексей Вангенгейм работал на метеостанции в отцовском имении «Уютное».

А в 1920-х годах метеорология окончательно становится главным делом жизни молодого ученого. Приехав в 1923 году в Петроград, А. Ф. Вангенгейм начинает работать синоптиком в отделе долгосрочных прогнозов погоды в Главной физической (с 1924 года – геофизической) обсерватории под руководством известного метеоролога, будущего академика Б. П. Мультановского. Уже в 1925-м он становится членом правления ПГО, участвует в выпуске журналов «Климат и погода», «Журнал геофизики и метеорологии», выступает с докладами на заседании метеорологической комиссии Русского географического общества.

1926 год застаёт А. Ф. Вангенгейма уже в Москве, на посту заместителя начальника по научным учреждениям Главнауки Наркомпроса РСФСР. Через два года он избирается профессором

Московского университета, вступает в партию (хотя членом РСДРП состоял еще до революции), становится членом президиума Государственного ученого совета. У него – пропуск для свободного прохода в Кремль, он общается с А. В. Луначарским и Н. К. Крупской, встречается со многими наркомками, в его квартире бывают А. М. Горький, О. Ю. Шмидт, приезжающие в СССР иностранные ученые. И когда по его инициативе постановлением Совнаркома от 28 августа 1929 года в стране создается единая гидрометеорологическая служба – Гидрометеорологический комитет СССР, его первым председателем назначается А. Ф. Вангенгейм.

Окончательно устроилась и семейная жизнь. Еще в Дмитриеве Алексей Феодосьевич познакомился с Варварой Ивановной Кургузовой, которая стала его женой. Рождается горячо любимая дочка Элеонора – «Звездочка», как зовет ее папа. Впереди – самые радужные перспективы: и в его науке, и в его семье, и в его, как считал бывший дворянин Вангенгейм, стране.

А 8 января 1934 года Алексея Феодосьевича Вангенгейма арестовали. На этот вечер были взяты билеты в оперу, но жена напрасно ждала его у входа в Большой театр.

После не очень долгого следствия – клеветнический оговор, стандартное обвинение в шпионаже и вредительстве – был вынесен приговор: 10 лет исправительно-трудовых лагерей.

Тюремные фотографии Алексея Феодосьевича Вангенгейма. 1934

«Несмотря ни на что мой прогноз об объединении метеорологических служб всего мира оправдывается, я не сомневаюсь»

(из письма, 24.08.1935)

В письмах из Соловецкого лагеря Алексей Феодосьевич часто вспоминает свою работу на посту председателя ГМК СССР. Это тяжелые воспоминания. Гордость за сделанное перемешивается с огромной обидой.

«Когда вспомнишь... работу в ГМК, мое детище – гидрометеорологическую службу, которую я пестовал на гордость СССР, – становится жутко, больно, хочется кричать...» (9.11.1934)

И тем не менее он вспоминает. В письме к жене объясняет так:

«Пройдет время, и все забудется, забудется то, что наполняло мою рабочую жизнь. И вот я решил понемногу подвести итоги тому, что я сделал, чтобы и ты, и моя дочка знали, что я не напрасно коптил небо».

Такое впечатление, что Вангенгейм уже не верил, что когда-нибудь увидит своих родных. И спешил напомнить о том, что успел сделать и что хотел бы сделать, но не успел.

«В одном из последних журналов прочитал статью об использовании силы ветра для соц. строительства. <...> Эта энергия, при рациональном ее использовании, может дать нам десятки тысяч Днепростроев, она позволит бороться с засухой, с пустыней именно там, где наибольшая жара и очень сильные ветры, куда доставлять топливо для двигателей чрезвычайно трудно. Ветер может пустыни превратить в оазисы. Перспективы – блестящие, не говоря уже о том, что на севере ветер может и отоплять, и освещать, и варить, и возить. <...> Я вспомнил, что первый, [кто] не только поднял вопрос, но поставил его на рельсы, включив в план «ветровой кадастр», – это я. <...> Я должен был в 1934 г. закончить первый атлас распределения ветровой энергии в СССР; он, конечно, выйдет, но уже без меня. Совершенно то же и с так наз. «солнечным кадастром» – моим детищем – учетом солнечной энергии в СССР. <...> Солнечной энергии и ветру принадлежит все будущее, т. к. они неистощимы и колоссальны по своей мощности,

но мне кажется, что мой уход затормозит на ряд лет приближение возможности их использования» (10.06.1935).

* * *

«СССР обладает колоссальными богатствами водной энергии, как мы называем, белым углем. Если бы учесть все воды нашей громадной территории, то мы могли бы спроектировать десятки тысяч Днепростроев, Волховстроев и пр. <...> В 1931 г. я задумал организовать водный кадастр для страны социализма, где для планирования нужен прежде всего учет. Я долго бился в Госплане и в НКФ, чтобы получить необходимые средства. Но кроме платонического сочувствия я ничего не мог получить. <...> Много пришлось потом претерпеть, т. к. рвачество специалистов, недостаток людей, опыта, сокрытие некоторыми учреждениями данных мешали делу. Но ко времени XV съезда партии удалось вывести на прочную дорожку весь кадастр и обеспечить его окончание. Не знаю, в каком положении сейчас дело...» (24.06.1936)

* * *

«...Вопрос о заботе о "человеке", об освобождении труда от ига погоды, м. б. о продлении жизни... меня интересовал очень. И вот в начале 1932 г. я созываю первую в Союзе, а я думаю, что и первую в мире, конференцию по вопросу о влиянии погоды и гидрорежима на человека. Статьи в "Правде" и "Известиях", в моих журналах предшествовали этой всесоюзной конференции. Она вылилась в чрезвычайно интересный съезд с участием наших специалистов, врачей, архитекторов, инженеров, плановиков и лесоводов. Стал вопрос о трех основных проблемах: 1) г-м режим и здоровье человека с точки зрения медицины, 2) гидрометеорежим и строительство зданий, 3) гидрометеорежим и планировка городов и озеленение. Интерес был громадный. Я чувствовал себя именинником. Конференция оставила после себя комиссию, со мной во главе. <...> Между прочим, поставили задачу изучить состояние человека в различных климатических условиях: 1) в Арктике, 2) на высоких горах, 3) на средней равнине, 4) в пустыне. Выработали планы, связались со Шпицбергом, где я организовывал специальную станцию, привлекли выдающихся врачей. <...> Созванная мною конференция нашла отклик за границей. И-т Пастера в Париже пригласил меня к себе на аналогичное совещание, созванное уже по нашему примеру» (30.06.1935).

Из писем видно, что А. Ф. Вангенгейм был силен прежде всего как энергичный организатор гидрометеорологической службы страны. Создав единую систему метеослужбы в СССР, он мечтает об объединении метеорологических служб всего мира. Для этого он создает Главную геофизическую обсерваторию (ГГО) и Государственный гидрологический институт, редактирует журнал «Вестник Единой гидрометеорологической службы СССР», организует в Ленинграде Гидрологическую конференцию Балтийских стран и выступает на ней с докладом, привлекает к работе Тура Бержерона, знаменитого шведского метеоролога, основоположника учения о воздушных массах и фронтах. По его инициативе основываются первые в мире специальные учебные заведения – Московский и Харьковский гидрометеорологические институты и несколько техникумов, создается и реализуется национальная программа СССР по изучению Севера. Заботясь о долгосрочных прогнозах погоды, Вангенгейм добивается создания на советском Севере целой сети метеостанций.

«Сеть грандиозна, станции построены в самых глухих местах. Конечно, не без ошибок, не без недочетов, но сделано максимум возможного. Эта сеть стала гордостью Союза. Бержерон рассыпался в похвалах...»
(24.07.1935)

* * *

«Ты, вероятно, читаешь о предстоящем полете Леваневского через Северный полюс. Как ни странно, но он меня касается очень и очень близко. Невольно вспоминается, что мною сделано для него. Ведь если бы я три года не боролся за полярную сеть станций, перелет был бы невозможен...» (3.08.1935)

Вангенгейма арестовали, оторвали от любимого дела в 52 года. Грандиозные планы, полнота физических и творческих сил, беспредельная преданность социализму... Сколько бы он смог еще сделать!

«Тревога невольная в душе, что правда никому не нужна»
(из письма, 14.07.1934)

Итак, арест 8 января 1934 года. Что явилось поводом? В период Большого террора (1937–1938) этот вопрос был бы излишен – достаточ-

но «иностранный» фамилии и непролетарского происхождения. Но пик репрессий наступил позже. Почему же арест в январе 1934-го? С троцкизмом Вангенгейм никак не соприкасался, в какой-либо оппозиции не состоял, до убийства Кирова, которое положило начало повсеместным массовым репрессиям, оставался год. Почему?

Доктор географических наук Юрий Иванович Чирков, тогда еще совсем молодой человек (его отправили на Соловки 15-летним подростком), был сокамерником А. Ф. Вангенгейма, много и дружески общался с ним и, по-видимому, со слов Алексея Феодосеевича так рассказал о причинах ареста своего старшего товарища³. В 1933 году в Ленинграде проходил 1-й Всесоюзный геофизический съезд, на который приехали зарубежные ученые из многих стран. В пригласительных билетах было указано, что вступительная речь А. Ф. Вангенгейма будет на французском языке. Примерно за час до открытия съезда Вангенгейму позвонили от Сталина и передали указание произнести речь по-русски. Удивленный Алексей Феодосеевич ответил, что программа согласована во всех инстанциях, опубликована и изменения недопустимы. Выступление было на французском языке, съезд прошел блестяще, но Алексей Феодосеевич почувствовал, что отношение к нему изменилось. Через несколько месяцев произошла катастрофа при подъеме стратостата «Осоавиахим-1», и А. Ф. Вангенгейм был обвинен в умышленном неверном прогнозе условий полета.

Приведенная Чирковым версия мало что объясняет. Доклад, произнесенный вопреки запрету на французском, – повод не очень серьезный, хотя Сталин таких «ослушаний» не забывал. Катастрофа стратостата «Осоавиахим-1» произошла 30 января 1934 года, то есть через две недели после ареста, и могла быть «пришита к делу» Вангенгейма разве что задним числом. Остается предположить, что к моменту ареста Вангенгейм уже находился «под колпаком» ОГПУ. Не исключено, что «под подозрение органов» А. Ф. Вангенгейм попал еще в 1931 году, занимая пост заместителя председателя Центрального бюро краеведения.

Дело в том, что с начала 30-х годов по сигналу из Кремля в прессе началась травля краеведов за деятельность по охране памятников старины и природы. Будучи ответственным редактором журнала «Известия ЦБК», а затем и «Советского краеведения», А. Ф. Вангенгейм, как мог, брал под защиту старых «буржуазных» краеведов. За что в 1931 году он был снят с поста редактора и вскоре выведен из со-

³ Чирков Ю. И. А было все так... М.: Изд-во политической литературы, 1991.

става редколлегии журнала и президиума ЦБК. В «Советском краеведении» была напечатана статья, в которой Вангенгейм и его коллеги обвинялись в «либеральном отношении» к старому краеведению.

Что же касается катастрофы стратостата «Осоавиахим-1», то, несмотря на вывод правительственной комиссии об отсутствии в ней вины метеорологов, для чекистов она оказалась как нельзя более кстати. Вместе с Вангенгеймом были арестованы еще несколько его сослуживцев. Алексея Феодосьевича обвинили в организации контрреволюционной работы в Гидрометеослужбе СССР, в вербовке для этой цели сотрудников, в том, что он якобы вел разведывательную работу, собирая через специалистов метеослужбы секретные сведения, занимался вредительством, составляя ложные прогнозы погоды с целью срыва сельскохозяйственных кампаний и т. п. «Винным себя не признал, но избличался рядом показаний Крамалея, Лорис-Меликова и Васильева», – говорилось в обвинительном заключении. В 1956 году, в процессе реабилитации, Лорис-Меликов и Васильев отказались от своих показаний, признавшись, что оговорили себя и Вангенгейма «ввиду применения незаконных методов ведения следствия».

На Соловках А. Ф. Вангенгейма не оставляли мысли о несправедливости произошедшего. Он пишет Сталину, Калинину, Кагановичу, Ежову, Вышинскому, Димитрову, в Комиссию партийного контроля (было отправлено 8 писем), просит жену узнать судьбу своих обращений, зайти к именитым знакомым (А. М. Горькому, Н. К. Крупской, О. Ю. Шмидту и другим) и попросить их о помощи.

«Я попрошу тебя пройти к Тихону Александровичу Юркину⁴ (Дом Правительства в Замоскворечье), как только освободишься, чтобы узнать, получил ли он мое письмо и сделал ли что-либо. Я прошу его и тов. Сталина только об одном – выслушать меня. Этого достаточно, чтобы восторжествовала правда» (выделено автором; 23.05.1934).

⁴ Юркин Тихон Александрович (1898–1986). В 1934 нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР.

* * *

«Узнай, получил ли т. Сталин мое заявление от 11 мая... Не верится, что заявление будет игнорировано. Еще поручение – пройди в Комиссию Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) и узнай, получена ли моя апелляция, какой результат. <...>

Фотография Варвары Ивановны Кургузовой с дочерью Элеонорой, посланная папе в лагерь. 1936

Ты себе не можешь представить состояние человека, который выполняет свой священный коммунистический долг, но не может добиться реальных результатов. И обида, и боль, и сознание дикого безумного бессилия. Но вера меня пока не бросает. Я еще 9 марта писал т. Сталину, что веру в партию и Сов. ЦК я не терял и не потеряю ни при каких условиях. Уверен, что это так и будет. <...>

Бывают моменты упадка веры, но я систематически борюсь с этим и не допущу. Эх, А. М.⁵ пел про гордого человека, трагически прекрасного человека. Почему ему не доказать на деле, что он может бороться за честь коммуниста, оставшегося гордым Ленинцем» (5.06.1934).

⁵ А. М. Горький.

* * *

«6-го июня я послал заявление т. Калинин М. И. <...> Как-то не верится, чтобы мои обращения остались гласом вопиющего в пустыне. Буду ждать, надежд еще не потерял» (18.06.1934).

Однако надежды тают с каждым лагерным днем. Ответы на письма не приходят. Попытки жены найти помощь у бывших друзей семьи оканчиваются ничем. А. Ф. Вангенгейм по-прежнему идеализирует коммунистическую партию и советскую власть, но вера в их руководителей уже подорвана.

«Никаких последствий от обращения к т. Сталину еще 11.5.34, от обращения в К<омиссию> П<артийного> Контр<оля> от 17.5, в ЦИК т. Калинин 6 июня нет. Я не знаю, что и подумать. Как-то не

хочется думать, что никому не нужна подлинная правда. Достаточно уважаю я партию и соввласть, чтобы не терять надежды на то, что правда заинтересует их представителей» (7.07.1934).

* * *

«Обращение к тов. Сталину, к Кагановичу, Калинин, заявление в приезжавшую Комиссию – пока безрезультатны. Тревога невольная в душе, что правда никому не нужна. Невольно подкрадываются ужаснейшие сомнения. Пока я их гоню» (1934).

* * *

«Была ли у А. М.? Про него здесь говорят нехорошо, его посещение всем памятно»⁶ (14.07.1934).

* * *

«Не могла ли ты узнать через О. Ю.⁷, получено ли мое заявление тов. Сталину от 11.5.34. Времени прошло много. Неужели же ни одно не дошло?» (23.07.1934)

* * *

«Что-то интуитивное подсказывает, что страдания кончатся не скоро. Все окружающее, все происходящее навеивает все больше и больше пессимизма. Хочется с ним бороться, борюсь упорно, но факты, как нарочно, каждый день осаживают и пытаются усилить пессимизм» (13.01.1935).

Прошедший в бесплодных надеждах год после ареста, как и следовало ожидать, завершился отчаяньем. У многих из тех, кто разделил судьбу Алексея Феодосьевича, это сопровождалось мировоззренческим переворотом, революцией в сознании, отрицанием былых идеалов. У многих. Но не у Вангенгейма.

«И на Соловках можно строить социализм»

(из письма, 11.05.1934)

На Соловках А. Ф. Вангенгейма сначала посылают на сельхозработы – в теплице, на огороде: «10-часовой рабочий день с 6 час. утра до 4 час. дня без перерыва и отдыха», – сообщает он в одном из первых писем. Несмотря на это Алексей Феодосьевич добровольно начинает вести среди заключенных привычную для себя просветительскую работу: «Днем на работах, вечером читаю лекции...» (20.05.1934)

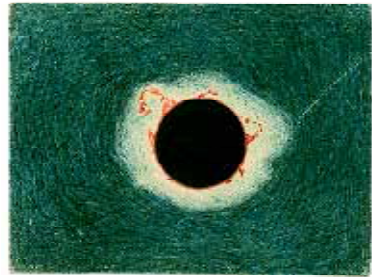
⁶ А. М. Горький приезжал на Соловки весной 1929. Вопреки надеждам заключенных («Горький во всем разберется, Горького не обманешь!», писатель ничего не сделал для облегчения их участи, да и не пытался, всецело поверив сопровождавшим его чекистам. Сведения о пребывании Горького на Соловках можно найти в «Воспоминаниях» Дм. Лихачева, который в 1929 отбывал заключение на острове.

⁷ Имеется в виду Отто Юльевич Шмидт. По рассказу жены Вангенгейма Варвары Ивановны, она не смогла узнать об этом у Шмидта – Отто Юльевич ей просто не открыл дверь.

Вот темы лекций, прочитанных им на Соловках:

- Овладение стратосферой.
- О реактивных двигателях.
- Завоевание Арктики.
- О полетах на Луну.
- Об использовании солнечной энергии.
- Наука на службе быта.
- О полярных сияниях.
- О солнечном затмении.
- О лучистой энергии.
- О физике Солнца.
- О жизни на Марсе.

Солнечное затмение. Из письма, 19.07.1936

Полярное сияние. Из письма, 23.02.1936

О своей просветительской деятельности пишет с гордостью:

«В некоторых местах, особенно при преобладании уголовных, мои лекции слушают внимательно, впитывают жадно. Это для меня практика популяризаторской работы. Я большей частью ориентируюсь на неподготовленного слушателя и практикуюсь излагать совершенно популярно иногда труднейшие вещи... Как ни утомляюсь я от чтения лекций, это единственное, что хоть в ничтожной степени меня удовлетворяет» (18.04.1936).

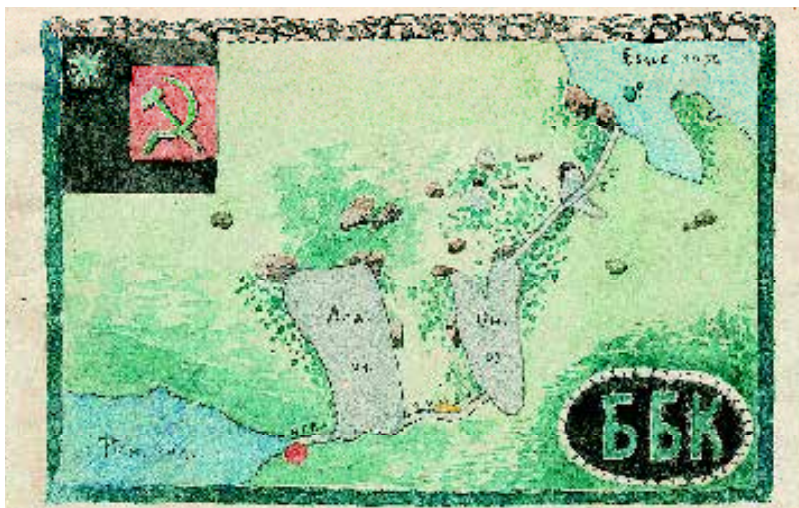
* * *

«Я сейчас специализируюсь на лекциях тем, кто не хочет слушать. Так в первый раз встретила меня одна камера, над которой я взял своего рода шефство в отношении лекций. Но с самого начала лекции отношение аудитории изменилось, и теперь я при каждой лекции получаю заказ по крайней мере на 2 следующих. Мне как педагогу интересно проводить такие чисто методические опыты» (3.02.1937).

На Соловках А. Ф. Вангенгейма настигла тяжелая форма невралгии, стала отказывать левая рука. После двухмесячного пребывания в больнице его отправили в инвалидную команду и перевели на работу в лагерную библиотеку, где пришлось быть и сторожем, и уборщиком, и библиотекарем. При этом постоянно, по собственной инициативе, Алексей Феодосиевич предпринимает некие, как он пишет, «культурно-политические начинания». То, комбинируя растения и камни разного цвета, разбивает клумбу с красной звездой, советским гербом и лозунгами «Труд – дело чести» и «Перековка», то создает из стекла и камня портреты Ленина и Дзержинского, то рисует тушью на стекле портреты Сталина, Кирова и Куйбышева, то оформляет выставку к XV партийному съезду. Кроме того, он активно сотрудничает в стенной печати и на слете лагкоров стальных газет, за что премируется книгой «с именной надписью».

В сентябре 1936 года А. Ф. Вангенгейм начинает заведовать музеем в Соловецком кремле. В сущности, он создает этот музей, став в нем и научным работником, и сторожем, и уборщиком, и истопником. Письма 1936–1937 годов дают представление о его работе в музее. Прочитируем некоторые из них.

Эскизы газонов Соловецкого лагеря

«Сейчас у меня время занято весьма и весьма. Ведь и музей, и прежняя работа по библиотеке, и лекции – все на мне. Я должен был к празднику прибрать 1110 квадратных метров помещения, да около 10 000 экспонатов освободить от пыли. Должен был изучить отделы музея, чтобы проводить экскурсии...»

«С материалом в общем ознакомился, хотя он оказался не таким простым... Штудирую литературу в промежутке между уборкой, открыванием двери, топкой печей и пр.»

«Последние дни, кроме выходных, пришлось проводить чуть ли не ежедневно экскурсии... Экспонатов достаточно, начиная с иконописи XVI века и резьбы по дереву даже XV века».

«Изучаю сейчас историю военного дела, чтобы открыть специальный отдел в отведенной нам кремлевской башне».

«Особое внимание приходится уделять вопросам старого военного снаряжения, чтобы развернуть отдел «монастырь – военная крепость».

«Сейчас разрабатываю материал для отдела экономики монастыря, организовал лекцию специалиста по скульптуре для изучения имеющихся образцов, предварительно помогал ему классифицировать образцы, разрабатываю план реорганизации религиозного и историко-художественного отдела, прочитываю для этого много книг...»

«Экспозиция разрослась настолько, что вместо 1 ч. 20 м. обхода с экскурсией сейчас приходится тратить 3½ – 4 часа, максимально сокращая объяснения. На днях разверну «Соловецкую медицину» с ее чудесами, святой водицей и пр. чепухой...»

Так Алексей Феодосьевич Вангенгейм «строил социализм» на Соловках. Строил как мог – не за страх, а за совесть. Вознаграждение за ударный труд было, естественно, соловецким. Из писем вырисовывается следующая система поощрений заключенных:

- возможность выбирать сокамерников: «В поощрение за общественные нагрузки получил возможность поселиться в комнате с теми, с кем бы хотелось. Живем четвером, трое серьезные работающие люди, один юноша, которого мне хочется направить на путь – заставить учиться. Живем немного тесно, но это по нашему желанию...» (14.07.1934);
- возможность получать «дополнительный противощинготный паек»;
- получение права на отправку дополнительных писем⁷: «Сегодня прошел чистку ударников. В числе ударников оставлен, следовательно, буду надеяться и в марте на дополнительные письма. Может быть, получу 3, как было все последние месяцы до февраля» (24.02.1935);
- получение права на дополнительную покупку продуктов в лагерьном ларьке: «Меня последнее время премировали за работу правом купить в ларьке некоторые вещи – носки, носовые платки и перчатки»; «...Премирован правом купить в ларьке 500 г конфет-подушечек» (9.04.1935);

⁷ При самых благоприятных обстоятельствах из Соловецкого лагеря А. Ф. Вангенгейму разрешалось отправлять четыре письма в месяц.

- увеличение рациона питания: *«Сейчас и материальные условия много лучше. Когда получил первый котел и 500 гр. хлеба, – должен был ежедневно готовить себе из своих продуктов. Теперь получаю второй котел, 800 гр. хлеба...»* (11.11.1936);
- повышение оплаты труда: *«Последние месяцы получил уже очень высокий оклад – 20 р. в месяц, это по сравнению с прежним – 1 р. 35 к. – громадный шаг»* (8.12.1935);
- сокращение срока заключения на определенное число дней за ударную работу: *«Недавно был зачет рабочих дней за третий квартал. Мне зачли по ударному, т. е. 31 день за три месяца. Ты интересовалась этими зачетами. За 1934 г. я имею 19 дней, за 1935 г. почему-то только за 3 квартала по 31 дню. Пока не удалось выяснить, почему за первый квартал ничего не дали. За 1936 г. за три квартала по 31 дню. Следовательно, пока набралось немного более 6½ [месяцев], если этого не отменят. Конечно, это капля в море. Спасибо, все же, что хоть и это дают»* (16.10.1936).

Но Алексею Феодосьевичу не суждено было дожидаться освобождения. 9 октября 1937 года строителя соловецкого социализма А. Ф. Вангенгейма по постановлению Особой тройки УНКВД по Ленинградской области приговорили к расстрелу. Обвинение – принадлежность к буржуазно-националистической организации «Всеукраинский центральный блок». Приговор привели в исполнение 3 ноября 1937 года на материке – в урочище Сандармох.

«Только мой дом с моими любимыми и дорогими представляется мне ясным и радостным...»

Приведем эти замечательные строки полностью:

«Куда бы я ни посмотрел, о чем бы я ни подумал, все представляется мне мрачным, тревожным, во многом безнадежным, и только мой дом с моими любимыми и дорогими представляется мне ясным и радостным, той звездой, которая освещает путь. И это дает мне новые силы, бодрость, и я не падаю духом вопреки убийственным фактам мрачной действительности» (18.02.1936).

Эта бодрость духа особенно ярко проявилась в обращениях к дочери Элеоноре – Звездочке, Элечке, как часто называет ее Алексей Феодосьевич в своих письмах.

«...В свободные минуты занимаюсь рисованием из камня на дереве. Получил разрешение на посылку первой своей работы – шкатулочки для Эли. <...> Пошлю при первой возможности. Эти работы хорошо действуют на нервы. Немного отвлекают от тяжелых мыслей и успокаивают нервы. Все камни на шкатулке – из Попова Острова, добавлен кирпич и каменный уголь. Попытаюсь определить все породы, чтобы шкатулка в то же время была и минералогической коллекцией. Принялся за вторую работу» (25.06.1934).

Большинство пришедших в Москву с Соловков писем были написаны на четырех тетрадных страницах. При этом текст и рисунки на нижней четверти третьей и четвертой страниц адресовались непосредственно дочке.

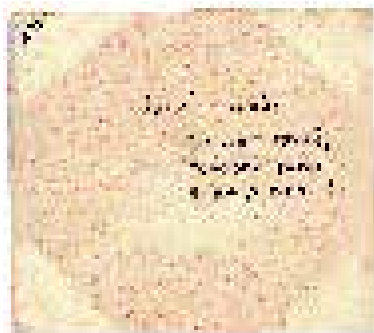
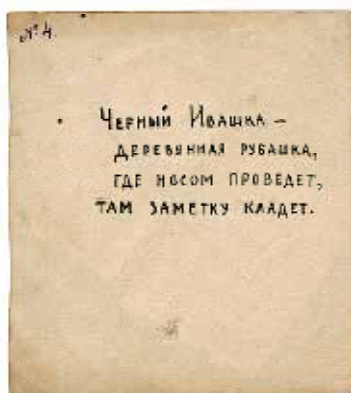
Письма к дочери Эле

По сути – это своего рода очень необычный и очень талантливый учебник для ребенка-дошкольника.

«Сейчас перегружены работой из-за инвентаризации библиотеки, но работа не выше моих сил. Очень мало приходится читать и даже штопанье чулок я должен был отложить до выходного дня. Зато хотя бы по несколько минут что-нибудь делаю для Эльчонка ежедневно.

Сейчас я посылаю ей загадки. Хорошо было бы, чтобы кто-нибудь ей подробно раз'яснил смысл загадки и пользование картинками. Я сделаю ей еще несколько» (30.11.1934).

Оторванный от семьи отец решил подготовить дочку к школе. «Математика в растениях», «Растения и погода», «Грибы»,

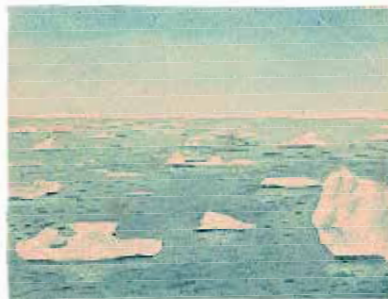

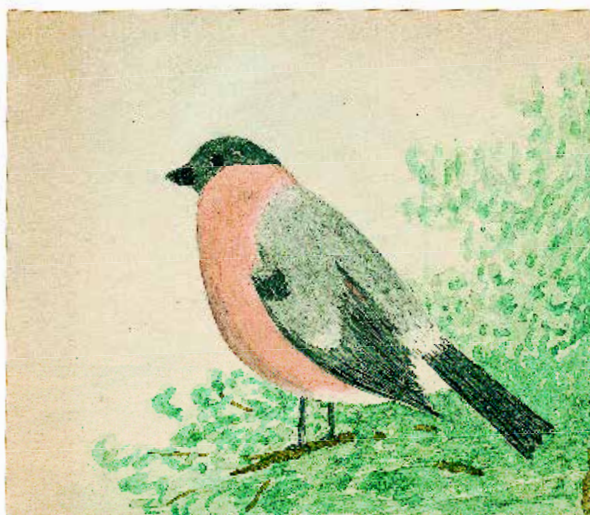
«Ягоды», «Звери и птицы», «Элины загадки», «Явления природы» – так можно назвать разделы этого «учебника» в письмах.

«...Урывками пробовал зарисовывать для Эльчонка вид моря, как видно из моего окна. Посылаю два вида одного и того же Залива Белого моря. Море с фиолетовой облачной занавесью, – очень оригинальное явление, – не совсем вышло. Но т. к. акварельные краски беру в руки первый раз в жизни, то это простительно. М. б. подучусь, будет выходить лучше. Варюша, передай рисуночки Эльчонке, моей дорогой звездочке» (6.02.1934).

Для этого учитель-папа собирает гербарий растений Соловков, вкладывает в конверт засушенные листочки, рисует птиц и животных, обитающих на

острове, рассказывает и показывает в рисунках северное сияние, солнечное затмение, море, сам остров и т. п. Так осуществляется «заочное обучение» ребенка началам математики, природоведению, географии, фольклору. При этом А. Ф. Вангенгейм как опытный педагог-методист каждый раз безошибочно ориентируется на изменяющийся с годами возраст «ученицы»; его обучение – не назидательное, а игровое, но заставляющее думать.

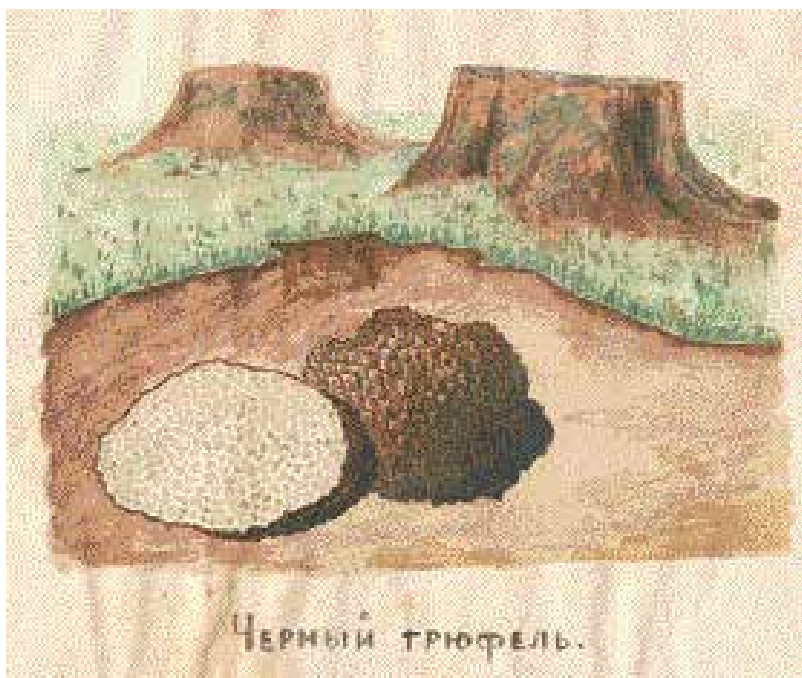
«Дорогая моя доченька! Тебе посылаю два грибка, которых я никогда сам не видел: сухарь – жесткий, как бы сухой гриб, но с'едобный, и трюфель. Этот гриб живет под землей, никогда над землей не показывается, и его ищут при помощи свиней. Свинки своими носами роют землю, отыскивают грибы, а человек из-под носу их у них выбирает. Один

Козинер

Сморчок

Черный трюфель.

грибок-трюфель нарисован целый, а другой разрезанный пополам, в середине он почти белый. Напиши мне обязательно, сколько всего грибков ты получила. Я их выслал с сегодняшними – 30. Пиши, родная! Поцелуй крепко нашу дорогую мамочку. Тебя крепко и много целует любящий папа» (31.10.1934).

Геометрия. Винтовая линия

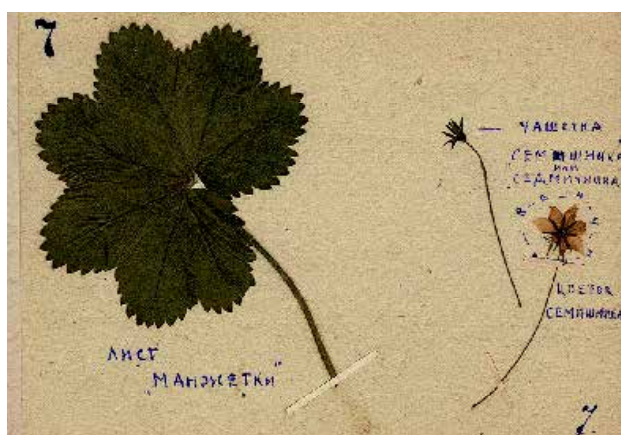

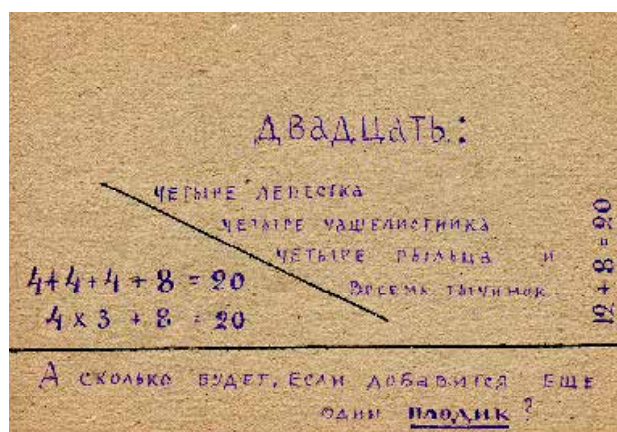
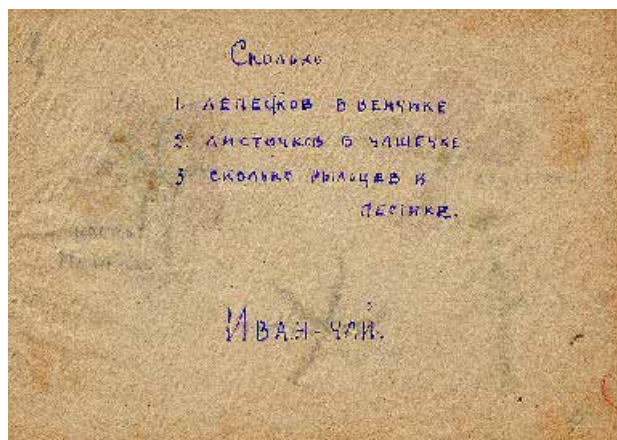
Геометрия. Спираль

Священник и философ Павел Флоренский, солагерник А. Ф. Вангенгейма, писал домой с Соловков:

«Один знакомый изготовил здесь для своей дочки, чтобы обучилась счету, гербарий из листьев... снабдил этот гербарий названиями и биологическими сведениями. Хорошо бы Тике и Ане составить такой же в неск. экземплярах и подарить в школы»⁹.

⁹ Священник Павел Флоренский. М.: Мысль, 1998. Т. 4. С. 269, 307.

Из послесловия Элеоноры Вангенгейм к книге «Возвращение имени.**Алексей Феодосьевич Вангенгейм»:**

«На момент ареста отца мне не было и четырех лет, а потому в памяти сохранились лишь отдельные эпизоды нашей семейной жизни...

В том, что сохранились письма отца, огромная заслуга мамы. Я помню их с раннего детства. Когда они приходили, естественно, вслух мама зачитывала лишь адресованные мне строчки. Затем письма тщательно и надолго спрятала...

До 1956 года (когда в справке о реабилитации появилось слово “посмертно”) мама надеялась, что отец жив, и ждала его возвращения...

Если я делала что-то не так, мама всегда говорила: “Вот вернется отец, и тебе будет стыдно перед ним”. Равнение на отца стало моей жизненной установкой. Программу гражданского воспитания, заложенную им, отслеживала и реализовывала моя мама. В одном из писем к ней отец писал: “Пусть из нашей дочери выработается такой же самоотверженный работник, какими были мы с тобой. Передай ей мой энтузиазм”. Хочу надеяться, что, по крайней мере, это пожелание отца я исполнила».

• Алексей Феодосьевич мог бы гордиться своей дочерью. Элеонора Алексеевна Вангенгейм (1930–2012) окончила геологический факультет МГУ, стала доктором геологических наук, работала ведущим научным сотрудником

в отделе палеонтологии Геологического института АН СССР (РАН). Занималась зоопалеонтологией, изучала ископаемых млекопитающих, была одним из главных мамонтологов в стране.

Михаил Бодров

«Твой неисправимый троцкист папа»

Михаил Антонович Бодров родился в крестьянской семье в 1902 году и провел детство в Подмосковье. С 1919 по 1923 год служил в Красной армии. После демобилизации жил в Москве, до 1928 года работал в Центросоюзе разнорабочим. В 1924 году он женился на Вере Романовне Уткиной – девушке из соседней деревни, привез ее в Москву. В 1925-м у них родилась дочь Тамара, в 1927-м – сын Анатолий.

В 1920 году Бодров вступил в РКП(б), в 1927-м был исключен из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции¹.

Семейная жизнь М. А. Бодрова продолжалась недолго и прервалась в 1929-м, после первого ареста.

¹ Активное преследование «троцкистской оппозиции», жертвой которого стал М. Бодров, началось после XIV съезда ВКП(б) в декабре 1927.

На съезде было одобрено исключение из партии Л. Троцкого и Г. Зиновьева, а также около сотни их сторонников.

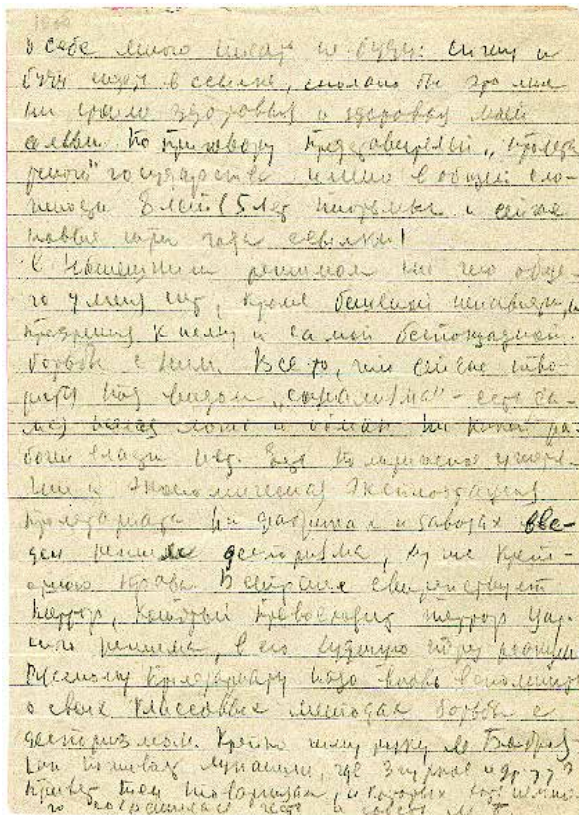
Михаил Антонович Бодров. Тюремные фотографии, 1929

Вера Романовна детям об отце почти ничего не рассказывала, скрывала, что он был репрессирован; в семье считалось, что он утонул. Возможно, сначала это делалось для конспирации. Во всяком случае, как это видно из переписки Бодрова, в 1934 году Вера Романовна приезжала к нему в казахстанскую ссылку, хотя детям об этом никогда не говорила. Дочери запомнилось только, что, по рассказам матери, «отец был очень порядочным». В подтверждение Вера Романовна приводила такой случай. Своего жилища в Мо-

скве у них с Бодровым не было, и они «снимали койку». Но когда в Центросоюзе Бодрову дали комнату, он, несмотря на то, что жена была беременна, отказался в пользу друга, у которого было двое детей. И лишь потом получил комнату на Разгуляе.

Михаил Антонович был убежденным троцкистом. Заполняя при аресте в июне 1929 года анкету арестованного, он и не думал скрывать своих политических взглядов. «Целиком и полностью стою на защите платформы оппозиции, деятельность оппозиции при настоящем положении во всех формах считаю необходимой и всемерно буду проводить. Политику ВКП(б) считаю неправильной. От всяких показаний по существу моей роли, деятельности и связей в организации – отказываюсь».

В одном из перехваченных НКВД писем Бодрова из мест заключения читаем: «С ненавистным режимом ничего общего у меня нет, кроме бешеной ненависти к нему и самой беспощадной борьбы с ним».

Письмо М. А. Бодрова к товарищам.
11.12.1934

При обыске во время ареста в 1935 году у Бодрова была найдена написанная им листовка с четким изложением критических взглядов оппозиционера:

-
- «1. Нынешний сталинский режим ничего общего не имеет с диктатурой пролетариата, т. е. с властью рабочих. Мы имеем не власть рабочих, а неограниченную диктатуру бюрократической олигархии, которая своим террористическим режимом превосходит старый царский режим и даже господствующий режим в Германии и Италии.
2. Рабочий в России политически угнетается и экономически эксплуатируется. Материально русский рабочий живет не только хуже западноевропейского безработного, но даже хуже китайского кули.
3. Все, что ныне выдается за “социализм”, – ложь и обман.
4. В связи с колхозной авантюрой – деревня разорена.
5. Во всей стране свирепствует абсолютное бесправие. Тюрмы, ссылки и концлагеря – переполнены сотнями тысяч ни в чем не повинных людей.
6. Управленческий аппарат обжирается от изобилия – внизу рабочая масса и трудящееся крестьянство изнемогают от недоедания и непосильного труда.
7. В городах, на фабрике-заводе, в деревнях, колхозах, совхозах – методы труда напоминают крепостные...»²
-

² Вейхман В. Воскреснет ли старый комендант? Докум. повесть. Тель-Авив: Иврус, 2002. С. 131–132.

Политическая позиция М. А. Бодрова не ограничилась идейными установками, он становится активным участником троцкистского подполья.

Бодрову 27 лет. В течение нескольких месяцев 1928 года он выполняет важное задание: тайно, под вымышленным именем, возит секретную почту сосланного в Алма-Ату Троцкого; проделывает для этого двести верст на лошадях между Алма-Атой и Фрунзе, где кончалась железная дорога, и там передает ее другому нарочному. О масштабах этой работы имеется свидетельство Л. Д. Троцкого: «Нами послано было из Алма-Ата около 800 политических писем; в том числе ряд крупных работ. Кроме того, отправлено было около 650 телеграмм. Получено нами свыше 1000 политических писем, больших и малых, около 700 телеграмм, в большинстве коллективных. Все это, главным образом, в пределах ссылки. Сверх того из Москвы нами получено 8-9 секретных почт, т. е. конспиративных материалов с нарочными; столько же отправлено.

Секретная московская почта держала меня в курсе всех дел и позволяла с небольшим запозданием откликаться на важнейшие события»³.

Это задание, связанное с большим риском, по отзыву его товарищей, он выполнил с честью.

Вот что рассказывалось о Михаиле Бодрове в «Бюллетене оппозиции»:

«Московский рабочий, красноармеец во время Гражданской войны, большевик-ленинец. В начале 1928 года, после ссылки Л. Д. Троцкого в Алма-Ата, тов. М. Бодров был направлен организацией в Алма-Ата для поддержания связи Л. Д. Троцкого с Москвой. Приняв облик уральского крестьянина, отпустив бороду, с соответствующими бумагами, М. Бодров обзавелся лошадьми и повозкой и в качестве ямщика ездил из Алма-Ата до ближайшей железнодорожной станции (г. Фрунзе, двести с лишним верст) и обратно. В очень трудных условиях тов. Бодров проявил большую выдержку, хладнокровие и ловкость. Великолепно справившись со своей задачей, он обеспечил связь Л. Д. Троцкого с Москвой на наиболее трудном участке. Продержавшись около года, тов. Бодров был арестован в связи с другим «делом», но был «разоблачен» и как ямщик. Просидев много месяцев в разных тюрьмах, тов. М. Бодров был затем сослан. Арестованный снова, он просидел три года... Ныне находится в ссылке, по другим сведениям, направлен в концлагерь»⁴.

1928 год – последний год свободы. Возможно, самый счастливый его год. По возвращении в Москву в июне 1929-го он будет арестован. При обыске у него найдут две фотографии Троцкого, «Завещание» Ленина, подпольную литературу. Это первый арест, после которого он был направлен в Челябинский политизолятор. За первым приговором следуют другие: в 1930-м, в 1933-м, в 1935-м. Все – «за контрреволюционную троцкистскую деятельность». На допросах от Бодрова требуют назвать имена соучастников, добиваются осуждения троцкизма. В ответ он для видимости заявляет об отходе от троцкизма, но, разумеется, не думает называть имена товарищей и даже не собирается признавать троцкизм антисоветским течением.

Из Протокола допроса от 14.06.1930:

«Утверждаю, что ни с кем из сторонников троцкистской оппозиции разговоров о возобновлении или продолжении нелегальной работы я не вел. Никаких нелегальных троцкистских материалов после

³ Архив Троцкого в Хотгонской библиотеке Гарвардского университета (США). Папка bMs Russ 13 T-3149. T – /И-Р/.

⁴ Бюллетень оппозиции, № 50. Май, 1936. Официальный печатный орган троцкистской оппозиции. Выходил в Париже в 1929–1941. С начала издания журнала и до своей смерти в 1940 главным редактором «Бюллетеня» оставался Л. Троцкий.

возвращения моего из политизолятора я ни от кого не получал, не читал и ничего о них не знаю. Деятельность и взгляды оппозиции в прошлом я не могу назвать контрреволюционными...»

Понятно, что после такого «признания» за новыми арестами дело не стало.

Выписка из протокола Особого совещания НКВД СССР от 20.06.1935:

«Михаил Бодров был направлен в Семипалатинск, где прожил до конца 1934 года. Работал экономистом в Облпотребзаготконторе. Вел оживленную переписку с товарищами-троцкистами. 9 января 1935 года был снова арестован УНКВД по Восточно-Казахстанской области. Предъявлено обвинение по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР в проведении систематической контрреволюционной пропаганды и агитации среди населения г. Семипалатинска, обработке в троцкистском духе малоустойчивых коммунистов, организации сборов в кассу взаимопомощи, попытке нелегально переслать свои контрреволюционные письменные установки в Москву».

По последнему приговору Бодров получает пять лет лагерей. Его направляют сначала в Карлаг (Казахстан), а затем в Севвостлаг – на Колыму. Здесь его как «особо опасного» помещают в ОЛП Зырянка, поселок, расположенный в 90 километрах от Полярного круга.

Из документальной повести Владимира Вейхмана «Воскреснет ли старый комендант?»:

«Где бы ни находился Михаил Бодров, он везде оказывался зачинщиком акций протеста. На карагандинском пересыльном пункте он... организует выступление против пристрастного следствия. Карагандинский этап прибывает в Красноярск – и за подписью Бодрова в НКВД направлено резкое заявление от имени всех политических заключенных. На пересылке во Владивостоке Бодров заявил краевому прокурору, уговаривавшему заключенных погрузиться на “Кулу”: “Вся деятельность НКВД – сплошная провокация, им надо лишь затянуть нас на пароход”⁵.

Среди политзаключенных было много осведомителей. Владимир Вейхман приводит свидетельство одного из них:

⁵ Вейхман В. Воскреснет ли старый комендант? Докум. повесть. Тель-Авив: Иврус, 2002. С. 132.

«Источник “Овод”

Принял: Иванов

12/VII-36 г.

Агентурное донесение

С прибывшим этапом на пароходе “Кулу” приехали организаторы контрреволюционных действий – троцкисты, которые назвали себя старостатом⁶, без всяких назначений и выборов, главные руководители к-р действий – Бодров, Барановский, Саянский, Мартов. Находясь в карантинном пункте Севвостлага, указанные лица сгруппировали вокруг себя троцкистов, а равно ведут агитаторскую работу и среди остальных з/к, привлекая их на свою сторону, говоря, что нас пригнали на Колыму для уничтожения, терять нам совершенно нечего, вы также должны бороться против органов НКВД, как и мы»⁷.

⁶ Старостат – Совет старост; неофициальный орган самоуправления политзаключенных на Соловках и в политизоляторах, защищавший их интересы перед администрацией.

⁷ Вейхман В. Воскреснет ли старый комендант? С. 93.

А вот еще, из выступления Михаила Бодрова на собрании политических ссыльных:

«Вы, товарищи, не видите, что творится у вас под носом. Диктатуры пролетариата нет, есть бонапартистско-фашистская диктатура. В партии совершился термидор. В партии не осталось элементов, проводящих линию ленинизма, а есть только чиновники, которые выполняют очередные заказы Сталина»⁸.

⁸ Там же. С. 84.

Михаил Бодров – один из безусловных руководителей голодовки двухсот четырех заключенных-троцкистов на карантинном пункте в Магадане. Понятно, что отношения у Бодрова с лагерным начальством сложились самые скверные. Фамилии Бодрова и его гражданской жены Анисьи Григорьевны Штифановой постоянно фигурируют в агентурных донесениях. Выходить на общие работы Бодров отказался, попытку вмешаться в его личные семейные отношения назвал «циничной и гнусно-шантажистской», добавив к этому: «Что же касается открытой угрозы перевести меня на штрафной паек за отказ от общих работ, то мне кажется – это просто несерьезно и смешно. Потому что “пугать” политического человека, находящегося в непрерывном заключении с 1929 года, штрафным пайком просто не остроумно»⁹.

⁹ Там же. С. 132.

В безнадежной глухомани Зырянки упрямо отстаивающий свои убеждения Бодров совершает отчаянный поступок. Когда его за отказ от работы должны были водворить в подконвойную палатку,

он, как написано в акте, «нанес себе порез в области шеи обломком бритвы». «“Миша, держись, крепись, пусть рабочие смотрят, как расправляются фашисты!” – кричала Штифанова...»¹⁰

¹⁰ Там же. С. 132.

Находясь в колымском заключении, он активно участвует в лагерном сопротивлении – массовой голодовке троцкистов, в забастовке.

Конец был предreshен. Постановлением Тройки НКВД по Дальстрою от 14 сентября 1937 года Михаил Антонович Бодров был приговорен к расстрелу.

В архиве Международного общества «Мемориал» хранятся 25 писем М. А. Бодрова. Из них 24 адресованы товарищам по оппозиции и одно – семилетнему сыну Толе. Вот это письмо:

---

*«Моему милому мальчику – Толе! Посылаю тебе на память тетрадь, которую я получил еще будучи в тюрьме. Записывай в нее свои уроки. Когда испишешь – сохрани, как память, что твой папа около пяти лет просидел в тюрьме. Когда мы встретимся с тобой, по записям в этой тетради – я буду судить о твоих первых учебных шагах. Учись так же хорошо, как хорошо учится твоя сестрица – Тамарочка. Крепко целую тебя. Твой неисправимый троцкист папа.
г. Семипалатинск, ссылка» (5.10.1934).*

Отцовское письмо сын не прочитал. К сожалению, все эти письма адресатов не достигли. Они были перехвачены сотрудниками НКВД. Скорее всего, Бодров пытался передать эти письма с женой, когда она приезжала к нему в казахстанскую ссылку. В итоге они оказались подшиты в следственное дело и в 1995 году обнаружены сотрудниками «Мемориала».

- Сын Михаила Антоновича Бодрова Анатолий стал инженером, умер в 1960-е годы. Дочь Тамара окончила курсы машинописи и стенографии, ушла добровольцем на фронт, работала в штабе армии, в торгпредстве в Бухаресте, во Внешторге. Считала своего отца

настоящим коммунистом. Умерла в 1995 году. Дочь Тамары, внучка Михаила Антоновича Бодрова, Лариса Обаничева, живет в Париже. От нее были получены сведения о семье М. А. Бодрова и фотографии из следственного дела.

Евгений Яблоков

«Верю в наших детей»

Евгений Иванович Яблоков.
Рязань, 1935

Арестованный органами НКВД 10 января 1938 года преподаватель ботаники Рязанского пединститута Евгений Иванович Яблоков писал письма из лагерей Архангельской области. Осужденный на 8 лет, он умер от недоедания и болезней в марте 1944 года. Сохранилось 294 письма (включая открытки) Е. И. Яблокова, адресованных жене Нине Ивановне Яблоковой и детям – дочери Ирине, которой на момент ареста отца было 15 лет, и сыну Юрию, которого отец видел последний раз, когда ему еще не исполнилось и две-надцати.

Из воспоминаний Юрия Евгеньевича Яблокова:

«Заслуга, что письма отца сохранились, в основном принадлежит моей маме Нине Ивановне Яблоковой, жене и верной подруге отца (1894–1984). После переезда матери из Рязани в Москву (в середине 60-х годов) письма собирал и сохранял я. В 2004–2009 годах с некоторыми перерывами я расшифровывал и перепечатывал письма. Мелкий почерк, местами выцветшие чернила, осыпавшийся графит карандашного текста, плохо сохранившаяся бумага на сгибах требовали работы с лупой, увеличения части текста сканированием, с воспроизведением на компьютере различными способами. Значительную помощь в работе оказал московский «Мемориал». Этих писем достаточно, чтобы представить себе жизненную трагедию, которую пережил, так незаслуженно, мой отец. Сохранить эти письма для потомков я посчитал своим долгом перед отцом, и рад, что успел это сделать».

Семья Яблоковых: Евгений Иванович, Нина Ивановна, Ирина и Юрий. Рязань, конец 1920-х

Ира и Юра Яблоковы. Рязань, конец 1920-х

Семья Яблоковых. Рязань, 1933

«Жаль, что папины письма кончились»

До 1938 года в жизни Евгения Ивановича Яблокова ничто не предвещало трагических перемен.

Он родился в 1887 году в Рязани в семье чиновника, дослужившегося до действительного статского советника. До революции Евгений Яблоков успел поучиться в Санкт-Петербурге и в Лионе (Франция). Окончил Московский университет. В дипломе сказано,

что Евгений Яблоков «имеет право на звание учителя гимназии и прогимназии по предметам естествознания и географии». Преподавал в московской гимназии ботанику.

После Октябрьской революции из-за болезни отца он перебрался в Рязань, работал в сельскохозяйственном техникуме. В 1921-м женился на медсестре – девушке, которую знал с детства.

Через два года родилась дочь, еще через два – сын. Вскоре Евгений Иванович занял должность доцента в педагогическом институте.

На январь 1938 года была назначена защита его кандидатской диссертации. Тема: «Продвижение посевов риса на север». Но защита не состоялась. Ночью 10 января за Евгением Ивановичем пришли.

Аресту предшествовал конфликт с директором института, который ради устройства на работу «своего человека» издал приказ об увольнении Яблокова. И хотя решением Наркомпроса Евгения Ивановича восстановили на работе, конфликт не был исчерпан. В протоколе допроса 20 января 1938 года со слов Е. И. Яблокова записано: «События последних двух месяцев в Пединституте рассматриваю как несправедливую травлю, а арест – как прямое следствие этих событий».

Из воспоминаний Юрия Евгеньевича Яблокова:

«Еще в ноябре друзья отца советовали ему немедленно уезжать из Рязани. Отец, судя по пришедшим после ареста приглашениям на работу (в частности, в Московский ботанический сад), рассматривал такую возможность, но не ранее, чем его восстановят на работе после несправедливого увольнения. Спас бы отъезд отца от ареста, трудно сказать».

Гадать, в самом деле, бессмысленно. Возможно, служебные интриги не прошли бесследно. Однако официальным обвинением стало придуманное чекистами участие доцента Яблокова в мифической контрреволюционной организации. Сыну Яблокова Юрию Евгеньевичу позже удалось познакомиться с «Делом» отца. «Из обвинительного заключения, – пишет он, – следует, что отец якобы участник к. р. организации (ст. 58-10, 58-11), в чем уличен показаниями других обвиняемых... Виновным себя не признал».

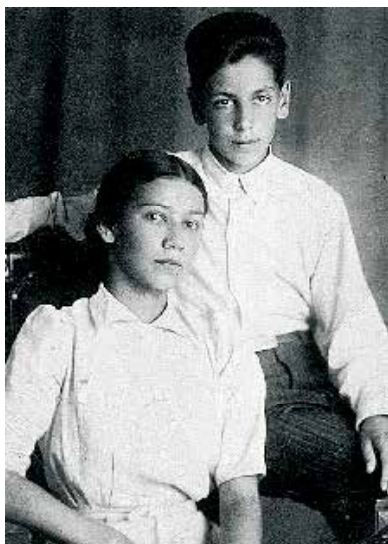
Из воспоминаний Юрия Евгеньевича Яблокова:

«Из жалоб в Прокуратуру и рассказов отца при свидании с женой 26–28 июля 1939 года следует, что отец так и не понял, в принадлежности к какой организации его обвинили, а из протоколов допросов, – что он только опровергал неверно процитированные его слова из лекций по вопросам наследственных признаков растений. Физические методы воздействия к отцу не применяли, если не считать отказов в выводе в туалет (что, в общем-то, являлось одним из видов пыток для людей такого склада, как отец). Следовательно скорее использовал тактику “доверительных отношений” и уговорил отца подписывать чистые листы бумаги, якобы для ускорения времени допроса, обещая написать “все как говорили”. Из разрешенных для ознакомления материалов дела однозначно можно констатировать, что отец не оговаривал ни себя, ни других. В числе знакомых, с кем общался, перечислил только сослуживцев по педагогическому институту, с кем неизбежно должен был общаться, не упомянув ни родственников, ни друзей... В прочитанных мной протоколах я не нашел обоснования для обвинения, но мне показали не все тома дела, ссылаясь, что оно “групповое”. Из шести написанных не рукой отца протоколов безоговорочно подлинная подпись отца только одна».

Сразу же после окончания следствия и отправки по этапу в места заключения Е. И. Яблоков начинает писать домой, адресуя отдельные письма или части писем персонально жене, дочери и сыну. Из письма жене:

«Верю в наших детей; Ируся – милая хорошая девочка, с прекрасным характером и способностями; Юрик – я верю в его способности и победу в нем его хороших сторон. Я буду им писать и буду надеяться на общение с ними, на свою помощь им; они (письма. – Ред.) должны прийти вовремя, пока я не совсем состарился» (28.06.1938).

Чем он мог им помочь? Только сопереживанием, советами, заочным участием в их повседневной жизни – играх, чтении, учебе, выборе профессии, своими нравственными оценками жизненных ситуаций и людей, собственными представлениями о добре и зле, справедливости и несправедливости, своими мечтами о том будущем, когда он снова окажется дома. Вот несколько отрывков из писем детям:

Юрий и Ирина Яблоковы. Рязань, 1939

Юре: «Когда я мечтал, что меня выпустят, я представлял, как мы будем с тобой ловить рыбу; я узнал... новые для меня способы ловли. Еще я мечтал о том, что ты и я будем дежурить, по очереди с мамой и Ирусей, – будем хотя бы два раза в шестидневку готовить вместо мамы обед, ходить за покупками...»

***

Ире: «Моя радость, моя дочка, спасибо за старанье в ученьи школьном и в музыке – сидя там, еще в Рязани, я мечтал, что буду прочитывать все, что ты учишь по “естеству” и географии; и буду разговаривать с тобой о том, что знаю, и тем помогать тебе».

***

Юре: «Живи, мой милый, весело, и будь хорошим... Люби маму, люби Ирусю – т. е. делай им хорошее. <...> Я помню, какой ласковостью отличался ты, когда был маленький; значит, у тебя был и есть задаток любви – расположения, и нужно, чтобы он выражался в делании хорошего».

***

Ире: «Поздравляю тебя с окончанием семилетки, да еще таким хорошим, поздравляю с книгой Щедрина, хотя его читать и трудно, но прочти, я бы с тобой прочел вместе...»

***

Ире: «География все-таки вещь хорошая. Учи, не пожалеешь; сумей читать геогр. хрестоматии – достань в библиотеке; м. б. найдешь след. авторов: 1) Носилова (мал., тонкая); 2) Нечаева “На суше и на море”; 3) Круберт, Григорьева “География” (несколько толстых книг). Или другие более новые издания...»

***

Юре: «Мой милый, милый мальчик. Спасибо тебе за открыточку и за обещание “подробностей письмом”. В открытке я заметил, как ты старательно писал... Написал хорошо. Очень рад, что год начался у тебя хорошими отметками...»

* * *

Ире: «Я очень, очень рад, что дошли мои “бандероли” с засушенными растениями».

* * *

Ире: «Как-то ехали мы на пароходе в Пинегу и наблюдали редкую сценку; я все забывал описать ее для тебя с Юрой: на крутой берег, от воды, взбегал зайчишка; д. б. ходил напиться; вдруг над ним появилась сова, и видно было, как спускала ноги с когтями, махала крыльями над самым зайчиком; он заметил ее; поднялся на задние лапки и махал, отмахивался от нее передними; конец был бы плохой, но свистнул пароход; д. б. нарочно, чтобы ее испугать, и она испуганно улетела в сторону, а зайчик побежал вверх по косогору... Все это произошло в минуту; описывать долго...»

* * *

Ире: «На днях пришла мысль предложить тебе и Юре составить рассказ по тому описанию о нападении совы на зайца, которое я поместил в письме к тебе. Давайте втроем: ты, Юра и я, напишем по рассказу, пошлем в редакцию “Юного Натуралиста”... это будет наш конкурс, а редакция – жюри».

* * *

Юре: «Мой сын, мой Юра – открыточку твою получил; письма буду ждать. Вчера в письме спрашивал у Ируси о твоём сочинении, а сегодня узнал от тебя, что оно написано успешно, но все-таки мне хочется знать и о нем, и о том, какая у тебя вышла стенгазета, – побольше, как говорится, “поконкретней” – с примерами...»

* * *

Ире: «Меня вообще радуют твои успешные учебные и музыкальные занятия и то, что тебе нравятся “точные” науки – физика, химия, математика... Среди моих книг, кажется, в кухне, или в книжном шкафу, есть книги: “Занимательная физика” Перельмана и “Опыты по химии”; д. б. есть книга Лассар-Кока – “Химия обыденной жизни”; попробуй почитать, если найдется книга и время.»

* * *

Юре: «Двенадцать лет! Это уже много; начинается сознательная жизнь, которая вполне разовьется в следующие 12 лет, а когда будет тебе 24 года, начнешь думать, что “жизнь уже прожита и ничего не сделано”; так кажется почти всем... Так, надо сделать прежде всего: научиться – пройти школы: низшую, среднюю и высшую; не мечтать, а исполнять задуманное, но необходимое, а не выдуманное... Вот я и желаю тебе, мой мальчик милый, успеха в следующие 12 лет в том, что перечислил: в науках, в осознании и прочувствовании жизни, в исполнении (уменьше исполнять необходимое)... Пожалуй, я написал мудрено и скучно; тогда... прочти несколько раз...»

* * *

Ире: «Все мысли, мало-мальски хорошие, вызывают у меня желание поделиться ими с вами, с тобой и Юрой. Может быть, они и не столь значительны или не так легко передаваемы–усваиваемы; а часть из них, кажущиеся мне хорошими, – нужны; вызывают такое сильное желание делиться ими с вами...»

* * *

Ире: «Потенциально – жизнь прекрасна; в ней много ужасного; как примирить это противоречие? Примирять не нужно; надо понять, что противоречие – свойство мира, свойство жизни; надо верить; и по временам всякий чувствует и верит, что жизнь прекрасна. Действительно, только вера, вера в хорошее, и спасает от уныния, от нежизненности».

Такие письма детям, проникнутые заботой и любовью, Е. И. Яблоков писал на протяжении всех лагерных лет, до последнего дня жизни.

Читая его письма, поражаешься той степени откровенности, с какой в них говорится о работе и условиях жизни заключенных. Та «лагерная правда», что позже пришла к нам в книгах Александра Солженицына и Евгении Гинзбург, в опубликованных мемуарах бывших заключенных, была рассказана Е. И. Яблоковым жене и детям в письмах 1938–1944 годов. Конечно, далеко не вся, конечно, с оглядкой на лагерную цензуру, конечно, описывая жизнь в лагере, Евгений Иванович щадил чувства жены и детей, не хотел их расстраивать, и все же правда была рассказана. О работе на лесосплаве и на лесоповале, о лагерной баланде, о жизни с уголовниками, о болезнях от голода, холода и недоедания...

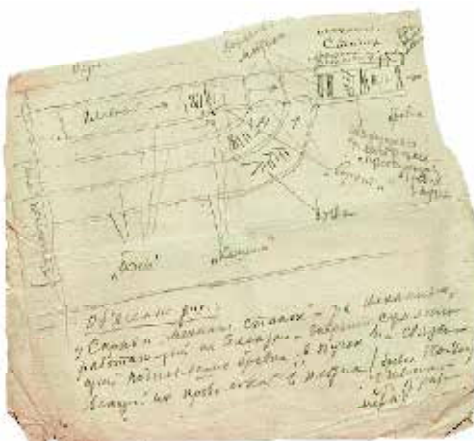
«Мой милый сын – Юра.

Сегодня мне исполнился 51 год. <...>

Я встал в 5 ч. утра, на час раньше, чем будят. Солнышко взошло, хотя ночи все равно не было; всю ночь было светло. Я больше всего люблю утро; оно видать чем раньше, тем лучше... Я встаю раньше, чтобы не торопиться, а то у нас все здесь делается поспешно; чтобы не только позавтракать, но и напиться чаю, которого мне присылает мама столько, что я пью его каждый день три раза; встаю раньше, чтобы перечитать ваши старые или свежие письма; прочтешь, и так хочется написать вам, но времени уже не хватает; изредка успеваю написать открытку: их я пишу всегда по утрам, а письма вечером-ночью...

<...> Так вот, в 7 час. утра мы выходим “на развод” – т. е. каждая бригада идет по назначению на работу. Мы, наша бригада (я попал в новую “Воронина”), идет на сплав, на станок, что стоит в устье Пинеги. Наш лагерный пункт на самом берегу Сев. Двины; идем с баграми по берегу ее, около ½ килом., подходим к устью Пинеги; предстоит переправа на другой берег, на карбасе; но теперь Пинега, ее правая сторона, обмелела, и справа приходится идти вброд, мельче, чем по колено; затем по “бону”; “боном” называется плавучая панель из трех связанных друг с другом бревен; тянется он здесь метров на 100 поперек реки, затем вдоль на сотни метров, образуя целую систему, так сказать, протоков – каналов и “кошелей”, в общем ведущих, сходящихся к станку, который и связывает плоты. Чтобы было это понятней – я нарисую:

Рисунок лесосплава.
18.07.1938

Объяснение рис.:

1) Справа “механич. станок” – т. е. механизм, работающий на электроэнергии, сжимающий подплывшие бревна “в пучок” и связывающий их проволокой в плотик (бревен 150-400 в зависимости от размера).

2) Весь рисунок, все линии – на поверхности текущей воды реки; один станок на Пинеге и два на Сев. Двине, таких же.

Люди не нарисованы, но они – везде.

а) На станке – в будке, на платформе,

б) На всех мостиках, на воротах – обязательно мостики входят по бокам.

Все – с баграми.

3) Вода течет, плывут бревна, сперва в беспорядке; чем ближе к станку, тем правильнее они становятся поперек каналов и идут пачками, бок о бок;

4) В кошелях разные сорта древесины (по породам, толщине, назначению);

5) Люди из сплошной массы бревен, производя “разлом”, т. е. заставляя их сдвинуться, направляют их в сортировку, т. е. по каналам и в кошели; наконец – в станок.

<...>

...Я нарисовал очень сокращенно расположение сортировки; на самом деле в ней больше кошелей – до 13-ти, соответственно числу сортов лесного материала; кроме того нужно представить себе, что перед сортировочной системой скопляется много леса в беспорядке: так сказать, “общий кошель”. Все это называется “запань”; когда лес скопляется, спущенный с какой либо реки-притока, то бревна задерживаются также бонами; часть нагораживается одно на другое, не могут сдвинуться с места; этот затор называется “залом”, и нужно первое – произвести “разлом”, т. е. сдвинуть часть бревен, тогда другие поползут сами – и, направляемые в “главные ворота”, идут дальше по сортировке; люди их расправляют и направляют. Вот, я и работаю “на разломе и пропуске”, у самих главных ворот.

Так и в то утро, которое я начал описывать, мы отправились на работу, дошли до Пинеги; на берегу стояли 2 лодки; в одной сидели рыбаки, и я увидел впервые семгу, пойманную ими, так см. 70-80 длиной, серебристую с пятнышками. Чтобы пройти по бонам, нужно разуться; мама накануне, так удачно, прислала

мне трусики (черные), и я, раздевшись до них, в одной рубашке и трусиках пошел в лодку; дело в том, что до этого дня я ходил в двух брюках теплых, спал в них, работал. Так нужно было для их сохранности; теперь стало лучше, вещи почти перестали пропадать.

А у нас стоит такая же жара, как и у вас. Ты и Ирусенька меня спрашивали: “Совпадает ли у вас и у нас погода?” Да, по-моему. Судя по письмам и газетам – совпадает; мы так привыкли к изменчивой погоде в июне, к холодам, что жара в июле показалась совершенно невероятной, несвойственной краю; но говорят местные люди, что июль и август здесь хорошие летние месяцы. Посмотрим, как будет дальше с погодой. Вчера пошел дождь; промокли на работе сразу, т. к. укрыться негде; но скоро высохли, т. к. я работаю в утреннюю смену, т.е. на солнце, а смен всего три – с 12 ночи до 8; с 8 до 4-х; с 4-х дня до 12 ночи. Работают три группы посменно круглые сутки. Придется работать и мне в другие смены, через 10 дней они чередуются; ночью ведь светло как днем.

Лодка подъезжает к бону сортировки; все 40 человек сидящих в карбасе выходят и расходятся по этим плавучим панелям и мосткам на свои места. Проходит смена бригад, можно покурить; потом начинается работа и непрерывно 8 часов течет река, плывут бревна, люди с баграми все время втыкают их концом или крючком, когда как нужно, и покурить некогда; перерыва не полагается; бывает иногда, что лес перестает плыть; часть людей идет «на разлом» и тогда случайно другие могут отдохнуть. Жарит солнце, купаться на работе запрещено; но нет-нет, кто-нибудь оступится, свалится в воду и довольный ванной вылезет; солнце жжет до ожогов; кто неосторожно работает совсем раздевшись, приобретает ожог; некоторые имеют пузыри, точно их ошпарили кипятком. Я остерегся; работал в одном белье, босиком но в носках.

<...>

Иногда, редко, не каждый день, пролетит аэроплан. Каждый день плывут по Двине белые, красивые пассажирские пароходы. Ох уж эти пароходы, как хочется на них ездить... плывут и маленькие буксирчики и тянут, не по своему росту, длиннющие плоты.

На берегу, в зелени, не видно, но слышно, как несколько часов лает собака “лайка” на белку; говорят, будет лаять до ночи, пока не

уведут; помнишь, наша Бэки тоже лаяла в Давыдовке на дерево. Должно быть, и у ней – способность к охоте на белок? Простояв восемь часов на водном конвейере, устаешь – распухают руки от держания багра и трудно их сжать в кулак, схватить багор. В теле много суставов, и каждый сустав, когда ему придется двигаться, например, когда после работы лезешь на нары, побаливает...

Но мы с этим не считаемся.

Сплав признан правительством ударной работой, такой же важности для Архангельского края и страны, как Беломорканал или канал Москва–Волга. Если лагерь наш перевыполнит нормы работы, закончит сплав к 25.VIII по заданию правительства, многим заключенным дадут льготы.

<...>

Вчера было общее собрание заключенных по поводу стахановского месячника по сплаву, начавшегося 15.VII; в первую же пятидневку работа улучшилась. Вчера приняли обязательство ускорить сплав и закончить уже не к 25-му, а к 15.VIII. Люди работают хорошо, обещают еще лучше; хорошо было бы, если бы удалось выполнить все к сроку: многие получили бы обещанное сокращение срока заключения и другие льготы. Жаль, что у меня сил меньше, чем у молодых, и я никак не могу с ними сравняться.

Работа сама по себе не требует большой силы, сильных движений; нужно ловко багром поворачивать, подтягивать бревна, чтобы они не задерживались, плыли, становились поперек каналов-рукавов.

В хорошую погоду, на жаре, над водой, имея возможность окунуть ногу, плеснуть водой на голову, хорошо стоять и работать; только очень много внимания нужно, ловкости, и работа без перерыва – все устают очень. Зато – цель очень большая, работа ударная и награда обещана очень значительная, по кр. мере для многих, лучших, сильных работников.

Ну, милый, кончаю письмо. Неловко, что оно такое длинное. <...> Твой “Пип” – только стал старый» (24.07.1938).

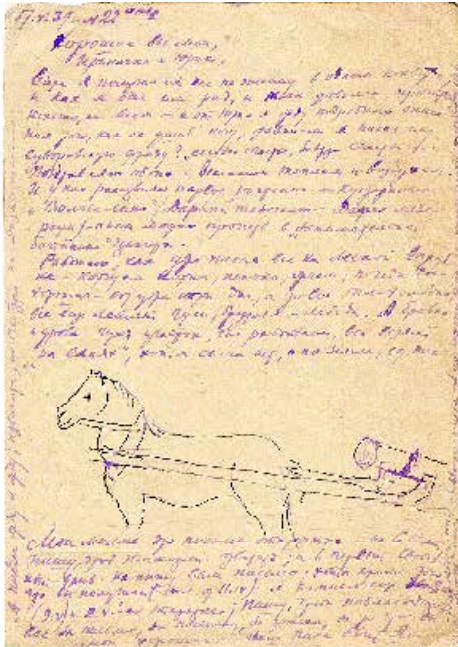
* * *

«Хорошие вы мои, Ириночка и Юрик. <...>

Поздравляю обоих с весенним теплом и воздухом. И у нас расцвело первое растение – кустарничек “Волчье лыко” (Darfne meserauit –

Дафне мезереум) – о нем можно прочесть в “Занимательной ботанике” Цингера.

Работаю, как уже писал, все на лесной вырубке – корчем корни, пеньки, жжем... погода дн[ем] хорошая – вот уже три дня, а то все было холодно; все еще летят гуси, журавли и лебеди. А бревна и дрова через участок, где работали, все возят “на санях”, хотя снега нет, а по земле воз[ят] так:

Как перевозят бревна. 17.05.1939

План лагеря. 20.05.1939

Мои милые, это письмо-открытка не в счет, пишу, чтоб поскорей ответить; а в первый свободный день напишу вам письмо, хотя кроме того вы получили (т. е. от 11.IV я написал) еще зак[рытое] (9.V) и 12.V – по открытке; пишу, чтобы поблагодарить вас за письмо, за посылку, за успехи, за то что вы мои хорошие. Ваш Папа, Евгений Яб[локов]}» (17.05.1939).

***

«Мне хочется, чтобы ты, вы представили себе место моего пребывания с точки зрения его устройства; кругом (вернее “квадратом” – так вырублено) – лес, лес из елей и осин, правда с добавкой берез и сосен;

ели не очень старые; а осины – очень толстые, высокие; сосенки – длинные и “худые”... В лесу сыро, много брусники, черники по мху и, говорят, масса малины... Очень много деревьев, их стволов, на земле – покрытых мхом, погибших естественной смертью; есть две-три прямых просеки: одна к шоссе “на перевалку”, т. е. к дороге, по которой идут автомобили из Няндомы в Каргополь; другая к деревне и озеру... Перевалка – это пункт перегрузки транспортируемого (вещей и людей) – с автомобилей на повозки с конной тягой; от Няндомы до перевалки, кажется, 24 км; от перевалки до участка – 4 км. Участок расположен в том квадрате лесной вырубki, которая помимо “Зоны” с постройками для заключенных в ней и постройками вне ее для вольных и администрации, включает и сель-хоз участок – т. е. ряд хоз. сооружений: теплицу, парники, овощехранилище, 3 конюшни, ветеринарную лечебницу, кузницу, коровник, свиарник и площадь, подготавливаемую под огород. <...>

В лагерях есть так называемая лагерная интеллигенция; это – работающие в конторе, нарядчики, в культ[урно]-воспит[ательной] части, заведующие хоз. учреждениями, медроботники и т. д. Они чище одеты, одеваются в “свое”; их жизнь идет легче; основная же масса з/к работает “в производстве” (лесоповал, лесосплав; с.х. работы...), грязнит чаще казенную одежду и целый день бывает на работе. И я познал жизнь рабочего физ[ического] труда: 12 час. на производстве; еда до и после работы; отяжелевшись от того и другого страшно хочешь спать; вот и все: т. е. – мускулы, еда и сон; физическая жизнь... потому что если вычесть из 12 часов время на сбор на работу и приход с нее, сбор и процедуру еды, мытья посуды, свой утр[енний] и вечерний “туалет”, заботу о сушке обуви, на баню, ларек и т. п., то остается так мало времени, что трата его просто на лежание и слушание разговоров или газеты – уже приводит к дефициту для сна; читать, писать, даже дремать – почти некогда из-за утомления. Кроме того, в лагере, и на нашем участке, есть женское население. Во первых, “мамки”; так здесь зовут молодых женщин, имеющих детей, начиная от грудных младенцев, характерный плач-крик которых слышишь, проходя мимо барака “мамок”; во вторых, есть “дамы” – т. е. женщины, одевающиеся как в городе, в меховые шубы, часто дорогие, и вообще имеющие хорошие костюмы. Кто они в прошлом,

я не знаю; знаю, что есть бухгалтера, преподавательницы и т. п. Таким образом, население пункта “около 1 тыс. человек” очень пестро по составу, по работе, по внешности и отчасти производит странное “интеллигентское” впечатление, особенно на “концертах” и т. п. вечерах развлечений, да и просто в столовой! В колониях этого не было; там – одни рабочие, там много “бытовиков”, здесь почти одни “политические”; там порядочно так называемых “урков” (т. е. угол. розыск = у-р = “урки”); то народ боевой, дерзкий, веселый, грубый, бранящийся, выпивающий, дерущийся, задающий тон всей жизни в быту колонии. Им действительно пристало “исправ[ление] труд[ом]”, воспитание, т. к. они избегали работы на воле; но они и здесь ее, по возможности, избегают, т. к. наказания не боятся, а средства приобретают воровством, картежной игрой. Вот почему окраска быта здесь, в лагере, – совсем иная, чем в колониях; почему здесь жить легче, здесь много, д[олжно] б[ыть], хороших людей! Я знаю таких по своей бригаде – из колхозников и рабочих или мелких служащих» (20.05.1939).

***

«Мой милый сын, мой Юрий, поздравляю тебя с удачной поездкой – экскурсией! Признаюсь, из твоего описания ее мне, прежде всего, крайне понравилась ее организация. Прекрасный режим, ее план и разумное, хорошее для тебя отступление от них, когда понадобилось отпустить тебя во МХАТ. Как все хорошо.

Спасибо тебе, что написал мне и в день отъезда на нее, и по возвращении. Но, надеюсь, этим не исчерпалось ее описание. Ты будешь о ней вспоминать в письмах ко мне, несмотря на то, что новые события жизни будут “лезть вперед”? Скажу, что мне интересно: что вы купили для кружка, зачем и как потом использовали? Какие мысли у тебя были в Планетарии? И, конечно, – в Третьяковке, в музее Изыщных искусств? На “Синей птице”? Тебе не трудно все это описать, ведь вы теперь многое вспоминаете между собой. Ах, как мне интересно знать про вашу встречу. <...>

Сейчас на меня падают лучи взошедшего солнца; оно – выше занавески на окне; занавеска пестрая, как сарафан. Это есть только в нашей половине барака. Почти все спят – и удобно его описать, разглядывая.

План барака. 26.04.1940

Вот план комнаты...

Окон мало, но свет с двух сторон. Чисто; на кроватях белье и одеяла байковые. Масштаб не позволяет изобразить, что на столах валяются шахматы со вчерашнего боя, стоят чайники с кипятком. А я уже напился чаю, с хлебом, с маслом, с килечками ("юлькой", какую мне прислали вы, и я пробовал ее первый раз, очень хорошая камса-килька). Я хорошо провел ночь: правда, не спал, но пожил – писал вам письма...

У нас много играют в шахматы, так как организовали турнир; участники – только из нашего барака; и то участвует 17 человек. Играю и я; средне, но в число десяти тех, которые будут участвовать в последнем туре, вероятно, попаду; о результате

окончательном сообщу тебе через месяц.

В шкафчике, что висит над моей койкой, стоит моя посуда, лежат книги, котелок, кружка, стакан, жестянка с сахаром, сушками, маслом... разросшееся "хозяйство" огромным кажется, начавшись с ничего...

<...>

Работаю я по-прежнему в конторе; но она переехала в другое здание на время. Стол короткой стороной стоит у окна; за столом – нас четверо: на окне ветки с зелеными листьями и сережками березы, устроил я. За окном снег и слякоть, а сегодня пурга, правда, из крупы, а не из снега, как и полагается в переходное время, осенью и весной. Перечитал два последних твоих письма сейчас еще раз, не в первый раз... и все интересно.

Ты написал про Мышку, что у ней скоро будут котята... От дня (4.П), когда ты писал, до дня, когда придет к тебе это письмо, пройдет почти уже два месяца, и котята будут порядочные. Пожалуй, по обыкно-

вению, Мышка будет переселять их с места на место; люди, то есть вы, будете тоже вмешиваться в это дело; а кто знает, что нужнее. Мышка действует не по своему уму, а по выработанному еще у ее предков инстинкту; м. б. очень верному и мудрому? Редко сообщаете про Бэки. Мама-Нина только как-то писала про нее хорошее... как не отходит она от нее; отвечает ли Бэки чем-нибудь на слова "где папа?". Я не раз за пилой дров, которой занимался здесь раньше, некоторые дни (на общих работах), испытывал желание попилить их с тобой вместе или с Ниной; вернее, вместо нее – один – лучковой пилой. Пишу об этом, чтобы дать представление о том, какие мысли вызывают у меня отдельные фразы из твоего письма, что каждая фраза твоя рождает несколько других мыслей и желаний.

Может быть, уже теперь тетя Лида вновь добралась к вам через реку; и я догадываюсь, с каким интересом и удовольствием слушает она твои и Ирусины рассказы об экскурсии. Ты передай ей мой поклон хороший...

Я очень благодарю вас за присланные книжки, журналы "Наука и жизнь", которые получил в последней посылке (от 30.III). Получил ее я числа 10-го, а книги позднее, после просмотра, числа 20-го. В них много замечательных статей. Что ты читаешь? И что кроме рассказов?

Благодарю за все присланное. Лишь мясо покрылось зеленой плесенью, но было мной очищено и благополучно и с удовольствием съедено. Я уже знаю о твоей и Ирусиной покупке для меня – спасибо вам, милые мои... я предполагаю, что след. посылка придет или в конце мая или в начале июня.

Ну, до свидания, мой милый, мой хороший. Я – твой Евгений папа»
(Ночь, 27–28.04.1940).

* * *

«Мой милый сынок, мой Юрий!

Мне все понятно в твоих письмах; особенно фразы – выражающие твои чувства: что ты ждешь моего письма, что вы с Ириной – дружны, что письма Верочкины – замечательные...<...>

У нас стоит зима, начавшаяся давно и рано, с 25.X; дней десять или больше стоят хорошие дни теплой зимы, без холода и без метелей. Возможно, что и у нас снег несколько липок для лыж; но здесь никто из лагерьников на них не ходит, а на мокроту глубокого снега в лесу жалуются. Зайцев, говорят, почти нет, лесники вольные нашли берлогу: ждут

более глубокого снега для нападения, чтобы не удрал медведь.

Дни теперь должны прибывать; а то темно. Без освещения можно читать и писать только с 9½ часа утра до 3½ часов дня = 6 часов; в остальное время – сумерки темные и ночь. Занятия начинаются в 8 часов, прерываются в 5 ч. вечера в темноте, так что тропочка в барак едва видна.

Из письма Ируси узнал, что ты угощал ее, больную, блинчиками собственного печения и рассказал о кинокартине (должно быть о “музыкальной истории”). На меня это производит большое впечатление, потому что, вероятно, так бывает не часто, по исключению, в виду болезни, а является тем наиболее желательным отношением брата к сестре, проповедовать которое было бы бесполезно, если бы его не случилось, но за него следует “зацепиться”, если оно случилось, и, конечно, было испытано как обоюдно приятное; так что пожелать повторения его, значит, пожелать того, что тебе и самому хочется. Остается – помнить удачный опыт и развивать силу воли к такому отношению: это так же интересно достигать, как в любой борьбе успеха; в этом и есть счастье. Так, на всю жизнь.

У нас в бараке перевесили радио. Теперь громкоговоритель стоит на полочке, подвешенной к потолку над столом, ровно в пяти шагах от моей постели. Получилось довольно изящное сооружение и мне стало слышно передачу; включают его в нашей ½ барака (видишь, сбоку внизу выключатель?) утром, ровно в 7 ч. – с передачей утренних известий; в этот же момент я начинаю вставать; другие еще полеживают минут 20 – до гимнастики, которую, увы, никто не делает (в тюрьме – все делали).

На столе пепельницы, полоскательница – все из консервных банок, банки – ваши. Чернильница... и, по-прежнему каждый вечер – шахматы, с болельщиками. <...>

Наш Лагпункт разрастается – строится спешно еще один барак для прибывающих вскоре инвалидов» (22.12.1940).

Из писем жене:

«О бытовых условиях можно бы написать много, но не хочется. Из них самое тяжелое окружающая преступная среда; много воров; много ругани, бесцеремонности, нечистоплотности физической и моральной... Это самое тяжелое в нашем наказании: не труд, не условия мате-

Громкоговоритель в лагерном бараке. 22.12.1940

риальные, а это... Они преглавный гнет нашего быта – воровство, брань, нахальство, вместе с тем, что отношение начальства лучшее к ним, чем к политическим...»

***

«Самый труд мне не под силу – подъем сырых, иногда очень тяжелых шпал вдвоем. Удастся ли мне перейти на другую работу, трудно сказать. Не невозможно, но выбор работ здесь очень ограничен; мастерских нет; з/к политических не берут никуда, кроме общих работ...»
 «Как я питаюсь – опишу. Сегодняшний стол: в 5 ч. у. – “завтрак”:

1-е – суп с рыбой (но почти без рыбы); 2-е чечевица; “обед” (или ужин) наступает в 5½ ч. веч. – состоит из щей же, чечевицы и макарон...»

* * *

«Каждый день, как начинаются утренние сумерки... мы выходим на работу в лес. Большинство з/к-рабочих работают на “лесоपालе”... а две бригады, и моя в их числе, на “окорке шпал”, т. е. счищаем скобелем кору со шпалин; это не трудно, но тяжелы шпалы, особенно их поднимать на козлы и относить в штабели... Все это возле ж. д. ветки, идущей по лесу... По ее шпалам мы и ходим на работу; лес сырой... Уходим в вечерние длинные сумерки; к баракам подходим, когда становится совсем темно; придя, идем в столовую, получить свою тарелку густого овсяного супа; а с ½ 5-го вечера до ½ 5-го утра проводим в бараке... Разместились в бараке; к ночи, после топки печей, в нем стало достаточно тепло; у меня место довольно удачное – близко от печки и не у окон. Клочья и крысы...»

* * *

«Жаловаться не буду; буду как-нибудь жить, хотя голодно и силы убывают... О, как мы ценим черный хлеб!»

Сначала письма писались часто, чуть ли не ежедневно, потом разрешено было посылать три письма в месяц, потом – одно, а в 1943 году – даже одно письмо в 3 месяца. Письма задерживались, «пропадали», строчки из писем вымарывались цензурой. Однако часть писем и открыток Е. И. Яблокову удавалось передавать в почтовые отделения через вольнонаемных работников, минуя лагерную администрацию, что во многом объясняет степень их откровенности. В одном из писем 1943 года есть фраза: «Опять ограничены письма одним в месяц, но и у нас есть добрые люди, даже очень хорошие...»

Летом 1939 года условия жизни Яблокова несколько улучшаются. Сначала его отряжают на разведку ягодников и сбор ягод (все же не лесоповал!), а с середины ноября делают статистиком, переводят в «технический барак». В кругу его общения оказываются заключенные из числа репрессированных западных украинцев («народ почтенного все возраста... Какое счастье – брань исчезла»). Он участвует в лагерной самодеятельности и даже пытается заниматься научной работой – выращивает на окне метелки риса.

Он искренне недоумевает, почему его, квалифицированного специалиста-ботаника, нельзя даже в условиях несвободы использовать по профессии: *«Даже лишенный на время политич. доверия и изолированный я мог бы выполнять скромную работу по специальности в каком-либо отдаленном месте с большей пользой и полной добросовестностью».*

В январе 1941 года Е. И. Яблокова делают лаборантом в санитарной части – выполнять какую-либо другую, даже самую простую физическую работу он уже не способен из-за болезни. Но и этот труд становится для него непосильным. К тому же условия жизни заключенных во время войны заметно ухудшаются. Голод. Надежда дожить до встречи с родными тает с каждым днем. В письмах все чаще появляются строки размышления о жизни, о предназначении человека, о судьбе: *«Стал “верить в судьбу” – что не вернусь домой, пока не изменюсь как человек, то есть пока не поумнею, не подобраю, не стану более сильным волей...»*

В 1943 году наступает полная нетрудоспособность. Е. И. Яблокова «активируют» как инвалида для отправки из лагеря на поселение. Дожидаясь отправки, он продолжал писать в Рязань. Длинные, на нескольких страницах письма читаются в семье вслух, перечитываются, обсуждаются. В самом начале своих мытарств Евгений Иванович написал жене пророческие строки: *«Меня очень тронула фраза Ириночки, приведенная Юрой в письме ко мне: “Жаль, что папины письма кончились”».*

Папины письма кончились в марте 1944 года.

- Сын Евгения Ивановича Яблокова Юрий Евгеньевич – участник Великой Отечественной войны. Окончил гидрологическое отделение географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Работал в проектных гидрологических институтах, Гидрометеослужбе. Принимал участие в разработках гидрологических проектов в райо-

не города Мирного, в Саянах, на Кубе и на Кипре. Главный гидролог проекта переброски сибирских рек в Среднюю Азию. Живет в Подмосковье, в городе Ивантеевке. Дочь Ирина Евгеньевна (1923–2014) – электрохимик. Работала в научно-исследовательских институтах; занималась проблемами космических технологий.

Виктор Лунёв

*«От отца – письмо Алёне
Об отважном почтальоне.
С полуострова Таймыр
(Не ленись, читай до дыр!)»*

Виктор Евгеньевич Лунёв.
Москва, 1930-е

Так начинается письмо из лагеря Виктора Евгеньевича Лунёва, написанное в Москву маленькой дочке. К этому необычному письму мы еще вернемся. Но сначала – об авторе послания.

Виктор Евгеньевич Лунёв родился в 1909 году в семье революционеров – Елены Львовны Миттельштейн и Евгения Евтихевича Лунёва. Родители познакомились и поженились в 1907-м в ссылке, которую отбывали в Вологодской губернии. Революцию 1917 года молодая семья встретила в Петрограде, потом из-за болезни отца перебралась в Одессу. В 1920 году отец умирает от туберкулеза. Мать с одиннадцатилетним сыном уезжает в Москву, работает в детских домах с беспризорниками, и дальнейшие свои детские годы Виктор Лунёв проводит в среде детдомовцев.

Из автобиографии Виктора Лунёва, написанной в 1960 году:

«С 1923 по 1926 год учился в школе, затем до 1930 г. в Институте народного хозяйства им. Плеханова. На 4-й курс я был переведен в МВТУ (в связи с реорганизацией ИНХ), который и закончил в 1930 году. С декабря 1930 г. был зачислен в аспирантуру в Минцветметзолото, но не закончил ее в связи с командировкой на завод “Севкавцинк” на должность начальника дистилляционного цеха. В 1934 г. был снова переведен в Москву и до 1935 г. работал в Минцветмете ст. инженером... Написал книжку “Способы переработки цинковых руд и отходов”, изданную в 1935 году. В 1935 году я был назначен начальником строящегося в Челябинске вальцефа, а затем – главным диспетчером Карабашского медеплавильного завода...»

Еще до института Виктор Лунёв женится на Александре Леонидовне Падучевой, ученице той же школы (знаменитая школа № 5 на Знаменской, из которой вышло много известных людей). В 1935 году у них рождается дочь Елена.

На первый взгляд – благополучная биография молодого советского инженера, активного участника индустриализации страны, не чуждого занятиям наукой... Всё так, но и не совсем так. За молодым инженером уже давно «приглядывается» НКВД.

На заметку бдительных органов Лунёв попал в 1927 году, когда вместе со школьными товарищами увлекся троцкизмом – они читали запрещенную литературу, критиковали «генеральную линию партии». Тогда все ограничилось временным исключением из комсомола. Чтобы «искупить вину» и «оправдать доверие», 17-летний оппозиционер пошел на завод, два года вел там активную общественную работу и в результате не только восстановился в комсомоле, но и получил рекомендацию в члены ВКП(б).

Однако клеймо троцкиста уже поставлено. Виктору Лунёву напомнили об этом в феврале 1935 года, когда он начал работать на Карабашском медеплавильном заводе. Сохранились двухстраничные тезисы его выступления на партактиве завода, где инженер вынужден оправдываться, объяснять оппозиционные ошибки юности, заверять собрание в своей преданности партии. В тезисах это отчетливо отражается. Приведем выдержки из них, сохраняя авторские сокращения и пунктуацию.

«К выступлению на активе 2/II-35 г.

...Моя причастность – исключ. из КСМ за разд. взглядов (колебания) – бдительность... Увлечение романтикой – обработка. Отмежевался своевр.

...Москва 5-ая школа, 23-25 гг. полит. борьба в школе. Большевики, меньшевики, эсеры. Из подполья – в хозяева. Аресты меньшевиков. Романтика. Политвоспитание. Уроки Октября¹ и История ВКП(б) Зиновьева.

...Нелегальная троцкистская литература: 1) секретн. парт. документы 2) бюллетень – текущ. события 3) комсомольская платформа. Читал у Мильмана². Результаты “обработки” – колебания.

...Построение социализма в одной стране – связь с национальн. вопросом (детские мечты). В крестьянском вопросе – не разобрался. Большой полит. материал – возможно, запутался.

...Внутрипарт. демократия. Уточка для интеллигента. Хороший урок...»

¹ «Уроки Октября» – статья Л. Д. Троцкого (1924), вызвавшая бурную дискуссию в партийных кругах.

² Мильман Гдальи Маркович (1907–1938) – выпускник 5-й московской школы, преподаватель истории, работал в архиве. Начиная с 1928 года 5 раз подвергался политическим репрессиям, отбывал ссылки и сроки заключения в политизоляторе и исправительно-трудовом лагере. В 1938 году заключенный Ухтепчлага Г. Мильман был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Однако на этот раз покаяние не помогло. В сентябре 1936 года В. Е. Лунёва арестовали, обвинили в связи с троцкистами, осудили на 10 лет и отправили в Норильлаг – Норильский комбинат НКВД. За Полярным кругом были нужны грамотные инженеры, и В. Е. Лунёва назначили диспетчером комбината.

Солагерник Лунёва писатель Сергей Снегов в своих мемуарах посвятил ему несколько страниц. Виктор Евгеньевич предстает в них яркой, незаурядной личностью.

Из воспоминаний Сергея Александровича Снегова:

«...У Виктора обнаружили две приятные особенности. Он обладал чистым, очень звучным, хорошо поставленным баритоном. И он знал массу старинных русских романсов и современных песенок. Он сам скромно говорил о себе: “В памяти у меня романсов – вагон и маленькая тележка...”

Однажды он предложил мне:

– Ты, Сергей, знаешь наизусть немало стихов. Давай посоревнуемся, кто помнит больше: ты стихов или я романсов?

Так начались вечерние концерты... Мы с Виктором начали со стихов Пушкина и романсов на его стихи. И вскоре я с беспокойством понял, что проигрываю соревнование: Виктор знал романсов больше, чем я стихов. И когда он в ответ на одно стихотворение спел четыре романса, написанные на эти стихи четырьмя композиторами, я возмутился:

– Это нечестно, Виктор. Мы не условились, что ты будешь петь разные романсы на одни и те же стихи.

Он хладнокровно опроверг меня:

– Но мы и не договаривались, что на каждое стихотворение поется только один романс. Я должен набрать соревновательный запас. Ты скоро начнешь гробить меня Пастернаком и Мандельштамом или, скажем, Гумилевым с Кузьминым. А на их стихи я романсов не знаю. Наш спор продолжался три вечера – и я успел добраться уже до Тютчева и Некрасова, а Виктор еще пел Пушкина и Лермонтова...»³

А вот что говорила о В. Е. Лунёве со слов бабушки и мамы его дочь Елена Викторовна Падучева:

«Я помню, как бабушка рассказывала кому-то, мол, Виктор сел за анекдоты. Было известно, что он балагур, весельчак, жизнерадостный человек. В их доме спорили о политике. Мама мне говорила, что

³ Снегов С. А. Язык, который ненавидит. М.: Просвет, 1991.

в какой-то момент она сказала отцу: «Или я или Троицкий!» Эту фразу в маминых рассказах я запомнила. Бурная была сцена, мама хотела куда-то уходить, а отец спрятал ее туфли, тогда она в ярости схватила его часы и бросила в переплет, и ничего не разбилось. Они были оба людьми очень остроумными, яркими. Мама рассказывала, что была такая идея платить друг другу 20 копеек за удачную остроту. Я думаю, острых и даже критических моментов в их жизни было немало».

Ко времени ареста В. Е. Лунёва брак уже распался. Переписка с бывшей женой не велась, а если какие-то письма и были, то они не сохранились. Но сохранилась чудесная самодельная книжка⁴, которую Виктор Евгеньевич «сделал» в лагере для маленькой Алёны. Он написал стихотворную сказку о Севере, а его знакомый художник-лагерник под псевдонимом ГеФе (к сожалению, настоящее имя его неизвестно)⁵ проиллюстрировал ее замечательными рисунками и оформил в виде книжки, обложка которой была мастерски стилизована под почтовую открытку.

⁴ Подлинник хранится в семейном архиве.

⁵ После выхода первого издания «Папиных писем» фамилию художника выяснить удалось: книжечку нарисовал Георгий Федорович Бакланов (1894–1954).

«От отца – письмо Алёне об отважном почтальоне...», – так начинается рисованная книжка, а заканчивается графическим портретом автора со словами:

«Ну, пока!

Поставим точку.

Жду письма.

Целую дочку.

Тут и сказочке конец.

Я – твой любящий отец».

Заключенным в Норильлаге В. Е. Лунёв находился до февраля 1942 года, после чего, как он пишет в автобиографии, *«решением Военной коллегии Верховного суда обвинение в троцкизме было с меня снято»*. Но до 1946 года Лунёв оставался в Норильске, работал по вольному найму на том же комбинате главным диспетчером, затем начальником ОТК. Он уже давно женат вторым браком, у него растёт дочь Таня. Первая семья – бывшая жена Александра Падучева и Елена – живет в Москве вместе с его матерью Е. Л. Лунёвой-Миттельштейн.

В 1946 году В. Е. Лунёв покидает Норильск. В Москву и другие крупные города ему был путь закрыт. Он уезжает в Восточный

Виктор Евгеньевич Лунёв
с дочерью Еленой. Москва, 1948

Казахстан и работает сначала начальником цеха на Иртышском медеплавильном комбинате, а затем старшим инженером научно-исследовательского отдела Лениногорского комбината.

Но всевидящие «органы» о нем не забыли. В 1950 году по старому обвинению в принадлежности к троцкистам Лунёва вновь арестовывают и заочным решением Особого совещания МГБ СССР осуждают на 10 лет лагерей.

Со старой семьей ему удалось повидаться дважды между «посадками». Первый раз он приезжал к ним в Самарканд в 1943 году, где его мать, бывшая жена и дочка жили в эвакуации. Это одно из ярких детских воспоминаний дочери Елены. «Отец где-то купил мне куклу, – рассказывает она. – Как Жан Вальжан Козетте. Это была настоящая кукла, я помню ее как сейчас. До этого мы с девочками шили себе куклы из тряпок, из старых простыней, сами рисовали личико. А это была кукла, чуть что не живая! На фоне той жизни, которой мы жили, она казалась чем-то сверхъестественным!»

Потом отец приезжал к ним в Москву, и этот приезд тоже остался в памяти дочери. «Он объявил, – вспоминает она, – что маме и бабушке надо дать отдых от домашних трудов, и повел нас в ресторан “Седьмое небо” – на седьмой этаж гостиницы “Москва”. Я никогда не была в ресторане до того и много лет после. Это было нечто необычное – праздничное».

Тогда они вместе сфотографировались – отец и дочь, эта фотография хранится в семейном архиве Елены Викторовны.

Из интервью Елены Викторовны**Падучевой:**

«Второй его арест я помню прекрасно. Мы жили в Гороховском переулке. В квартире, которая была рассчитана на одну семью, а потом была разделена на троих и стала коммунальной, у нас – одна комната, самая дальняя. И вот я помню, что раздаётся звонок в дверь. Мама, как всегда, или на работе или в командировке, я с бабушкой. Я по длинным

Виктор Евгеньевич Лунёв после освобождения. Усть-Каменогорск, 1955

проходам и коридорам иду открывать. Оказывается – телеграмма от папиной дочери Тани из Лениногорска. Я читаю: “Папа заболел опять. Таня”. Ну, заболел и заболел. Я несу телеграмму и показываю бабушке. А бабушка горестно хватается за голову».

Искушенная в конспирации бабушка, старая революционерка, в отличие от внучки прекрасно поняла, что означают слова «заболел опять».

«Так пришло известие о втором аресте отца, – вспоминает Елена Викторовна. – Мне было уже 15 лет, я на электричке ездила до станции Пушкино по Ярославской дороге отправлять посылки: в Москве их не принимали. Бабушка собирала вещи в деревянный ящик, а я научилась их правильно обвязывать веревками и возила на почту».

Виктор Евгеньевич Лунёв окончательно обрел свободу только в 1954 году. Был реабилитирован в 1957-м. Успел отдать в печать две небольшие книжки – «Слово о свинце» (М.: Металлургия, 1964) и «Познакомьтесь с медью» (М.: Металлургия, 1965). Но, как написал, вспоминая своего друга-солагерника, С. А. Снегов, эта свобода «уже была не веселой. Он жил, снедаемый болезнью легких».

Виктор Евгеньевич умер в 1964 году, ему было 54 года.

Из интервью Елены Викторовны Падучевой:

«Последние мои две встречи с отцом были, когда он приезжал в Москву лечиться: у него был рак. В самом начале 60-х он сбежал

из больницы и прямо в больничной пижаме пришел на мамин день рождения. А второй раз – это я была у него в больнице незадолго до смерти. Помню, он сказал: “Вот я лежу, а рядом на соседней койке лежит сотрудник-гебешник. Можно сказать, мой охранник. А судьба у нас у обоих одинаковая”. Это было мое последнее свидание с отцом».

- Мать Виктора Евгеньевича Лунёва Елена Львовна Лунёва-Миттельштейн (1892–1971) пережила сына, умерла на 80-м году жизни.
- Жена в первом браке Александра Леонидовна Падучева (1908–2004) работала во Всесоюзном институте животноводства, была доктором биологических наук, профессором.
- Дочь Елена Викторовна Падучева в 1957 году окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, лингвист, работает в ВИНТИ РАН (главный научный сотрудник), доктор филологических наук, член Американской академии наук и искусств. Автор шести монографий и нескольких сот публикаций на русском, английском, французском, польском языках.
- Дочь от второго брака Татьяна Викторовна Лунёва (1933–2012) окончила биофак Томского университета, училась в аспирантуре у А. Л. Падучевой. Жила в Казахстане, в Усть-Каменогорске.
- Падчерица В. Е. Лунёва в третьем браке Анна Кретчмар живет в Германии, известный славист.

Михаил Лебедев

«Батько, слышишь ли?»

Михаил Михайлович Лебедев.
1934

Заглавие этого очерка – строка, приведенная в воспоминаниях Янины Михайловны Лебедевой. Воспоминания хранятся в архиве общества «Мемориал» вместе с письмами ее отца Михаила Михайловича Лебедева, написанными в 1938–1946 годах из Златоустовской тюрьмы и Колымского лагеря.

Биография М. М. Лебедева до ареста складывалась как у многих его сверстников. Он родился в 1892 году в г. Сувалки Гродненской губернии в семье железнодорожного машиниста. До революции успел закончить гимназию, подрабатывал репетиторством. В 1918 году окончил медицинский факультет Киевского университета и, как свидетельствует полученный диплом, был «утвержден в степени лекаря». Тогда же женился на Фелиции Ивановне (девичья фамилия и социальное происхождение неизвестны). Работал фельдшером у частнопрактикующего врача в Киеве. С 1919 по 1929 год молодой «лекарь» – на различных медицинских должностях в Красной армии. В 1920-м родилась дочь Янина. Демобилизовавшись, до 1933 года работал в облздравотделе в Иванове, затем заведующим горздравотделом в Костроме, а перед арестом в 1937 году – главным врачом нервно-терапевтической больницы в Ярославле.

Из воспоминаний Янины Михайловны Лебедевой:

«Прощание с отцом в ночь с 22-го на 23 сентября 1937 г. осталось в моей памяти так, как будто это было совсем-совсем недавно. В ночь с 22-го на 23 сентября как-то не спалось. Я только поступила в пединститут, началась новая непривычная и сначала трудная жизнь. Сон у меня всегда был чуткий. Засыпала с трудом. Отец и мать

последнее время как-то держались настороженно, т. к. 11 сентября папу вызвали в горком и исключили из партии.

Жили мы тогда в одном из кабинетов Ярославской нервно-терапевтической больницы, где отец был главврачом, т. к.

с квартирами в Ярославле было трудно. В половине второго ночи раздался стук, отец и мать быстро встали. Я тоже проснулась (моя кровать стояла за большим шкафом), сразу услышала чужие голоса. Оделась. Начался обыск. Мы все молчали, нам не разрешали говорить тихо, а при таких людях не говорилось ни о чем – так отвратительно было их присутствие. Даже в уборную провожал отца один из сотрудников НКВД. Мама кое-как и я собрали отцу то, что разрешили. Мама заплакала, когда отец уходил из комнаты, тихо так, тихо заплакала (я вообще до этого почти никогда не видела ее плачущей, крепкой воли была она, да и отец такой же). Мама осталась в комнате, а я пошла проводить до крыльца. Шла, как невменяемая, по знакомому больничному коридору, вестибюлю, потом на крыльцо. Было раннее утро, только стало всходить солнце, начинался такой хороший, ясный сентябрьский день. Отец одет был в темное с зеленоватым оттенком пальто и темно-синюю фуражку, которую он носил по-ленински... Усталое небритое лицо. Спускается по нескольким ступенькам крыльца, его торопят. Я иду следом и не могу остановиться. Отец уже внизу крыльца поворачивает голову: “Жаль, что не успел поставить тебя на ноги”. Я не успела ответить. Его торопили... Я стою на крыльце, впереди темная зелень деревьев, освещенных утренним солнцем, и по дороге идут три фигуры... поворот, исчезли. Не умею я написать об этом, но лицо отца, все складочки, морщинки я вижу и сейчас... Так мы расстались».

М. М. Лебедева обвинили в участии в троцкистско-бухаринской контрреволюционной организации, осудили на 10 лет, для начала отправили на Южный Урал – в тюрьму г. Златоуста, а потом на Колыму.

Уже находясь на Колыме, он напишет «Жалобу» прокурору СССР, где будут такие строки:

«Мои следователи Ярославского НКВД применяли ко мне физические меры воздействия, что превратило следствие в пытку. Так, например, первый допрос длился шесть суток непрерывно, без единой минуты сна и без права вставать со стула. На последующих допросах меня

держали непрерывно по трое-четверо суток. Следователи сменяли друг друга, а я продолжал сидеть. <...> Однако никакие “методы” не смогли вырвать у меня признания того, чего не было...»

Но в своих письмах жене Фелиции Ивановне и дочке Янине («Феле» и «Янусе») Михаил Михайлович почти ничего не пишет о своих муках. Есть лишь одно письмо из Златоуста, где он касается своей жизни в неволе. Но пишет он об этом только потому, что надеется на свое скорое освобождение. Вот это письмо 17-летней дочери:

«Ты спрашиваешь, работаю ли я? Нет, Янусенька, я отбываю срок. Ведь я в тюрьме, а не в лагере. Письлок нам получать запрещено (кроме денег). Пальто, шапка, белье не нужны – мы одежду носим тюремную. Брюки мои действительно подгуляли, но ведь понадобятся они – только доехать домой, когда освободят. А на это хватит их. Хорошо было бы, если бы вам не надо было продавать, но если понадобится, то пальто продайте, а брюки и ботинки оставьте, т. к. без этого не в чем будет выйти. Очки мне служат, которые я захватил с собой. Без очков уже не могу читать. Служат достаточно хорошо, а когда нужно будет сменить, то придется здесь купить, т. к. пересылать нельзя. Книги мои пропали в Ярославле. Поэтому читаю беллетристику и занимаюсь немецким. Сделал заметные успехи. Чтение и занятие немецким заполняют время и не дают тосковать...» (6.10.1938)

Никаких других подробностей о жизни в заключении нет.

Все его письма подчинены одному – морально поддержать родных, подбодрить их, вселить надежду.

Из писем М. М. Лебедева:

«Дорогая Януса! Меня не радует, что мама каждое утро и вечер читает мои письма. Я бы чувствовал себя лучше, если бы знал, что она их оставила в покое, энергично действует и даже смеется! Ковырять, бередить свои раны может быть приятнее, чем оставить их в покое, отвлечься от них, но не полезнее. Я не могу осудить вас за то, что вы повесили голову, опустили руки. Но пора, уже пора встряхнуться! Встряхнуться совершенно необходимо. <...> Надо взять себя в руки и мобилизовать всю свою энергию, все свои силы. И во сне и наяву я грежу тем, как вернусь к вам, как мы встретимся, расцелуемся, как будем вместе! <...> Вы должны так устроиться, чтобы наверняка до-

Янина Лебедева.

Фотография, посланная папе в лагерь. 1938

Конверт из Златоустовской тюрьмы.

1938

ждать моего возвращения. И когда вам будет хорошо, когда вы вновь научитесь улыбаться, станет легко и мне в моих четырех стенах» (27.07.1938).

***

«Дорогие Януся и Феля! Неужели вам непонятно, как я здесь мучаюсь, когда вижу, что вы раскисли и повесили головы и руки? Неужели вам не ясно, что когда вы будете веселы, бодры и будете с жизнью драться с задором, с настроением, с азартом (“шалить, не ты нас, а мы тебя”), то мне будет легче, чем когда “настроение ужасное, полная апатия”. <...> Получил и сейчас рассматриваю Янусину карточку. Это уже не девочка, какой я ее оставил, а взрослая женщина. Вдумчивое, серьезное лицо, с оттенком печали. И такие близкие, родные, дорогие черты. Как хотелось бы быть с вами и чтобы это лицо озарилось радостью! Не унывайте, дождемся!..» (11.08.1938)

***

«Я ума не приложу, что вам посоветовать. Гнетет меня мое бессилие помочь вам, но, видно, так нужно, пройти через эти муки. <...> Нет, этого чувства бессилия от сознания, что никак вам не можешь помочь, я не сумею передать. <...> Но если я ничего не могу сделать вам в помощь реального, то пусть вас хоть согреет слово любви, безграничной любви моей к вам, которую вы должны почувствовать через все стены и километры. И надежда. Надо верить, что жизнь не всегда

будет к нам так незаслуженно жестока. И если не нам, старикам, то хоть Януса она обязательно, наконец, улыбнется, а ее счастье – уже наше – счастье. Береги ее, Феля!» (26.10.1938)

***

*«Феля, родная моя, милая, Януса моя дорогая!
Слышу я все, все чувствую и все переживаю с вами. И ваша боль мне большее своей. Если бы я так мог... Если бы зависело от меня, я бы взял на себя двойной-тройной груз, только бы избавить вас от мучений. Быть связанным, быть бессильным помочь вам – это мне тяжелее, чем самому переживать. И так обидно, что единственное, что я еще могу, – мои слова, мои письма – слишком слабы, слишком бледны. А мне так безумно хочется влить в вас всю необходимую вам бодрость, и силу, и надежду, и веру» (1.03.1939).*

А жизнь оставшейся без отца семьи была очень тяжелой. Дочери пришлось уйти из института. Ни ее, ни мать не брали на работу, жить стало не на что, голодали. Дочь откровенно пишет об этом отцу, а тот не знает, чем им помочь. Его советы полны отчаянья.

«Дочь за отца – не ответчица, а между тем объективно получается, что вы наказаны хуже моего: у вас скоро даже того крова и пайка не будет, который дает мне тюрьма. Нет, этого быть не должно! Нельзя в Советской стране погибать от голода и безработицы. Это нелепица! Я вот что советую вам. Сходите в местный отдел НКВД и к районному прокурору и расскажите там о своем положении. <...> Во всяком случае не надо горячности, не надо терять надежды до последнего мгновения. И не смейте ничего скрывать от меня. Ваши недомолвки вовсе не достигают цели и даже, наоборот, сильнее меня пугают» (26.09.1938).

Из воспоминаний Янины Михайловны Лебедевой:

«Перечитывая папины письма, я не могу не сказать, что он иногда несправедливо обвинял маму, что она плачет, малодушничает. В действительности этого не было. На всю жизнь у меня осталось глубокое чувство уважения и благодарности к маме за ее великое мужество, стойкость, находчивость и энергию в тех тяжелых обстоятельствах, в каких мы оказались особенно на первых порах. Я не была такая. Я терялась, боялась, падала духом, раскисала. А мама

твердо несла свой крест и всегда вселяла в меня бодрость, веру в лучшее будущее и действительно была мне и матерью, и отцом, и лучшим другом».

Из письма М. М. Лебедева:

«Януса! Твоя задача – использовать время для подготовки к жизни. Поменьше внимания укусам жизни и побольше работе над собой. Я, старик, упрямо учусь, хоть у меня больше сомнений, насколько это мне пригодится. В обстановке... А ты молодая! Стыдись! Я жду, чтобы ты написала: какая у вас библиотека, что ты читаешь, не хочешь ли посоревноваться в немецком, хотя лучше тебе подумать о заочном пединституте» (26.01.1939).

Верит ли он в свое освобождение? Во всяком случае, он ждет и надеется. Конечно, Михаил Лебедев никакой не оппозиционер. Можно с полным доверием отнестись к его утверждению, которое содержится в уже упомянутой «Жалобе» прокурору СССР: «Никогда и никакого преступления перед советской властью не было. Я, сын рабочего железнодорожного машиниста, своими знаниями, любимым делом, всем, чего добился в жизни, обязан советской власти».

А вот что он пишет семье:

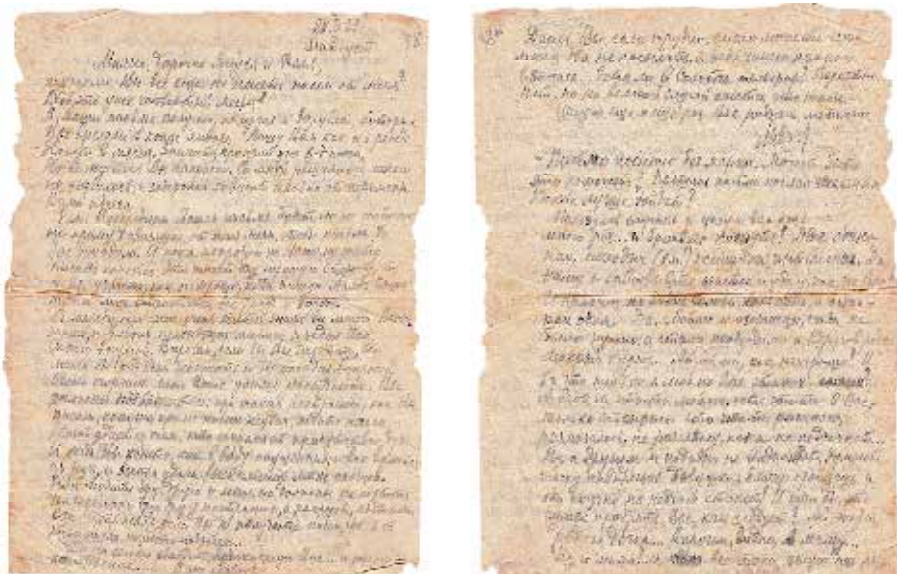

«Когда мы опять сойдемся, мы все опять наладим и исправим. Скорее бы только быть вместе. Идет вторая годовщина великого октябрьского праздника, которую мы встречаем порознь и так печально. Но именно в этот праздник, в праздник освобождения всех угнетенных, особенно верится, что, если не в этот раз, то вскоре и для нас он будет полноценным и таким же радостным и светлым, как и для всех, кто посвятил искренне свою жизнь делу освобождения трудящихся» (1.11.1938).

* * *

«Милые, дорогие Януса и Феля, неужели Вы все еще не имеете писем от меня? Ведь это уже четвертый месяц.

<...> Очень огорчает меня Ваше унылое настроение. Вы должны подбодриться: при таком настроении, как Вы писали, конечно, кроме новых неудач ждать нечего. Жизнь удалась тем, кто сохраняет присутствие духа. А когда Вы ходите как в воду опущенные и все валится из

Письмо из Златоустовской тюрьмы. 22.02.1939

рук, и всякая удача выскользнет меж пальцев. Если любите друг друга и меня, то должны не портить наперегонки друг другу настроение, а, наоборот, подымать его. Очень жаль, если Вы не получите писем, где я об этом писал немного подробнее.

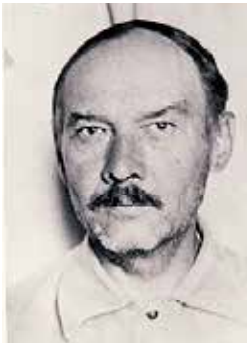
<...> Пользуюсь случаем и целую Вас еще много раз... и бросьте киснуть! Две одинокие молодые женщины, интересные. Да кому и завоевывать счастье и удачу, как не Вам? И, наконец, не бедна голова, коль одна, а бедна – так одна. Да... бойки и озорницы, когда не было нужно, а стало необходимо, и вдруг – вроде мокрых куриц... Ай-ай-ай, как нехорошо! И за что только я люблю вас таких? А ведь за что-то люблю, есть что-то в Вас, только отсырело это что-то, раскисло, размазалось, не разгляжу, пока не подсохнет... Ну а другим и подавно не видно: вот, думают, тоску наводящие девушки: близко пройдешь и то скучно на неделю станет! И кто бы это сумел пробрать Вас как следует? Ай, Януся, родная дочка! Впрочем, видно, в маму. Ну и мама! А все-таки целую еще раз.

М. Лебедев» (22.02.1939).

В июне 1939 года М. М. Лебедев был переведен из Златоуста на Колыму. В письмах из лагеря, как и в прежних письмах из тюрьмы, Михаил Михайлович практически не сообщает никаких сведений

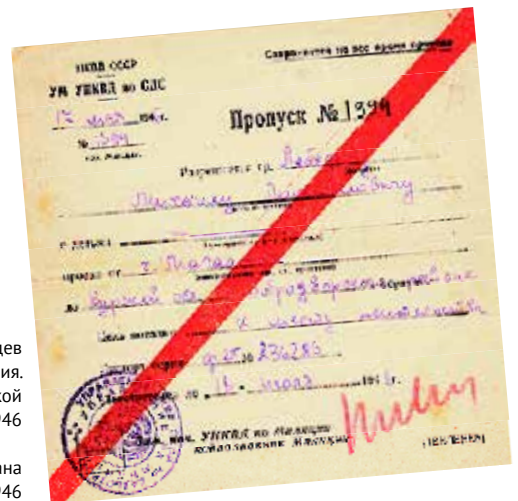
о том, что пришлось ему испытать. Очень коротко и скупо упоминает о том, что на Колыме оказался в шахте на общих работах, но ничего не пишет о голоде, о болезнях, о том, что, только тяжело заболев, был переведен на работу помощником лагерного врача. К тому же с колымской перепиской происходило что-то непонятное. Семья жила тогда в Уфе, Янина училась в медицинском институте, и письма из Уфы и в Уфу доходили очень редко. Тогда Лебедев стал посылать только телеграммы – поздравлял дочку с днем рождения, с окончанием института... Почему? Опасался, что письма из лагеря с «нежелательными» сведениями не отправляются по адресу? Эти опасения звучали и в предыдущих письмах, из Златоуста:

«Теперь о себе. Я здоров и по-прежнему бодр, особенно с того времени, как Вы устроились. Главное мое занятие все то же – немецкий язык. И если говорить еще о чем-либо другом, то также все одно и то же. Какие у меня могут быть перемены? Жизнь идет изо дня в день однообразно, по заведенному порядку. Я пробовал описать вам этот порядок – письма не доходили, – значит, писать об этом не надо. Писать о своих надеждах? Не стоит бередить нашей раны...» (12.01.1939)

Михаил Михайлович Лебедев
после освобождения.
Пос. Микояновка Белгородской
области, 1946

Пропуск на проезд из Магадана
к месту жительства. 1946

Он был совсем нездоров. Его болезнь стала причиной сокращения срока заключения на полтора года. Из Северо-Восточного лагеря НКВД Михаила Михайловича Лебедева освободили 21 марта 1946 года с поражением в правах на пять лет.

В воспоминаниях дочери остались пронзительные строки о встрече с отцом.

Из воспоминаний Янины Михайловны Лебедевой:

«В июне 1946 г. вернулся отец. Он был освобожден в марте 1946-го, “сактирован” по состоянию здоровья досрочно – рак желудка. Рак был диагностирован еще в 1945 г., но врачи убедили отца, что они это “придумали”, чтобы его “сактировали” и он мог ранее срока вернуться домой. Это говорил отец, когда приехал. А встретились мы в июне 1946 г. Я заведовала районной больницей. Уже имела трехлетний стаж. Жили мы в здании больницы, в крохотной комнатухе, где едва умещались 2 кровати и стол. <...> На рассвете, часа в 4 с минутами (как раз приходил в это время рабочий поезд из Курска) кто-то постучал (больница была в двухстах метрах от станции), я по привычке быстро вскочила, накинула платье и пошла открывать дверь. Быстро распахнула дверь, было уже совсем светло. Так не хотелось вставать... Передо мной стоял пожилой мужчина с каким-то желтым, как у китайца, лицом, черными живыми глазами, с седоватыми усами, сутулый, худой, в ватнике цвета хаки, такого же цвета бумажной фуражке, темном галифе и брезентовых сапогах. Я стояла, смотрела на него недовольно спросонья и с тоской думала: “Наверное звать будет на роды куда-нибудь”. Человек молчал и пристально смотрел на меня: чуть-чуть насмешливо и как-то раздражающе радостно смотрели глаза. Я ждала, что он скажет. Он молчал. Довольно долго мы молчали. У меня появилось раздражение – разбудил, стоит и молчит, что ему надо? И в то же время что-то такое было в его лице хорошее, что я не могла долго ни о чем спросить. Потом не выдержала: “Что вам нужно?” И вдруг такой знакомый, родной голос тихо спросил: “Ты меня не узнала?” Голос, голос – я узнала сразу, все задрожало, растерялась, сбегала с крыльца к нему, и оба заплакали. <...> Как он доехал, я не знаю. Совсем больной, истощенный до дистрофии, со сломанным ребром... Ехал от Курска рабочими поездами с пересадками, таща свои такие жалкие пожитки – старое одеяло, смену белья, ботинки, кое-какие мелочи и с Колымы пол-литровую баночку кетовой икры. Голодая почти всю дорогу, он привез эту баночку икры и, доставая ее дрожащими руками, сказал: “Это маме, она ведь всегда так любила кетовую икру, ее теперь трудно достать”. <...> И дома не пришлось ему отдохнуть, мучила нас нужда, недоедание, холод. В квартире

было холодно, отец очень мерз, сидел в валенках, старых дешевых брюках и своей колымской ватенке, прятал худые холодные руки в рукава, зябко ежился. Вот тогда он сказал: “Там, на Колыме, я не думал, что вы так живете теперь. Пожалуй, напрасно я приехал, лучше б остался там, вам и так тяжело, а тут – я больной. Так бы думали, что умер, смирились бы с этой мыслью”. Страшно было это слушать, но что можно было сделать?»

Михаил Михайлович Лебедев умер в 1949 году. В 1957 году был полностью реабилитирован. Жена пережила его на 9 лет. По словам дочери, ее мама «очень дорожила папиными письмами, всегда перечитывая их и черпая в них свое мужество. Особенно любила то место, где отец вспоминал, как мама была с ним на фронте и переносила все тяжести походов – сначала будучи беременной, а потом с трехмесячной дочкой. Всегда вспоминала то место, где отец пишет, что она теперь мне и за отца. И действительно, я могла всегда обратиться к ней и к отцу и сказать словами Гоголя: “Батько, слышишь ли?” И меня всегда слышали мужественные и глубоко мною уважаемые люди – мои отец и мать».

- К сожалению, мы ничего не знаем о том, как сложилась дальнейшая жизнь Янины Михайловны Лебедевой. Письма отца и воспоминания о нем она передала в «Мемориал» в 1989 году. Тогда она жила в г. Ахтырка Сумской обл. (Украина).

Иван Суханов

«О тебе думаю все время»

Иван Петрович Суханов.
Рига, 1910

Иван Петрович Суханов родился в 1881 году в селе Новодевичье Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, на Волге (сейчас на этом месте Куйбышевское водохранилище). Село было большим, торговым, с высокой церковью на берегу Волги. Прадед И. П. Суханова, из бывших крепостных крестьян, держал водяную мельницу.

В семье Сухановых стойко держится легенда о происхождении фамилии: на мельницу с зерном приезжали татары, мордва и обращались к прадеду со словами «Су-хан!», что в переводе с татарского значит «Властелин воды». Отсюда и пошла фамилия Сухановых. Отец Ивана Петровича, Петр Александрович Суханов, имел небольшое дело, был представителем русско-бельгийской фирмы по торговле яйцами. Занимался покупкой яиц, их сбытом и отправкой в Петербург. В семье росло четверо детей: сын и три дочери.

Петр Александрович Суханов.
Новодевичье, начало 1900-х

Село Новодевичье. 1926

Иван Петрович Суханов (с гитарой). Новодевичье, 1908

Иван Суханов окончил церковно-приходскую школу в Новодевичьем, а неполное среднее образование (7 классов) получил уже в Самарском реальном училище, где и обнаружились его незаурядные способности к математике, рисованию и музыке – игре на скрипке.

После мучительных раздумий и ссоры с отцом, который хотел, чтобы Иван продолжил его дело, Суханов поступает в Рижский политехнический институт и оканчивает его в 1910 году с дипломом инженера-архитектора. Затем – Петербургская академия художеств, учеба на архитектурном отделении в мастерской профессора Л. А. Бенуа. Все время учебы, до 1914 года, Суханов занимался репетиторством, продажей своих картин, поскольку отец отказал в денежной помощи. Музыку он не оставляет – берет частные уроки игры на скрипке. Обладая абсолютным музыкальным слухом, он играет на многих инструментах, и ему предлагают место в Рижском симфоническом оркестре, но он отдает предпочтение архитектуре и живописи.

В Петербурге Суханов знакомится со студенткой Бестужевских курсов Софьей Георгиевной Обрезовой. Она родом из Владикавказ, из казачьей семьи. Ее отец – генерал-майор, начальник Кавказского военного округа. Девушка увлечена музыкой, поэзией Серебряного века, театром, живописью. В 1916 году состоялась их свадьба, а в 1917 году родился сын Михаил.

Софья Георгиевна
Суханова.
1918

Софья Георгиевна и Иван Петрович
Сухановы с сыном Мишей. Ульяновск,
1918

Софья Георгиевна и Иван Петрович
Сухановы с сыном Мишей. Ульяновск,
1924

На персональной выставке. Ульяновск, 1926–1927

Малаховка. Пехорка. Вечер. 1930

В 1916 году Суханов был мобилизован как архитектор на строительство патронного завода в Симбирске; там он пробыл до окончания строительства. В 1920 году поступил на работу в Средне-Волжский архитектурный техникум в Симбирске, преподавал историю искусств, участвовал в художественных выставках. С 1924 года И. П. Суханов – главный инженер Ульяновской (б. Симбирской) губернии.

В 1929 году Сухановы переезжают в Москву, обосновываются в подмосковной дачной Малаховке. Покупают участок, ставят дом, занимаются садом. И. П. Суханов влюбился в Малаховку, речку Пехорку, озеро. Там он создает целую галерею пейзажей, где живописные уголки малаховских окрестностей излучают свет, покой, радость.

Сын Миша учится в школе, тоже начинает рисовать, и Иван Петрович его обучает, помогает овладеть перспективой, композицией, разными техниками графики. Это был самый счастливый период жизни Суханова: он вполне успешный архитектор, работает в различных проектных организациях, преподает. Главные его

архитектурные проекты – в основном общественные здания: театры в Сормове и Самарканде, школа в Орске, амбулатория в Выксе, банк в Сыктывкаре, здание Наркомлеса в Москве. И в духе того времени – проект памятника борцам революции в Ульяновске и Коломне. Многие из его работ отмечались премиями на всесоюзных конкурсах; некоторые из них были осуществлены. Среди изданных – проекты типовых зданий школы, жилых домов, больницы, избы-читальни (издавались Губпланом, Губисполкомом Ульяновска).

Спокойная, гармоничная жизнь была резко нарушена 4 декабря 1934 года. Ивана Петровича арестовали рано утром, когда жена была в церкви, а сын (ему почти 17 лет) еще спал. Арест для Суханова явился неожиданностью: он – беспартийный, к советской власти лоялен, ну, может быть, позволял себе некоторые критические замечания в кругу близких людей. От политики далек, главное для него – заниматься любимым делом, архитектурой.

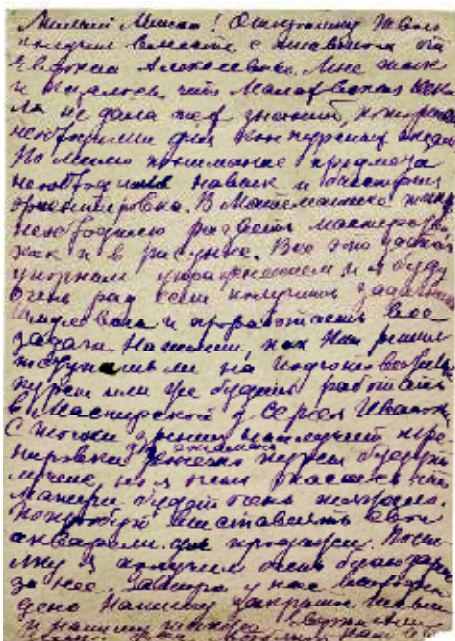
Но за обвинением дело, разумеется, не стало – 58-я статья, «контрреволюционная деятельность». Содержался Иван Петрович Суханов в Лубянской и Бутырской тюрьмах. 27 февраля 1935 года ОСО НКВД вынес приговор – пять лет исправительно-трудовых лагерей. В 1935–1936 годах он отбывает срок в Сиблаге (пос. Темиртау). Там заключенный занимается своим привычным делом – проектирует жилые дома, вокзалы для небольших железнодорожных станций (в здешних местах строится железнодорожная ветка). А в Малаховку, по адресу Школьная улица, дом 2, идут лагерные письма и почтовые карточки – жене и сыну.

В каждом письме – о сыне Мише. Отец мечтает видеть сына архитектором, беспокоится о том, как он заканчивает школу, советует, как лучше подготовиться к вступительным экзаменам в архитектурный институт.

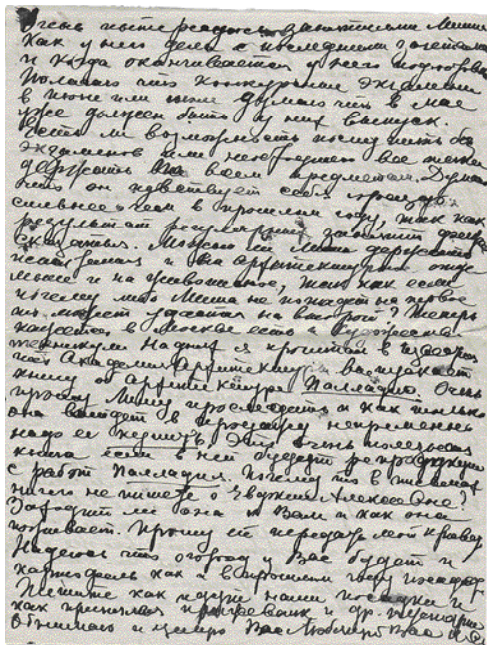
Из писем И. П. Суханова:

«Милый Мишка! Открытку твою получил. <...> Мне тоже казалось, что малаховская школа не дала тех знаний, которые необходимы для конкурсных экзаменов. Помимо понимания предмета, необходим навык и быстрая ориентировка. В математике так же необходимо развить мастерство, как и в рисунке. Все это дается упорным упражнением, и я буду очень рад, если получишь учебник Шмулевича и проработаешь все задачи. Напиши, что ты решил: идти на подготовительные

Почтовая карточка. 11.09.1935

Из письма от 08.05.1936

курсы или работать в мастерской у Сергея Ивановича. С точки зрения наилучшей тренировки до экзамена, конечно, курсы будут лучше, но я очень опасаясь, что матери будет очень тяжело. Попробуй выстав- лять свои акварели для продажи. Псылку я получил, очень благодарен за нее. Завтра у нас выходной день. Напишу закрытое письмо. <...> Целую Вас. Любящий Ваш И. С.» (11.09.1935).

***

«...Очень интересуюсь занятиями Миши. Как у него дела с последни- ми зачетами и когда оканчивается у него подготовка? Полагаю, что конкурсные экзамены в июне или июле, думаю, что в мае уже должен быть у них выпуск. Есть ли возможность поступить без экзаменов или необходимо все-таки держать по всем предметам. Думаю, что он чувствует себя гораздо сильнее, чем в прошлом году, так как резуль- тат регулярных занятий должен сказаться. Можно ли Мише держать испытания и на архитектурное отделение и на живописное, так как, если почему-либо Миша не попадет на первое, то может удастся на второе? Теперь, кажется, в Москве есть и художественный техникум? На днях я прочитал в «Известиях», что Академия архитектуры вы-

пускает книгу об архитектуре Палладио. Очень прошу Мишу проследить, и как только она выйдет в продажу, непременно надо ее купить. Это очень полезная книга, если в ней будут репродукции с работ Палладия...» (8.05.1936)

Портреты эзков. Дмитлаг, 1936

В августе 1936 года Ивана Петровича этапируют в Дмитлаг. Там он работает в проектно бюро строительства канала Москва–Волга. Заключенных, работающих на строительстве каналов в 1930-е годы, называют заключенными-каналоармейцами (а потом – просто «зэка»). К нему приезжают на свидания жена, сын (правда, редко и по специальному разрешению). Когда выдается свободное время, Суханов делает карандашные наброски лагерной жизни, портреты заключенных. Беспокойство о Мише не отпускает.

«Милый мой и дорогой Миша! Твою открытку получил. Очень рад, что ты бываешь на выставках и следишь за работами художников. Считаю, что отмеченная тобой безличность в работе учеников Академии самый верный и самый вредный недостаток. <...> Самое правильное направление в искусстве это быть самим собой. И плох тот преподаватель, который не ценит индивидуальность ученика, и плох тот ученик, который не развивает свои особенности. Вырабо-

тать свою манеру в рисунке, с любовью и трепетом рисовать, быть искренним и упорным, неустанно работать над собой – вот задача ученика, и главный учитель природа, любить которую нужно всем своим существом, оберегая себя от пошлости как от опасной заразы.

Сходи на выставку Беляницкого¹. У него есть своя манера и некоторые неплохие этюды. Жалею, что дома не можешь (не любишь) рисовать, но арифметику и алгебру все же непременно нужно знать. О тебе думаю все время и надеюсь, что ты упорным трудом и прилежанием достигнешь многого.

Обнимаю и целую. Любящий тебя твой отец» (7.04.1936).

* * *

«...Сейчас получил открытку от Миши. Очень рад, что в рисунке он преуспевает, а почему акварель подхрамывает? Нужно поработать одной краской или тушью, но все же основа всему это рисунок. Я стараюсь как можно больше рисовать и рисую в свободное время портреты. В ближайшее время думаю порисовать пером и тушью и очень советую Мише рисовать пером. Это очень полезно, а работать пером архитектор должен прежде всего. Сейчас komponую порталы для тоннелей, один из которых уже в работе. Жду от Миши подробного письма с описанием, как проходят зачеты по остальным предметам. Красками поработает с натуры летом, а теперь пусть займется науками» (24.04.1936).

* * *

«...Очень рад за Мишу, что его работы приняли на выставку, и очень сожалею, что лишен возможности видеть его рисунки в музее. Здесь он должен сравнить свои рисунки с соседями и сделать полезные выводы. Выставки этим очень полезны. Мне нравится решение Миши поработать эту зиму исключительно над рисунком, только если вы сумеете свести концы...» (27.09.1937)

* * *

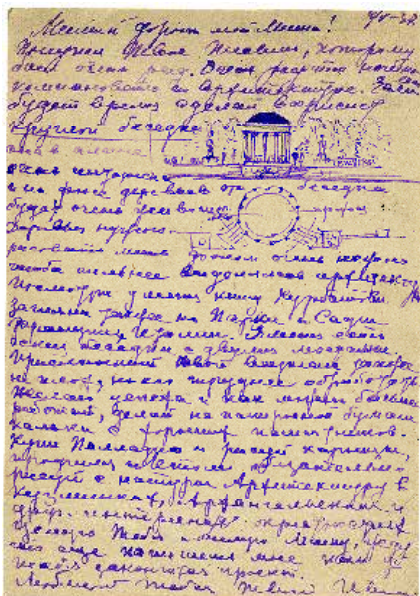
«Милый и дорогой мой Миша! Получил твое письмо, которому был очень рад. Очень рад, что начинаешь komponовать по архитектуре. Если будет время, сделай вариант круглой беседки, она в плане очень интересна, и на фоне деревьев эта беседка будет очень живописна. Деревья нужно рисовать лишь фоном, очень нежно, чтобы сильнее выделялась архитектура.

¹ Имеется в виду художник-пейзажист В. К. Бялыницкий-Бируля (1872–1957); в 1936 в Москве проходила его персональная выставка.

² Имеется в виду книга В. Я. Курбатова «Сады и парки: История и теория садового искусства». Пг., 1916.

³ Вероятно, речь идет о книге А. Лефевра «Парки и сады». СПб., 1871.

⁴ В Москве в 1937 в издательстве Всесоюзной академии архитектуры вышел труд знаменитого итальянского архитектора XVI века Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре».

Почтовая карточка. 4.05.1938

Посмотри у меня книгу Курбатова². Загляни также в «Парки и сады» Франции, Италии³. У меня есть эскиз беседки с двумя мостами. Присланный твой вариант также неплох, но его труднее обработать. Желаю успеха, и как можно больше работай, делай на папиросной бумаге кальки с хороших памятников. Купи Палладио⁴ и рисуй карнизы, профили. Летом обязательно рисуй с природы архитектуру в Кузьминках, Архангельском и в других интересных окрестностях.

Целую тебя и маму. Жду, что еще напишешь мне, как у тебя закончится проект. Любящий тебя твой Иван» (4.05.1938).

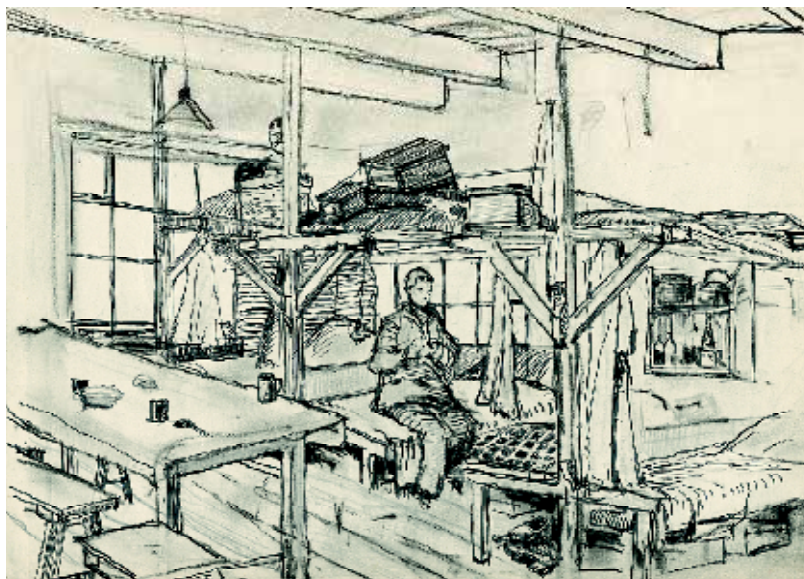
Вскоре И. П. Суханова переводят из Дмитлага в Ухтпечлаг (пос. Чибью, Коми АССР). По воспоминаниям сына, Иван Петрович хотел остаться в Дмитлаге: проектирование шлюзов, выполнение различных чертежей – это была любимая привычная работа; да и режим чуть посвободнее. Но все хлопоты оказались напрасны.

Во всех лагерях – Темиртау, Дмитлаг, Чибью – И. П. Суханов, по возможности, рисовал.

В 1938 году И. П. Суханов был освобожден досрочно, по зачетам. Но вернуться к семье он не мог – слишком близко расположена Малаховка к Москве, да и «поражение в правах». До 1939 года он работал архитектором проектной конторы в Сыктывкаре, затем выполнял работы для Академии архитектуры в Егорьевске Московской области. В августе 1940 года поселился во Владимире, работал в областном краеведческом музее, руководил реставрацией Дмитровского собора.

Иван Петрович Суханов перед вторым арестом. Начало 1940-х

Барак. Темиртау, 1935–1936

Баракы с птичьего полета. Темиртау, 1935–1936

Дома. Темиртау, 1935–1936

3-я колонна. Амзас, 1935–1936

Лагерная кухня. 1935–1936

Стройка. Темиртау, 1935–1936

4 июля 1941 года И. П. Суханова вторично арестовывают «по подозрению в шпионских связях». 2 сентября 1942 года следует приговор ОСО НКВД – восемь лет исправительно-трудовых лагерей. В этом же году он умирает. Причина смерти неизвестна.

Реабилитирован по обоим делам в 1957 и 1958 годах.

- Сын И. П. Суханова Михаил Иванович Суханов в 1942 году окончил архитектурный институт и ушел на фронт. После войны, как и его отец, стал художником-архитектором. Жил и работал, помня отцовское напутствие в письме: *«Выйдет, непременно выйдет толк из хорошо и добросовестно выполненной работы. Самое главное в жизни – иметь призвание и любить свое дело. Нужно упорно идти к намеченной цели. Мастером может быть только тот, кто упорно и много работает над*

любимым делом... нужно действовать, нужно работать, а не вешать руки. Пусть неудача будет одна, другая, третья, но это не значит, что нужно падать духом и перестать работать» (11.11.1935).

Сейчас Михаилу Ивановичу 97 лет. Живет в Малаховке. На калитке – все тот же адрес: Школьная улица, дом 2. На крыше дома – веселый петушок-флюгер, а посаженные возле дома в 1931 году вместе с отцом деревья – сосна и береза – упираются в небо.

Ворота дома Сухановых. Малаховка, 2014

Борис Шустов

«Первая моя мысль, когда я просыпаюсь, и последняя, когда я засыпаю, – о тебе, любимая моя девочка»

Борис Сергеевич Шустов.
Москва, 1930

Поводом для этих воспоминаний послужила папка с аккуратно подобранными и подшитыми в ней письмами. В середине 1960-х годов, незадолго до своей кончины, ее передал мне отец – Борис Сергеевич Шустов (1902–1968). В 1938 году его арестовали и осудили по статье 58-10 ч. 1 УК РСФСР на 5 лет лишения свободы с поражением в правах на 3 года.

Я родилась 14 декабря 1932 года. К моменту ареста отца родители мои были в разводе, каждый создал свою семью. В 1940 году моя мама умерла. Я осталась с отчимом. Еще будучи в заключении, отец начал меня разыскивать. Все «этапы» этого розыска оказались отражены в письмах, которые он мне передал. Я считала и считаю своим долгом сохранить память об этом незаурядном человеке.

Инна Шустова

Мой отец по рождению принадлежал к кругу людей, уничтоженных революцией. Их окрестили «контрой», «белыми», «врагами народа». Отец не считал себя ни тем, ни другим, ни третьим. Он встретил революцию пятнадцатилетним юношей, вместе с семьей во время Гражданской войны должен был эмигрировать, но болезнь старшей сестры этому помешала.

До революции они жили в собственном доме в Петербурге. Когда Боре было четыре года, старшей сестре Жене шесть лет, а младшей, Нине, два года, к детям взяли бонну-немку. Она ни слова не знала по-русски, и детей на долгое время изолировали от всякого общения: они все время были только под ее присмотром. Через два месяца дети бойко лопотали по-немецки.

Отец в конце жизни признавался, что ему безразлично, на каком языке думать – русском или немецком. Перед Первой мировой войной он успел побывать в Германии, и ее архитектура, особенно готика, произвела на него огромное впечатление. Любовь и интерес к немецкой культуре прошлого он пронес через всю жизнь, читал в подлиннике Канта, Ницше, Шопенгауэра, Гегеля. Отец любил поэзию Гёте и Гейне, музыку Баха, Бетховена, Вагнера. Фашизм переживал болезненно, рано понял его общие черты со сталинизмом и с горькой иронией говорил, что в его аресте была и положительная сторона: ему не досталось этой пытки – убивать немецкий народ. Впрочем, было и еще одно положительное следствие: в лагере, как ни покажется странным на первый взгляд, отец стал лучше, добрее относиться к людям. Он видел их невинные страдания, помогал им и на себе испытал подлинную силу взаимопомощи.

Отец рассказал, что наша бабушка Екатерина Васильевна была старинного дворянского рода, но так и не назвал ее девичьей фамилии: после революции они с сестрами дали друг другу клятву, что их дети никогда не узнают фамилии предков.

Одно установлено точно: папин отец Сергей Николаевич Шустов был крупным чиновником при управлении Российскими железными дорогами. Моя сестра Ксана однажды спросила отца, кем мы были бы, если бы не случилась революция. Отец, лукаво смеясь, не то разыгрывая ее, не то всерьез, ответил: «Ну, по меньшей мере, – губернаторскими дочками».

Не сумев эмигрировать, семья застряла в Сочи. На семейном совете Борю решили отправить на бухгалтерские курсы – бухгалтеры нужны при любом режиме. И не ошиблись: у отца всегда был хоть и скромный, но верный заработок. Бухгалтерия его успокаивала, он говорил, что когда в отчете баланс сходится, он приходит в душевное равновесие. И еще: специальность бухгалтера не заполняла его голову работой вне службы, и дома он мог спокойно читать, заниматься самообразованием, сочинять стихи. Так, самостоятельно, отец хорошо изучил историю, философию, историю искусств.

В 1925 году он был проездом в Саратове. Там он познакомился с моей будущей мамой, дочерью городского садовника Галиной Николаевной Зиминой. Через три года они поженились, в 1932 году родилась я.

Однако их семейная жизнь оказалась непрочной. В 1935 году мама вместе со мной ушла от отца к А. К. Смаковскому, и я росла в уверенности, что Алексей Константинович Смаковский мой родной отец. «Папу Борю» я помнила: до ареста он часто приходил ко мне, строил дома из кубиков, населял их бумажными зверушками, которых тут же склеивал из бумаги, и разыгрывал передо мной целые представления. Но больше всего я любила, когда он приносил с собой обычную тетрадку в клеточку, куда мы с ним переводили картинки. К каждой из них он придумывал веселый стишок и тут же вписывал его большими печатными буквами. Получалась книжка, какой больше ни у кого не было – только у меня.

Инна Шустова. Москва, 1936

Читать я научилась в неполных пять лет и очень любила это занятие. К нему пристрастил меня тоже папа Боря. Он сам охотно читал мне вслух и любил слушать – или делал вид, что любил, – как читаю я.

Но, повторяю, родным отцом я считала Смаковского. И когда в 1940 году мама умерла, я осталась жить с отчимом, не подозревая, что мой родной отец находится в лагере.

Позже он рассказал мне об обстоятельствах своего ареста. Будучи бухгалтером-ревизором Наркомата угольной промышленности, он писал стихи и ходил в домашний литературный кружок.

Там непрофессиональные поэты читали свои стихи друг другу, обменивались впечатлениями. В кружке интересовались только поэзией, обо всем остальном не дискутировали. Читал свои стихи и отец – его признали последователем акмеистов. Как-то один из членов кружка – отец не называл его фамилии – прочел свою поэму, в которой прозвучало, мягко говоря, недовольство современной жизнью и ностальгия по прошлому. Руководитель кружка предложил не обсуждать содержание поэмы, и кружковцы гово-

рили только о ее форме, которую в основном хвалили. На следующий день руководителя кружка и автора поэмы арестовали. По их записным телефонным книжкам взяли всех кружковцев, в том числе и отца. На вопрос следователя: «Вы знаете, за что арестованы?» – отец ответил строками Гумилёва:

За то, что эти руки, эти пальцы,
Не знали плуга, были слишком тонки,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Томили только, горестны и звонки¹.

¹ Из стихотворения Н. Гумилева «Думы» (1908).

В ответ он получил удар в челюсть справа, который выбил ему почти половину зубов, сбил с ног. Когда отец поднялся, выплевывая кровавые ступки, следователь хладнокровно повторил вопрос. У отца еще хватило иронии вновь процитировать Гумилёва:

Вероятно, в жизни предыдущей
Я зарезал и отца и мать...²

² Из стихотворения Н. Гумилева «Унижение» (1917).

Эти строки стоили ему выбитых зубов с другой стороны. Отец потерял сознание. Когда его привели в чувство, следователь, глядя на него, как показалось отцу, даже сочувственно, сказал примерно следующее:

– Думаешь, у нас есть время разбираться, виноват ты или нет? Никто не будет с тобой возиться. У нас таких, как ты, сотни. Подписывай протокол, иначе возьмем мать и жену.

Мысль, что из-за него могут пострадать близкие, была отцу невыносима. Он собрался с силами, подошел к столу и, не читая, подписал бумагу, которую следователь ему с облегчением подвинул. Отца увели. Два года тюрьмы и три ИТЛ – исправительно-трудовых лагерей – таков его приговор. Были и еще допросы – добивались выдачи соучастников. Отцу не давали спать, заставляли несколько суток подряд стоять... Он говорил, что это тяжелейшая пытка: вся нижняя часть его тела чудовищно распухла и так болела, что он все время терял сознание. Отец ни на кого не донес и, видимо, был так слаб, что его перестали вызывать на допросы. В чем отца обвиняли, он так никогда и не узнал – принципиально этим не интересовался, даже в годы всеобщей реабилитации. Насколько я помню, отец так и умер, не получив реабилитирующей справки. Перед своей совестью он считал себя невиновным. В Риге, куда он перебрался жить после смерти Сталина, этой стороной его биографии никто никогда не интересовался.

У отца всегда был собственный взгляд на историю. Он глубоко изучал философию, читал и марксистов, и их оппонентов, считал сталинский террор естественным продолжением революции. Мне отец говорил, что это трезвое понимание происходящего спасло ему психику. Он встречал в тюрьме убежденных революционеров, бывших политкаторжан, преданных партийцев, которые не в силах были осознать случившегося, считали, что к власти пришли фашисты, что Сталин обманут, – психика этих физически здоровых, крепких людей не выдерживала, они сходили с ума.

О тюрьме и лагерных годах отец мог рассказывать бесконечно. Однако пока я была еще ребенком, он щадил мою неокрепшую психику и о многом умалчивал.

Отец вспоминал, что когда он попал из тюрьмы в лагерь, самым сильным его впечатлением были женщины: два года в тюрьме он не слышал женского голоса. Лагерные «красавицы» ругались отборным матом, а он ловил лишь «райскую музыку» тембра их голосов и интонаций.

От тяжелых работ в лагере отца спасли урки. Он был хорошим рассказчиком, умел уважать собеседника, кем бы тот ни был. Урки дали отцу кличку «белый лебедь» и вменили ему в обязанность каждый вечер, как Шехерезаде, рассказывать историю с продолжением. Сплетая в причудливую сеть Брет-Гарта, Купера, Скотта, Джека Лондона, Франса, Грина и даже Лакло, он много месяцев развлекал «воров в законе» немислимыми приключениями. Урки, в свою очередь, демонстрировали ему свое профессиональное умение незаметно выкрасть из любого кармана собеседника все что угодно. Отец искренне поражался их фокусам, а им это льстило. Но главное – за увлекательные рассказы уголовники выполняли за него норму на строительстве железной дороги и на лесоповале. Физически некрепкий, отец не выдержал бы этой работы.

Сильные, ниже тридцати градусов, морозы дали о себе знать: отец заболел воспалением легких. Его положили в лазарет. От неминуемой смерти там его спасла вольнонаемная, работавшая, кажется, в столовой. Отец всегда вспоминал о ней с благодарностью и ласково называл Шурочкой. Она подкармливала больного, выхаживала его и искренне привязалась к нему. А когда отец пошел на поправку, Шурочка добилась, чтобы его оставили при больнице, если я не ошибаюсь, учетчиком.

Я училась в восьмом классе, когда отец впервые сказал мне:

– Придет время, и стыдно будет не тем, кто сейчас в тюрьме и ссылке, а всем, кто это допустил. Нас будут считать героями... Ты еще доживешь до этих дней.

Однако всплеск «оттепели» удалось захватить и отцу. Он радовался прорвавшейся правде, но говорил, что пока это лишь узкая щелочка, в которую просачивается лишь самая малость. «Один день Ивана Денисовича» Солженицына он всячески приветствовал, но считал литературой, хотя и правдивой. «Лагерная жизнь, – говорил он, – во сто крат страшнее». Остальные произведения Солженицына отцу прочесть не удалось. Отец намекал, что в его голове живет законченный роман о прожитых годах. Однако написать его он так и не решился – не верил, что прежние времена не вернуться, осторожничал. В его архиве остались лишь фрагменты, наметки, отдельные абзацы, оборванные на самом интересном месте.

Но вернемся к письмам, которые передал мне отец. Узнав в лагере о том, что А. К. Смаковский решил официально удочерить меня, он пишет заявление в Опекунский совет Фрунзенского района города Москвы:

«От Шустова Бориса Сергеевича

Коряжма, Архангельской обл.,

п/я № 219/3

25 февраля 1940 года умерла моя бывшая жена, Галина Николаевна Шустова-Смаковская (урожденная Зимина). После нее осталась дочь Инна семи лет, которая в настоящее время живет у своего отчима, второго мужа умершей, Алексея Константиновича Смаковского. <...> Мне стало известно, что Смаковский, пользуясь моим вынужденным отсутствием (заключение в исправительно-трудовом лагере), имеет намерение удочерить ребенка против моей воли. Как отец ребенка, я не только не давал и не даю согласие на удочерение, но решительно протестую. <...> В настоящее время я нахожусь в Севжелдорлаге, в 7-й колонне 3-го отделения, и как заключенный лишен возможности принять свою дочь и поселиться с ней. Но от родительских прав я ни в коем случае не отказываюсь, и при первой же возможности, согласно действующему закону, мною будет возбужден вопрос о переселении моей дочери ко мне.

Шустов

1 сентября 1940 года».

В тот день, когда папа писал это письмо, я пошла в школу, в первый класс, и о его судьбе ничего не знала. Срок его заключения в лагере закончился в 1943 году, но из-за поражения в правах он не мог вернуться в Москву. Освободившись, он начал меня разыскивать.

Из письма А. К. Смаковскому:

«Алексей Константинович! <...> Мне стало известно, что в последнее время Вы вновь устроили свою жизнь по-семейному. У меня же окончился период моих испытаний. Сейчас я работаю на одной стройке НКВД главным бухгалтером, материально вполне обеспечен и хотел бы взять к себе свою дочку Инночку. <...> Я снова в состоянии содержать, воспитать и окружить любовью своего ребенка.

Вы, Алексей Константинович, вторично нашли семейное счастье. Мне же, после многих лет испытаний, смерти мамы и других близких, возможность иметь при себе свою дочь явилась бы огромным утешением. Надеюсь поэтому, что Вы не откажете мне сообщить Ваши соображения по затронутому вопросу. Вашего ответа буду ждать с нетерпением.

Шустов

25 января 1944 года».

Дальше события развивались непредсказуемо. Отец неожиданно получил ответ, но не от Смаковского, а от соседки Васильевой («тети Вали»), в котором говорилось, что отчим меня бьет (это было правдой), что я «очень несчастна» (несчастной я себя не чувствовала), «вспоминаю папу Борю», что меня надо «спасать» и т. д.

Получив письмо от соседки, отец немедленно ей ответил: ему важна была любая ниточка, зацепившись за которую можно было меня отыскать. Завязалась переписка. Смаковский с новой женой и со мной переехал на другую квартиру, но Васильева в конце концов разыскала меня и передала мне письмо отца. К сожалению, отец не на все свои послания оставлял копии, а подлинники не сохранились. Но мой ответ и копию своего следующего письма отец подшил в «дело».

«Дорогой папочка Боря! Я получила твое письмо. Я так рада, что ты нашелся! Я каждый день о тебе вспоминаю. Ты спрашиваешь, как я живу. Когда мне было лет восемь, то папа меня очень часто бил за пустяки (даже знакомые так говорили). Последний год я с ним живу

хорошо и дружно. Папа обо мне очень заботится и очень любит меня. Я к тебе бы с удовольствием приехала совсем, только мне жалко папу. Я его тоже очень люблю (хотя тебя даже больше), и мне его жалко покинуть. Я так хочу тебя увидеть, что прямо не могу сказать. Сейчас я должна с 1 октября пойти в школу, в пятый класс, во вторую смену. Если можно, приезжай ты в Москву. У папы сейчас такая должность, что ему приходится все время ездить в командировки. Он хочет кого-нибудь нанять. Так приезжай ты и живи с нами всю-всю жизнь. Я думаю, что папа согласится. Напиши, жива ли бабушка Катя и где ты живешь и находишься. Если недалеко, то, может, хоть в каникулы ты за мной приедешь, и я проживу их у тебя. Пришли мне свою фотокарточку. Целую тебя крепко-крепко.

Твоя Инна».

Папа ответил быстро.

«Родная моя Инночка! Сегодня для меня счастливый день – ведь сегодня я нашел тебя, получил от тебя письмо, узнал, что ты жива, здорова и что тебе не так плохо живется, как я боялся.

Прошел год, как я написал Алексею Константиновичу по адресу на Барыковский переулок, что я тебя разыскиваю, но ответа не получил. Проходил месяц за месяцем, и я совсем было отчаялся. И вдруг сегодня письмо от тебя. Но сегодня еще не самый счастливый день моей жизни: самый счастливый будет, когда я увижу свою дорогую девочку.

Я живу не так далеко, от Москвы надо ехать поездом четыре дня. Но сейчас война, все должны быть на своем посту, и мне очень трудно будет получить разрешение приехать. Все же я уже начал хлопотать, может быть, удастся приехать на твои каникулы. А пока что будем переписываться. Пиши мне почаще, детка. Напиши, хорошо ли ты кушаешь, и кто теперь тебе варит еду, в какой школе ты учишься. Ты так хорошо и складно пишешь, что я решил написать тебе письмо не печатными буквами, а своим обычным почерком.

Баба Катя тебя не забыла, но она умерла. Вот почему она перестала тебя навещать. Но не грусти, Инночка. Помни, что я люблю тебя больше всех на свете. Я о тебе всегда думаю. Первая моя мысль, когда я просыпаюсь, и последняя, когда я засыпаю, – о тебе, любимая моя девочка.

Твой папа Боря».

Родная моя Инночка!
 Сегодня для меня счастливый день - ведь
 сегодня я нашел тебя, получил от тебя письмо,
 узнал, что ты жива, здорова и что тебе не
 так плохо живется, как я боялся.
 Прошел год, как я написал Алексею Константи-
 новичу по адресу на барыковский переулок,
 что я тебя разыскиваю, но ответа не получил
 проходил месяц за месяцем, и я совсем было
 отчаялся. И вдруг сегодня письмо от тебя.
 Но сегодня еще не самый счастливый день
 моей жизни: самым счастливым будет,
 когда я увижу свою Дорогую девочку.
 Я живу не так далеко, от Москвы к нам
 надо ехать поездом четыре дня. Но сейчас
 война, все должно быть на своем посту, и
 мне очень трудно будет получить разре-
 шение приехать. Все же я уже начал
 хлопотать, может быть удастся проехать
 на твои камбузы. А пока что будем
 переписываться. Пиши мне почаще, детка.
 Напиши, хорошо ли ты кулаешь и кто
 теперь тебе варит еду, в какой школе
 ты учишься. Ты так хорошо и красиво
 пишешь, что я решил написать тебе

Письмо Б. С. Шустова к дочери Инне

Убедившись, что я его помню, люблю и хотела бы жить с ним, отец попытался получить отпуск, чтобы приехать за мной. Но вместо отпуска получил такой ответ:

«Станция Урдома
Северо-Печорской ж. д.
п/о Нянда
Шустову

В ответ на Ваше заявление на имя Замнаркома т. Сафразьян отдел кадров ГУЛЖДС НКВД СССР сообщает, что в данное время предоставить Вам отпуск с заездом в Москву не представляется возможным.
Нач. СК ГУЛЖДС НКВД СССР Замотаев
30 сентября 1944 г.».

Тогда в горячем и логичном уме отца созрел план, суть которого он изложил в письме Смаковскому.

Из письма А. К. Смаковскому:

«Алексей Константинович! 25 января 1944 года я обратился к Вам по адресу на Барыковский пер. письмом, в котором уведомлял Вас, что период моих испытаний закончился, что я работаю главным бухгалтером на одной из строек НКВД, материально хорошо обеспечен и желал бы взять к себе свою дочку Инночку. Ответа на это письмо я не получил. <...> Между тем для меня, фактического и юридического отца Инночки, заботиться о ней является не только прямым долгом, но и горячим желанием. <...>

Податель письма, работник нашей организации Иван Михайлович Никитин, имеет на руках необходимые путевые документы и привезет ко мне девочку. Инночка меня любит и помнит и, думается мне, охотно приедет. Здесь есть средняя школа, в которой она сможет продолжить учение...

С приветом

Шустов

22 октября 1944 года».

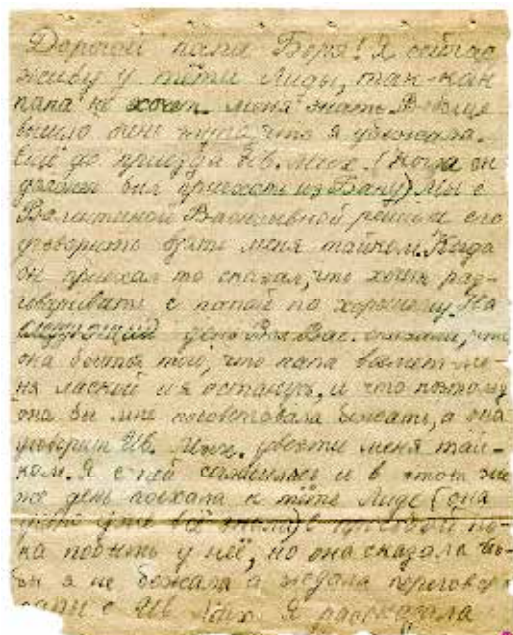
Одновременно отец заготовил письмо и для меня:

«Дорогая Инночка! Дядя, который привезет это письмо, через 10 дней поедет обратно и может привезти тебя ко мне, моя родная. Он

Письмо Инны

зайдет через 10 дней к вам, и ты тогда ему скажешь, хочешь ли ты поехать или нет. Если хочешь поехать, поговори с Алексеем Константиновичем, я ему тоже написал письмо. Здесь я тебя встречу, и мы будем жить вместе. Здесь есть школа, и ты сможешь продолжать учиться. Целую тебя крепко-крепко, любимая моя девочка, и надеюсь скоро-скоро тебя увидеть у себя.

Твой папа Боря».

Тут-то и разыгралась трагикомедия, которая заставила изрядно поволноваться всех действующих лиц: от страха, что Смаковский меня не отпустит к папе Боре, а жестоко накажет, я сбежала, взяв с собой любимую куклу, мешочек манки и хлебные карточки. Смаковскому я оставила записку, которую написала сама, без чьего бы то ни было влияния: «Я уезжаю к своему родному отцу и к тебе больше никогда не вернусь».

Разумеется, меня нашли и вернули в Москву.

Началась переписка отца со Смаковским.

Из письма Смаковского отцу от 4.12.1944:

«Вопрос о действительном отцовстве всегда, насколько Вы помните, был неясным. Надеюсь, Вы также помните, что в одну из наших

встреч мы договорились разобраться в этом несколько попозже, когда Инна подрастет. Если Вы настаиваете на том, что это время наступило, то мне хотелось бы прежде всего повидать Вас. Думаю, что мы могли бы совместно как-либо установить отцовство – путем ли определения по группе крови или другим способом. Но, повторяю, мне не хотелось бы положить ребенка до окончательного решения этого вопроса. Поэтому я прошу Вас воздержаться от дальнейшей переписки с ней и присылке всякого рода уполномоченных...»

Из письма отца Смаковскому от 30.12.1944:

«...Отцовство Инночки никогда не было для меня вопросом. Я всегда вне всякого сомнения считал (и продолжаю считать) ее своей дочерью. <...> Готов обсудить с Вами любые Ваши сомнения и проделать любые анализы крови. Однако возможность моего приезда осложнена по двум линиям: во-первых, ввиду чрезвычайной трудности получить вызов-разрешение на въезд в столицу и, во-вторых, ввиду не меньшей трудности получить отпуск. Во всяком случае, сделаю все возможное, чтобы преодолеть обе помехи...»

Отец нервничал: поездка в Москву не вытанцовывалась. Отчим грозил передать дело в суд. Отцу ничего не оставалось, как попросить свою вторую жену, Викторию, забрать меня к себе до его приезда. Она медлила: ей совсем не улыбалось помимо дочери возить-ся еще и с падчерицей.

Отчаявшись, отец, поразмыслив, решил написать директору школы, в которой я училась.

Письмо заканчивалось так:

«Если можно немедленно отправить ко мне Инночку, оплачу все расходы сопровождающего педагога (к нам 3,5 суток езды прямым вагоном с Курского вокзала). Если надо судиться, вышлю доверенность Вам или другому рекомендованному Вами лицу или адвокату.

Одновременно перевозжу Вам 300 рублей – израсходуйте их по Вашему усмотрению на учебники для Инночки, школьное дополнительное питание – короче, на что считаете нужным.

Надеюсь на Вашу помощь.

Шустов».

От Шустова Бориса Сергеевича
главному бухгалтеру Звонковской
Сельхозартели №133 г.ссс

Адрес: Северо-Муромская ул. д. 10, станция
Продвин, Прохладный, Ленинградский район,
Ленинградская обл.

Товарищу директору школы!

Я много думаю, кто сможет мне помочь и решить обратиться к Вам. Мне педагог советской школы и бухгалтер, но не всякий интересуется детьми. Вы же не поймете.

В Вашей школе, в 5ом классе в. учителем Иннокентий Шустов (Ваш отец). Я его родной отец, фельдшерский и юридический.

Моя жена Валентина Николаевна, после 7 лет работы со мной ушла в 1935 г. к Смаковскому, в 33 г. с собой нашу 3^ю детинушку дочь Иннокентия. Я согласился на ее уход, так как ждал, что она была на заслуженной работе и т.д., она была москвичкой, а я же на заслуженной работе и т.д., она была москвичкой, а я же на заслуженной работе и т.д.

В 1938 году меня арестовали и в дознание мне отпущено 5 лет в лагере. Меня арестовали Валентина уехала от Шустова. Моему как только в 1940 г. освободился, я стал работать ватой, дага, мажориты справки, привели журнал, что Валентина была беременна две года и протекла у своей сестры Иннокентия и что он (Иннокентий) решил.

Я написал ему 25/1/41 г. (Письмо с просьбой вернуть мне мою дочь, но ответа не получил. Правда, с того момента Смаковский переводился в другой лагерь и стал мой Иннокентий.

В сентябре 1941 г. меня арестовали, арестовали меня в 1941 г. она была в лагере, она первая из ее детей, она была в лагере, что не? она была в лагере, она первая из ее детей, она была в лагере, что не? она была в лагере, она первая из ее детей, она была в лагере, что не?

Я писал забвению Зам. Наркома Внутренних Дел, просил предоставить мне отпуск для поездки в Москву, но мне отпуск не разрешили.

Когда в Москве за работником арестованное лицо А. Шустов, Иннокентий, из страха, что Смаковский не будет отпущен, тайно ушел от его квартиры к Иннокентию, в лагере (Иннокентий в лагере, Иннокентий в лагере). Мой посланец, посланный от меня лично, указывая детально, только лезть, не пошел на Иннокентия в лагере и в лагере.

После этого сложилось совершенно невыносимое

Письмо Б. С. Шустова директору школы

Весной 1944-го я бескомпромиссно ждала перемен в своей судьбе.

Инспектор по охране детства, пришедший проверить по папиному письму условия, в которых я живу, спросил:

– Инна, ты хочешь уехать к Шустову или остаться со Смаковским?

До одури напуганная его приходом и этим маленьким допросом, я смалодушничала, посмотрела на отчима, который листал

Борис Сергеевич
и Инна Шустовы. 1946

какую-то книгу и, казалось, не обращал на меня ни малейшего внимания, и буркнула:

– Остаться.

В воздухе повисло напряжение, но инспектор, похоже, уловил мой страх.

– А если подумать? – вдруг спросил он помягчавшим голосом.

– Уехать, – еле слышно пролепетала я...

Участь моя решилась. Теперь каждый раз, возвращаясь из школы, я с надеждой заглядывала в лица обгонявших меня мужчин, пытаясь угадать, не папа ли приехал за мной.

Встреча произошла 21 мая 1945 года, когда отец приехал в Москву. Дней через десять отец увез меня в Урдому, в Архангельскую область. Там, в маленьком пристанционном поселке, базировалось отделение Управления Севжелдорлага, где он работал старшим ревизором.

24 ноября 1991 года я направила заявление в Военную прокуратуру Верховного суда СССР с просьбой пересмотреть дело отца и восстановить справедливость. Ответ пришел из Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Там говорилось, что отца реабилитировали 30 сентября 1994 года.

• Инна Борисовна Шустова окончила филологический факультет Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской. Работала в издательствах «Гизлегпром», «Педагогика» (редакция «Детской энциклопедии»), «Знание» (вела «Естественно-научный факультет»), «Детская литература» (научно-художественная редакция). Автор

книг для детей: «Теперь я знаю» («Детская литература»), серии «Мир Природы. Азбука», книга для чтения детям: «Звери и птицы России», «Растения России», «Насекомые России», «Рыбы России» («Дрофа»), «Удивительные растения» («Дрофа-плюс») и других. Автор книги воспоминаний «Тень дыма» (М.: ЭНАС-КНИГА, 2012).

Гавриил Гордон

«Если эти немногие странички помогут тебе в начале твоих исканий, я буду очень счастлив»

Гавриил Осипович Гордон.
1930-е

Умерший от голода в 1942 году в Волголаге Гавриил Осипович Гордон оставил своим дочерям Елизавете и Ирине две школьные тетради, исписанные мелким убористым почерком. На обложке первой значится: «Маленькое введение в большую философию. Милой моей Ликунечке». Эта тетрадь предназначалась старшей дочери Елизавете. Название второй – «КЛИО. Краткое введение в изучение истории для милой моей дочери Ирины». Гордон написал это в 1937 году, когда Елизавете было 17 лет, Ирине – 13.

Находясь в лагере, Гордон написал в 1939 году «Повесть о моей жизни»; эта незаконченная рукопись находится в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Сведения о Гордоне можно найти также в воспоминаниях Д. С. Лихачева, который в начале 30-х годов отбывал вместе с ним срок в Соловецком лагере¹; в воспоминаниях сына Георгия о поездке к отцу на Соловки в 1931 году²; ему посвящена кандидатская диссертация К. Ю. Мироновой «Гавриил Осипович Гордон в истории русского неокантианства»³.

Кем же был этот во всех отношениях замечательный человек?

* * *

Гавриил Осипович Гордон родился 8 мая 1885 года в городе Спасске Тамбовской губернии в семье земского провизора. В 1890 году его семья переехала в Москву, где он окончил с серебряной медалью гимназию (1903) и с серебряной же медалью историко-филологический факультет Московского университета (1909). В 1906–1907 годах он прослушал курс «Летних семестров по философии» в Марбургском университете у Когена и Наторпа, основателей Марбургской шко-

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995.

² Гордон Г. Поездка на Соловки // Соловецкий вестник, январь–февраль 1995, № 90–95.

³ Миронова К. Ю. Гавриил Осипович Гордон в истории русского неокантианства. Саратовский государственный университет, 2012.

лы неокантианства. Студентом подрабатывал репетитором в семье Сергея Ивановича Щукина – московского купца и известного коллекционера искусства.

Преподавал древнюю историю в Москве и одновременно закончил Высшие педагогические курсы. В 1911 году женился на Елизавете Григорьевне Воскресенской, внучке настоятеля собора в Моршанске, в то время слушательнице Высших женских курсов в Москве. В 1914 го-

Гавриил Осипович Гордон.
Моршанск, 1910

ду (перед самой войной) путешествовал по историческим местам Греции и Турции. Побывал на Первой мировой войне: в 1914–1916 годах служил командиром роты в 55-м запасном полку, в апреле 1917-го командовал ротой на фронте под Барановичами, в августе был переведен в разведывательное отделение штаба Гренадерского корпуса. В 1918 году Гордон избран солдатами членом делегации по переговорам о перемирии с немцами на участке фронта под Барановичами. После заключения мира уехал к семье в Моршанск, где заведовал отделом народного образования. В 1919-м вступил в РКП(б), был мобилизован в Красную армию, стал членом Моршанского ревкома. Затем его перебросили в Тамбов – в штаб войск. По окончании Гражданской войны стал профессором Тамбовского университета, основал в Тамбове научно-философское общество.

А потом – блестящая карьера в Москве. Гордон – член коллегии Наркомпроса РСФСР, ближайший сподвижник Н. К. Крупской, заместитель председателя Совета по делам вузов, член Педагогической секции Государственного ученого совета. Профессор 1-го и 2-го МГУ, он активно преподает – читает курс логики на факультете общественных наук и курс педагогики на педфаке; в Коммунистическом университете им. Свердлова⁴ ведет курс истории революционных движений в Европе. Пишет учебные пособия по истории: «Чартистское движение», «Революция 1848 года», «История классовая борьба на Западе», занимается издательской деятельностью...

Гавриил Осипович Гордон принадлежал к тем людям, талант которых проявляется во всем. Широта и разносторонность его инте-

⁴ Учебное заведение в Москве для подготовки партийных и советских работников. Существовало в 1919–1937 (с 1932 – как Высший коммунистический сельскохозяйственный университет им. Я. М. Свердлова). В числе лекторов были и профессиональные историки, философы, экономисты, и высшие партийные деятели.

ресов поражает. Он и философ, и филолог, и историк, и музыковед, и педагог. Д. С. Лихачев называет его «удивительно образованным». И это действительно так. В биографической справке, написанной сыном, говорится, что еще 15-летним гимназистом Гавриил Гордон прочел в библиотеке Исторического музея все изданные к тому времени русские летописи. В студенчестве он прочитал в подлинниках всех древнегреческих драматургов и прозаиков, немецких и французских классиков, работы философов XVIII–XIX веков – труды Спинозы, Канта, Гегеля, Маркса.

Он был пианистом-любителем и, проштудировав всю основную музыкально-историческую литературу на русском, немецком и французском языках, в 1924–1926 годах преподавал историю музыки в Московском музыкальном училище им. Гнесиных, которое в те годы называлось 3-й Московский музыкальный техникум.

Заметный след Гордон оставил в советской педагогике. В своих педагогических работах он разрабатывал методологические основы общеобразовательной политехнической трудовой школы, отстаивая понимание такой школы не только как индустриальной, но и дающей теоретическую подготовку и знания в области мировой культуры. В противовес доминировавшей в 20-х годах установке на преподавание в школе только обществоведения отстаивал необходимость систематического изучения истории как самостоятельного предмета. Был одним из создателей издательства «Работник просвещения», в котором организовал выпуск периодических серий «Педагогические курсы на дому» и «Педагогический университет на дому». По сути это стало первой формой заочного педагогического образования в СССР.

Но «ни статьи, ни учебные пособия не дают представления о громадном диапазоне его знаний, – напишет потом оказавшийся с Гордоном в Соловецком лагере Д. С. Лихачев. – Он в совершенстве владел древнегреческим и немецким языками, хорошо знал латынь и французский, свободно говорил по-итальянски, читал по-английски, испански, шведски и на всех славянских языках. Постоянно стремился узнать что-нибудь новое. На Соловках он нашел случай учиться арабскому языку у муфтия Московской кафедральной мечети и давал ему в ответ уроки древнегреческого».

Добавим к сказанному строки из воспоминаний сына. По его словам, отец «был прекрасным лектором и оратором, никогда не пользовался написанным текстом, говорил с большим темпераментом,

Гавриил Осипович Гордон с женой Елизаветой Григорьевной и дочерьми Елизаветой и Ириной. Фотография сделана во время свидания в лагере. Соловки, 1931

неторопливо, образно, доходчиво, без псевдонаучной усложненности, умел установить контакт с любой аудиторией. <...> Он хорошо ездил верхом, стрелял, играл в шахматы и на рояле (настолько прилично, что с ним садились играть в четыре руки известные пианисты). Был очень требователен к окружающим, исключительно порядочен и бескорыстен, прям и откровенен с людьми до наивности. <...> Легко сходился с людьми – у него было много искренних друзей, но еще легче он наживал себе врагов среди тех, кто ревниво относится к чужим талантам и порядочности».

Что могло ждать этого человека в советской России? Нельзя не согласиться с автором биографической статьи о Гордоне современным историком Сергеем Ларьковым: «Такие люди не могли вписаться в новую, советскую общность людей, они были неисправимо индивидуальны, яркие – до раздражения, талантливы – до зависти. Их крестный путь был предрешен»⁵.

Первый раз Гордон арестован осенью 1929 года. По статье 58-б (за шпионаж) коллегией ОГПУ приговорен к 10 годам ИТЛ. Срок отбывал на Соловках.

⁵ Ларьков С. Введение в жизнь и выведение из жизни // «30 октября». 2002, № 23.

Из воспоминаний Д. С. Лихачева:

«Его появление всюду было всегда очень заметным, хотя подобающего ему места в жизни он никогда не занимал и не занял. Наша команда молодежи тотчас же пришла на помощь, и вскоре он был водворен в седьмую «артистическую роту» и на работу прямо в Криминологиче-

ский кабинет. Дальше мы уже принимали меры, чтобы он не очень выделялся: на поверках не стоял в первом ряду, в коридорах УСЛОНа не очень громко разговаривал. Но он и из заднего ряда успевал бросить две-три реплики на нотации командира А. Кунста, которые тот читал нам на поверках. Реплики эти (в виде находчивых вопросов или поддакиваний, подчеркивающих глупость сказанного) могли вывести из себя любого дурака-командира, а Кунст, хоть и был хитер и ловок, но особым умом не отличался. <...> Для молодежи на Соловках он был своего рода университетом: он не просто давал справку по любому вопросу, а охотно для одного или двух мог прочесть импровизированную лекцию с точными библиографическими справками, привести цитаты, прочесть стихи. И что было особенно важно – привести на немецком нужные места из «Фауста» Гёте, которым мы все тогда очень интересовались. <...> Молодежь Гаврила Осипович привлекал своей «живиальностью», непосредственностью, полным отсутствием позерства (которое всегда так соблазнительно для профессора), неумением сдерживаться и откровенностью. Вечно он попадал в какие-нибудь истории и наживал врагов, что было крайне небезопасно в то время...»

В 1931 году приговор был изменен – 5 лет высылки в Свердловск. Здесь Гордон работает консультантом-методистом в ОБЛОНО, пишет учебник по географии для средней школы.

«Милая Ликунечка! Вчера получил твою открыточку. Ты спрашиваешь, получил ли я бандероли с книгами. Все получил и написал тебе об этом: значит, потерялось письмо. Учебник, если его напечатают, я тебе пришлю и Ирочке тоже: он вам может быть полезен. «Войну и мир» тебе читать можно. Почему ты надеешься увидеть меня через месяц или даже пол-месяца?»

Омоним (а не аноним, как ты пишешь) я не отгадал бы без твоей отгадки: я стал очень глуп. Мне очень скучно без тебя, без Ирочки, без мамочки, без Юры и тети Али.

Ты мне пиши почаще: я очень люблю читать твои письмишки. Крепко целую тебя в пяточок и ушки. Папа.

Милая Ирочка! Спасибо тебе за письмецо, которое написала под твою диктовку тетя Аля. У меня были на днях гости: Мурзилка, Доктор Мазь-Перемазь, Мальчик с пальчик, Девочка Крошечка, Портной и аршинчик. Я их угостил капелькой меду и крошечкой хлеба. Мы разговаривали о тебе, и они обещали тебя навестить. Только они

На свете есть так много прекрасной музыки, сочиненной Бахом, Моцартом, Генделем, Бетховеном и другими великими композиторами, что нет нужды играть разные плохие вещи. Шуман написал наставление молодым музыкантам, чтобы они играли только настоящую, хорошую музыку и не портили себе вкуса исполнением разных скверных вальсов, полек, галопов и прочей ерунды. Поэтому я и радуюсь, что ты учишься музыке на Бахе, Генделе и Моцарте, а не на “Молитве девы” (спроси у мамы: она знает эту паршивенькую пьесу пани Бондажевской). Маленькое замечание: ты считаешь котя родственником рыси: а он родственник. Ну, крепко-раскрепко целую тебя в носик и в ушки. Поцелуй Ирочку, мамусю, Юру и тетю Алю. Я тебя очень люблю. Папа» (3.01.1933).

***

«Месяца априлия в 29-й день 1933 года.

В граде Екатеринбургe, ныне именуемом Свердловск.

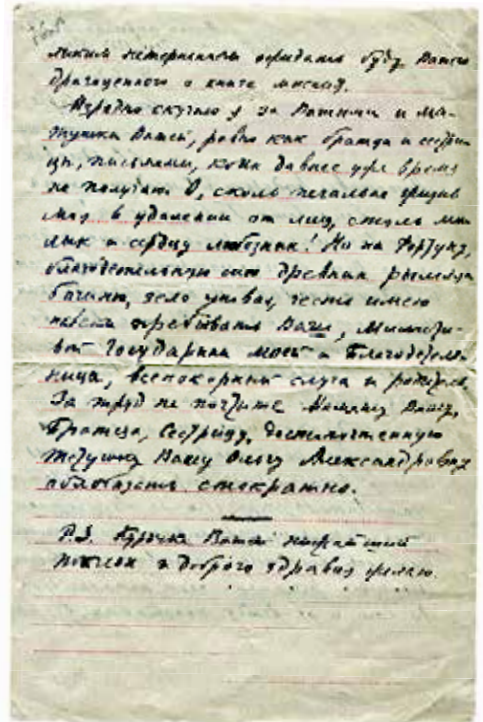
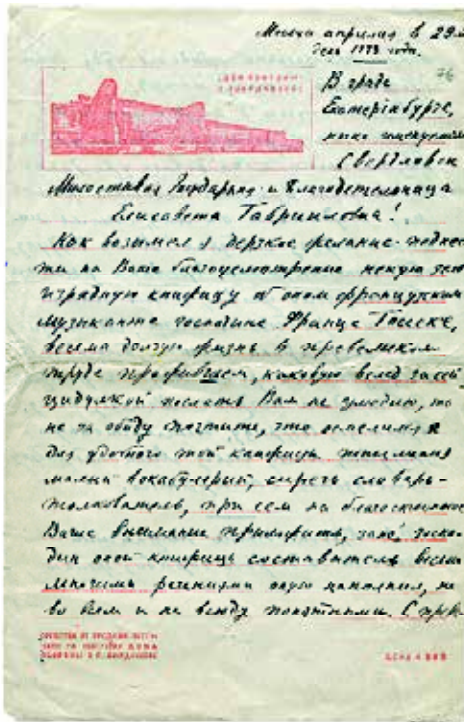
Милостивая Государыня и Благодетельница Елисавета Гавриловна!

Как возымел я дерзкое желание поднести на Ваше благоусмотрение некую зело изрядную книжицу об оном французском музыканте господине Франце Госсеке, весьма долгую жизнь в превеликом труде прожившем, каковую вслед за сей цидулкой послать Вам не умедлю, то не за обиду почтите, что осмелился я для удобного той книжицы понимания малый вокабулярий, сиречь словарь-толкователь, при сем на благосклонное Ваше внимание приложить, зане господин оной книжицы составитель весьма многими речениями оную наполнил, не во всем и не всюду понятными. С превеликим нетерпением ожидать буду Вашего драгоценного о книге мнения. Изрядно скучаю за Вашими и матушки Вашей, равно как братца и сестрицы, письмами, коих давнее уже время не получаю. О, сколь печальна жизнь моя в удалении от лиц, столь милых и сердцу любезных! Но на Фортуну, благодетельную сию древних рымлян богиню, зело уповая, честь имею навеки пребывать Ваш, Милостивой Государыни моей и Благодетельницы, всепокорный слуга и родитель. За труд не почтите Мамашу Вашу, Братца, Сестрицу, достопочтенную Тетушку Вашу Ольгу Александровну облобызать стократно.

P.S. Курочке Вашей низжайший поклон и доброго здравия желаю».

После досрочного освобождения в 1933 году Г. О. Гордон возвращается в Москву, преподает историю в школе, занимается литера-

Письмо из свердловской ссылки. 29.04.1933

турной переводческой деятельностью, работает по договорам с издательством «Academia» (с его вступительной статьей и комментариями здесь выходит, в частности, книга Р. Джованьоли «Спартак»).

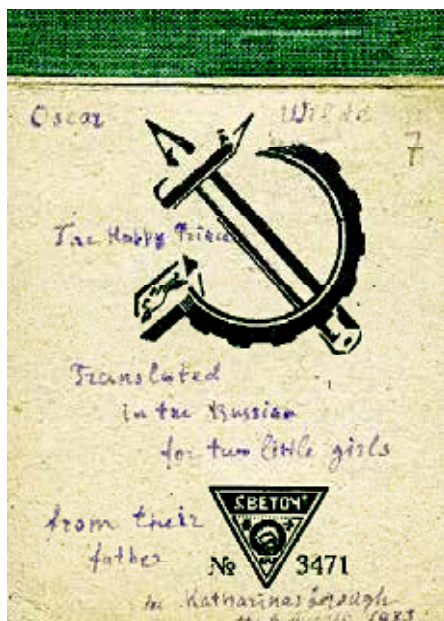
Свобода оказалась недолгой. 31 июля 1936-го – новый арест. Одна из сотрудниц издательства «Academia» донесла НКВД высказывание Гордона о сталинской конституции, проект которой тогда широко обсуждался. Гордон якобы сказал: «Конституция будет величайшим документом в истории человечества, если не окажется блефом».

Постановлением ОСО НКВД СССР по статье 58-10 он приговаривается к 5 годам ИТЛ. Срок он отбывал в Волголаге, на строительстве Угличского гидроузла, работал сторожем. В этот недалекий от Москвы лагерь попал благодаря настойчивым хлопотам Н. К. Крупской.

«Милая Ликунечка! Давно я не писал тебе: трудно было. Меня очень тревожат твои экзамены в музык. училище. Как ты спела? С терпением буду ждать твоего сообщения. Я хотел тебе сказать

21/08/37 + отсюда... *(Handwritten text in Cyrillic script, likely a letter from Volgograd dated 21.08.1937)*

Письмо из Волгограда. 21.08.1937

(Handwritten Russian text on the inside cover of the book, including the title 'Счастливого принца' and the translator's name 'Гавриил Осипович Гордон')

Перевод сказки О. Уайльда «Счастливого принца», сделанный Гавриилом Осиповичем Гордоном для своих дочерей Елизаветы и Ирины в 1933 году в свердловской ссылке

вот что: когда у тебя будет время, возьми у меня (в кухне на полке) маленькую книжку Антона Рубинштейна "Musik und Meister" (кажется, так) и попробуй почитать ее: это будет хорошее упражнение в немецком языке и, кроме того, она очень интересно написана, хотя и консервативна в музык. отношении. Но это хороший консерватизм – консерватизм тонкого вкуса и глубокого музыкального понимания: Рубинштейн (сейчас как раз радио – es nehme es der Teufel! – выхрипывает отрывки из Демона, исполняемые на домрах и балалайках) был великий музыкант. Потом, если хватит терпения, просмотри и выбери наиболее интересные главы из тоже пребывающей на кухне Musikgeschichte Naumann'a. Там много интересных рисунков. Ее подарил мне 28 лет назад И. С. Шукин. Будь здорова, мусинька. Поцелуй мамусю, Ирочку и Юрашу. У меня все в порядке пока что. Крепко целую и обнимаю. Папа» (21.08.1937).

На строительстве Угличского гидроузла и написаны воспоминания «Повесть о моей жизни», а для дочерей – «Введение в философию» и «Введение в историю».

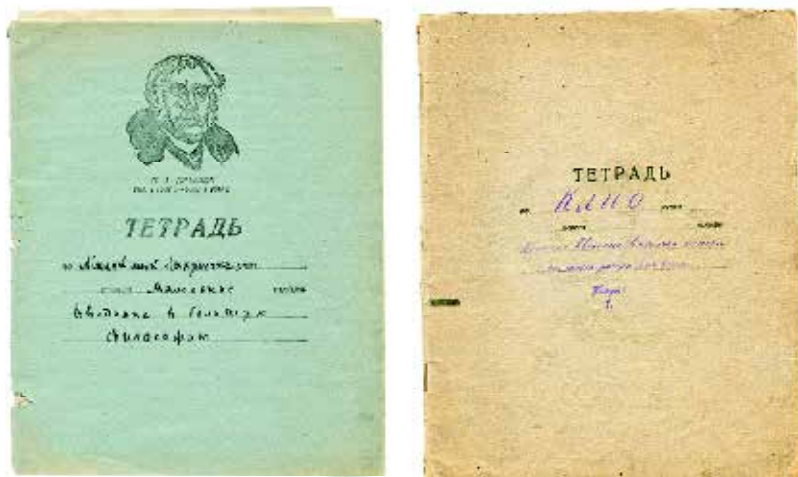
Тетради, адресованные дочерям, поражают эрудицией и памятью автора. Не имея под рукой никаких книг, он почти дословно цитирует тексты отечественных и зарубежных ученых, иногда – и на языке оригинала.

Обращаясь к дочери Елизавете («Ликуничке»), Гордон писал:

«Эта тетрадь написана в разных местах: писал я то в набитой шумными, грубо бранящимися людьми комнате штаба, то ночью в бараке, под храп спящих, чуждых мне и безразличных людей. Она писалась в дни неопределенности и томительного ожидания новых испытаний. Но когда я писал ее, большая любовь к тебе, милая моя доченька, двигавшая моим пером, и память о прошлых занятиях философией, уводили меня от окружающей меня тяжелой действительности в тот мир наслаждения чистой мыслью и образами чудесной старины, который, наряду с музыкой, всегда был подлинным достоянием и содержанием моего «я». Это маленькое «введение» далеко от совершенства. Я писал его, не прибегая ни к каким ученым сочинениям (их нет у меня здесь), прямо набело, но я надеюсь, что оно даст тебе некоторые намеки на то, чем надо интересоваться в философии, если ты действительно заинтересуешься. Конечно, на том, как оно построено и написано, не мог не сказаться склад моего собственного мышления,

Тетради, написанные для дочерей Елизаветы и Ирины. 1937

не знала, как сообщить об этом отцу, и решила скрыть от него до освобождения. Я написала ему, что Лика вступила в комсомол и дала слово с репрессированным отцом отношений не поддерживать»⁶.

⁶ Соловецкий вестник. 1995, № 1.

Срок заключения Г. О. Гордона истекал в августе 1941 года, но из-за начавшейся войны он не был освобожден, и в январе 1942-го умер в лагере от голода.

В своих заметках об отце его сын произвел горький «подсчет»: «Из тридцати двух лет, прошедших после окончания им университета и до его смерти, восемь лет отняла военная служба, восемь лет – лагеря, два года – ссылка, а потому он сумел осуществить лишь малую долю того, что по своим способностям, образованию и любви к науке мог бы сделать».

Гавриил Осипович Гордон был реабилитирован 18 апреля 1957 года.

- Сын Гавриила Осиповича Георгий (1911–1987) окончил Московский институт геодезии и картографии. Инженер-конструктор.
- Дочь Ирина окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, после чего долгое время преподавала в школе английский язык. В конце 1950-х годов стала

профессиональной переводчицей с английского языка. Корифей отечественной школы художественного перевода. Среди ее работ переводы классических и современных произведений самых разных жанров. Скончалась в 2010 году в возрасте 85 лет в Москве.

¹ В документах и письмах иногда встречается другой вариант написания фамилии: Левицкий.

Владимир Левитский¹

*«Я только одного хочу –
увидеть вас и умереть,
больше мне ничего не надо»*

Юнкер Владимир Левитский.
Киев, конец 1890-х

Владимир Владимирович Левитский (1873–1937) был арестован в Курске в 1931 году, приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в Сибирь, откуда не вернулся – по повторному приговору был расстрелян. Из Сибири он послал в Курск более 200 писем, многие из которых сопровождал своими рисунками. Письма адресовались жене Наталии Николаевне Левитской (урожденной Левашкевич) и сыну Олегу («Олюше»), которому на момент ареста отца было 15 лет. 149 сохраненных в семейном архиве писем опубликованы в 2009 году внучкой В. В. Левитского Наталией Олеговной Петровановой².

² В. В. Левитский. Письма из сибирских лагерей: Документально-биографическая повесть / Сост. Н. О. Петрованова. Орел: Труд, 2009.

«Мы с матерью и не подозревали, что отец ушел от нас навсегда»

Владимир Владимирович Левитский родился в селе Русская Поляна Черкасского уезда Киевской губернии в семье сельского священника. Окончив гимназию в Белой Церкви, он два семестра проучился на юридическом факультете Киевского университета Святого Владимира, но оставил университет, решив делать военную карьеру. В 1895 году Владимир Левитский поступил вольноопределяющимся в звании рядового в 131-й пехотный Тираспольский полк, откуда вскоре был командирован в Киевское пехотное юнкерское училище.

Через год он уже унтер-офицер, а через два, после окончания училища по первому разряду, производится в подпоручики и на-

Владимир Владимирович Левитский с воспитанниками Орловского Бахтина кадетского корпуса. 1910-е

правляется для прохождения службы в 129-й пехотный Бессарабский полк.

В 1901 году В. В. Левитский – уже полковой адъютант в чине поручика – переводится в 203-й пехотный Грайворонский резервный батальон (впоследствии – полк), штаб-квартира которого находилась в Курске. Там-то молодой поручик, посещая кофейню-кондитерскую купца II гильдии Левашкевича, знакомится с его дочерью Наталией, которая в 1903 году становится его женой.

Движение по службе следует своим чередом: полковой адъютант, штабс-капитан, начальник учебной команды полка, командир роты. Но в 1905 году военная карьера В. В. Левитского делает неожиданный поворот – он прикомандировывается к Орловскому Бахтина кадетскому корпусу³ на должность офицера-воспитателя.

Годы службы в кадетском корпусе (1905–1917) стали самыми счастливыми в жизни В. В. Левитского и его семьи. Прекрасная пятикомнатная квартира в Орле, в офицерском флигеле рядом с учебным корпусом, благодарная воспитательная работа, хорошее жалование, размеренный быт, прислуга, семейный уют. В часы досуга – занятия живописью, фотографией, коллекционирование (нумизматика и филателия). В 1915 году – долгожданное радостное событие: рождение сына.

³ Орловский Бахтина кадетский корпус – среднее военно-учебное заведение для юношей дворянского происхождения, учрежденное в Орле в 1843. Назван по имени отставного полковника, орловского и курского помещика Михаила Петровича Бахтина, который пожертвовал 1 500 000 рублей и имение в 2700 душ крестьян на устройство кадетского корпуса.

Владимир Владимирович Левитский в своей квартире в Орле. 1910-е

Подполковник
Владимир Владимирович
Левитский. 1914

Владимир Владимирович
Левитский – член
фотографического общества.
Орел, 1910-е

Наталья Николаевна Левитская
с сыном Олегом. Орел, 1916

Олег Левитский. Орел, 1916

Владимир Владимирович – человек основательный, и все, что он делает, получается у него добротнo. В 1908 году он становится членом Орловского фотографического общества, много снимает. Особенно часто – своих воспитанников, кадетов. Как офицеру-воспитателю ему поручалось сопровождать их в летних туристических поездках по городам России, в Крым, на Кавказ, и семейный альбом каждый раз пополнялся новыми снимками.

В 1912 году В. В. Левитский проходит годичные курсы в Санкт-Петербурге при Главном управлении Военно-учебных заведений (с женой они снимают квартиру на Литейном проспекте). Согласно свидетельству об окончании курсов ему предоставляется право преподавать в кадетских корпусах чистописание, фехтование и ручной труд. В декабре 1913 года Владимир Левитский производится в подполковники. В июне 1914-го поощряется заграничной поездкой в Италию с группой народных учителей «с научно-педагогической целью». Не обойден и наградами: ордена Св. Станислава III и II степени, Св. Анны III степени, Св. Владимира III степени.

С фотографических портретов тех лет смотрит бравый широкоплечий офицер: ордена, эполеты, шпага, франтовато подкрученные усы... Вот он с воспитанниками-кадетами, вот в компании сослуживцев, вот в своем домашнем кабинете, на учениях, на прогулке с женой...

Конец благополучию положил Октябрь 1917-го. Кадетский корпус, естественно, закрыли. Но все-таки самое плохое было еще

вперед. Перейдя на службу советской власти, В. В. Левитский назначается руководителем ручного труда в 1-ю и 3-ю школы в Орле. И в Гражданскую войну служит у красных – в штабе 12-й армии Украинского фронта. В воспоминаниях его сына Олега Владимировича Левитского приводится служебная характеристика, данная отцу начальником: «Обладает твердой волей, решительностью, высокодисциплинирован, имеет необходимые знания для занятия командных, административных и военно-педагогических должностей. Очень точен и исполнительен, с подчиненными ровен и корректен, внимателен к их нуждам, всегда готов прийти к ним на помощь».

После демобилизации семья переезжает в Курск, на родину Натальи Николаевны. Они селятся в бывшем, уже национализированном, доме тестя – купца Левашкевича. Владимир Владимирович сначала работает заведующим отделом в губпродкоме, потом статистиком курского отделения «Союзмясо». Скромная жизнь скромного совслужащего.

Беда пришла, откуда не ждали. В начале 30-х власть учиняет разгром неформальных общественных организаций. Причины понятны: добровольные объединения трудно контролировать, их социальный состав сомнителен, в созданную коммунистами систему они не вписываются. Репрессивной участи не избежали даже такие, казалось бы, правоверные организации, как РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), а вместе с ней Общество любителей садоводства, Всесоюзный союз поэтов, Общества экслибристов, историков-марксистов, друзей книги, Бетховенское общество и множество других. Одной из первых «под раздачу» попало ВОФ (Всероссийское общество филателистов), активным членом которого имел несчастье быть В. В. Левитский.

Еще в 1925 году он создал в Курске общество коллекционеров и был избран его председателем. Знание немецкого и французского языков помогает ему в переписке и обмене марками с корреспондентами из Германии, Швейцарии, Франции, Дании, Голландии, Латинской Америки. Уже одна эта переписка вызывает подозрение ОГПУ, тем более что письма филателистов пестрят непонятными столбиками цифр, которые легко принять за зашифрованные послания (а это всего лишь номера марок в каталоге).

Из воспоминаний Олега Владимировича Левитского:

«В начале января 1931 года отец, придя домой, выглядел озабоченным, говорил матери, что его вызывают в ГПУ (улица Бебеля, 6) для каких-то разговоров. Я, в ту пору еще подросток 15 лет, не придавал этому значения, но мать была встревожена. 18 марта ночью мы были разбужены стуком в дверь нашей квартиры. Вошли двое, красноармеец с карабином и его начальник в полуштатском, как потом стало известно, следователь Котов; не помню, были ли понятия. После предъявления документов Котов приступил к обыску... Вскоре обыск был закончен, Котов сказал матери, что отец на полчаса будет задержан с ним в ГПУ (очень близко от дома), а потом вернется домой. Отец взял с собой подшивку писем своих корреспондентов по филателии в СССР и за границей, каталог почтовых марок и еще какие-то бумаги, и они ушли. Мы с матерью и не подозревали, что отец ушел от нас навсегда».

С 18 марта по 3 августа 1931 года В. В. Левитского содержали в Курске, допрашивали, возможно, били, как предполагает Н. О. Петрованова. В 2001 году она имела возможность ознакомиться с «делом» своего деда и пишет, что протоколы допросов выглядят нелепыми: «Дед признавал себя виновным во всех абсурдных “злодеяниях”, называл имена коллег-коллекционеров и “заговорщиков”». Кончилось тем, что В. В. Левитского обвинили в принадлежности к контрреволюционной офицерской организации, приговорили к 10 годам лишения свободы и отправили в Сибирь».

Из воспоминаний Олега Владимировича Левитского:

«Поезд отходил ночью, на перроне собрались родственники, многие плакали. Я подошел к вагону передать отцу чайник и продукты на дорогу. И отец нарочно выронил чайник, чтобы я его поднял и он смог позвать мне руку. Это было 12 августа 1931 года».

«Вся цель жизни – увидеть вас и вернуться домой»

(из письма, 8.11.1934)

Сибирская жизнь Владимира Владимировича складывалась поразному. Сначала его использовали в лагерной комендатуре как «статистика по спецпереселенцам» (говоря иначе, по раскулаченным крестьянам, высланным в Сибирь). Это предполагало расконвоированную жизнь, командировки, жилье при комендатуре за

пределами лагеря, регулярную зарплату, сносное питание и другие привилегии, недоступные обычным заключенным.

Обратный адрес ниже приведенных писем: Западно-Сибирский край, г. Кузнецк, с. Мыски, Горно-Шорская комендатура по переселенцам.

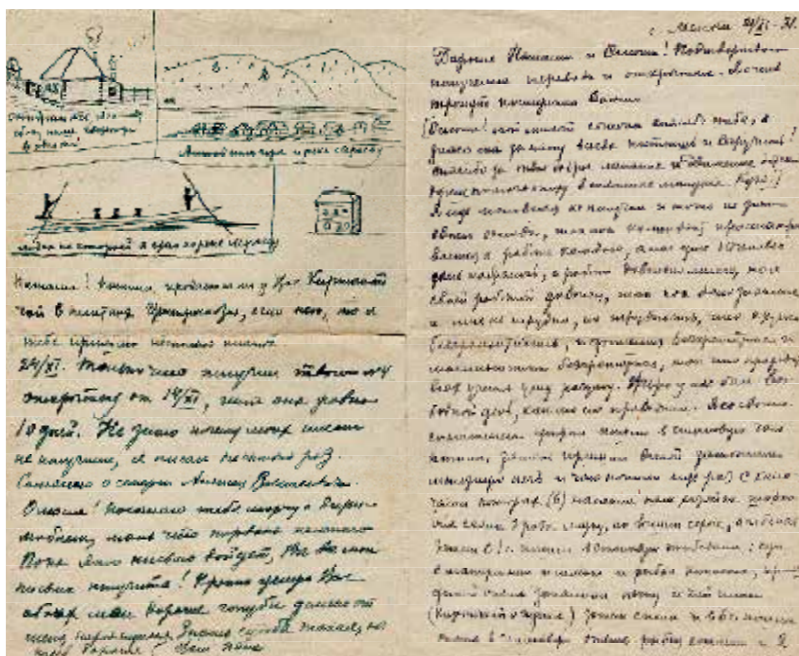
«Я теперь на службе и совершенно свободный гражданин, единственное ограничение – без права отпуска, а остальное – полная свобода. Служба – учет переселенцев и их регистрация» (16.10.1931).

***

«Мне все кажется, что я в командировке, и 8 месяцев страданий забыто, до того я рад и доволен, что на свободе нахожусь, какое великое счастье – быть на воле...» (17.11.1931)

***

«Мы живем на вольной квартире. <...> Хоть душой отдыхаешь от людей, когда вечером придешь домой и при свече и газету читаешь, и чаю попьешь, и в 9-10 часов ложимся спать» (21.11.1931).

Письмо с рисунками улуса Мыски. 21.11.1931

* * *

*«Мы все числимся заключенными... посылают нас на работы и на службу и говорят, что мы свободны на 90% без всяких ограничений, только без права выезда с места службы, но в командировку мы ездим, из нашей местной части ездят в командировки и в Кузнецк, и в Новосибирск. <...> Так что мое положение: я не административный ссыльный и не поселенец (высланные кулаки), а из лагерей командированный на службу, причем служба засчитывается на ¼ сокращения срока...»
(11.01.1932)*

Левитский имеет возможность выписывать газету, покупать продукты на рынке и в магазине, посылать и получать письма и посылки без ограничений и даже заниматься своими любимыми марками. *«Сегодня для меня праздник филателии. Я получил из Новосибирска 12 номеров журнала “Советский коллекционер” за 1931 год, – пишет Владимир Владимирович сыну. – Жаль, Олюша, что мы не можем вместе его читать...»* (16.04.1932). Более того, получаемая им зарплата позволяет ему высылать домой не только посылки, но и денежные переводы. Что касается работы, то ее много, но она привычная, канцелярская – *«совершенно такая же, как в “Союзглавмясо”»,* – сообщает Левитский в одном из писем.

В письмах домой он просит сына присылать номера журнала «Советский коллекционер», новые марки, рисунки, перья для письма... Конечно, он скучает по дому, но не дает волю переживаниям.

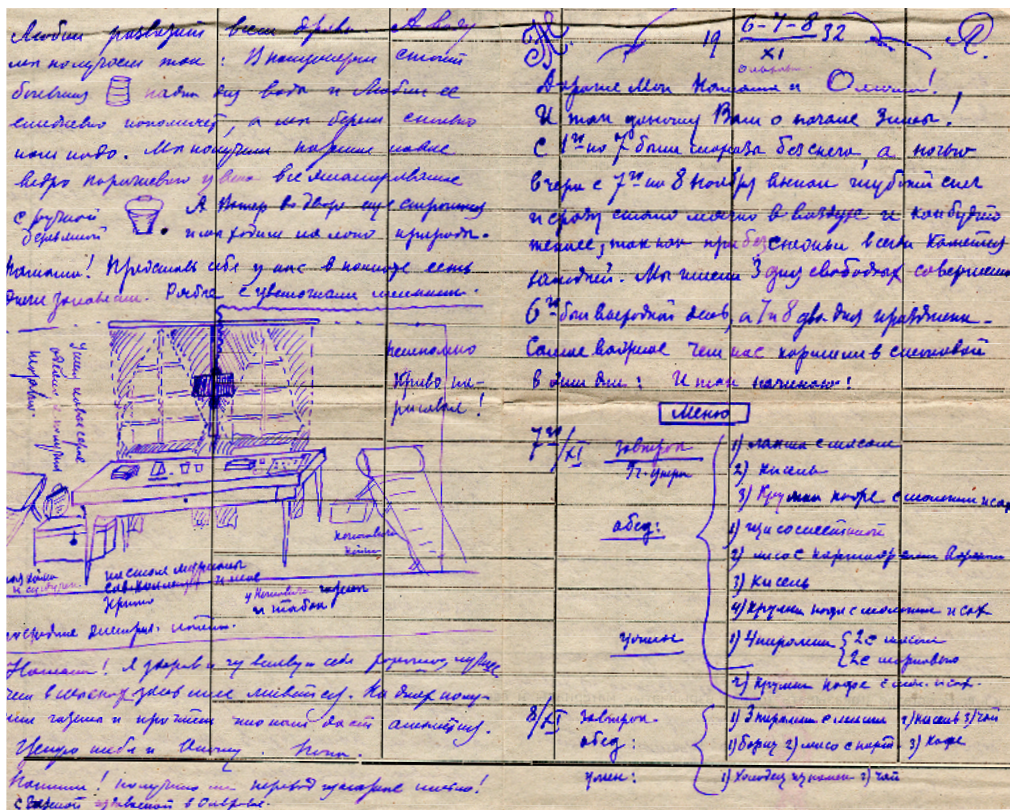
«Я теперь занимаюсь в отдельной комнате один, рядом комната – красный уголок, а там радио... Недавно играла музыка – вальс из оперетты «Нищий студент», я вспомнил, как я с мамой эту оперетку слушал в Петербурге, и я заплакал (я был в комнате один), но это было один раз только, а то остальное время, когда я на людях и при работе, я себя хорошо чувствую» (9.02.1932).

Сыну Левитский посылает свои рисунки, марки, книги, при этом хочет приобщить его к коллекционированию.

«Олюша! Посылаю тебе вместе с сим книгу в твою библиотеку. Собирай книги понемногу, это будет тебе большое удовольствие иметь хоть маленькую, но собственную библиотеку. Я тебе пришло для тебя и знак “Ex Libris” для твоей библиотечки» (20.04.1932).

«Моя кошка и сундучок с замком, на столе журналы «Советский коллекционер»... Посередине электрическая лампа с абажуром». Ольховка, 6-7.11.1932

В июле 1932 года Левитского переводят на 1000 километров восточнее – в Ольховскую комендатуру (обратный адрес: Западно-Сибирский край, п/о Куракино Артемовского рудника, Ольховская комендатура). На руднике заключенные работают на добыче золота. Но Левитский и здесь – заведующий учетом, живет за пределами рудника, сначала в здании комендатуры в комнате на трех человек, потом – вдвоем. Записывается в библиотеку и жадно, с восхищением читает классику, которую раньше, видимо, не читал, – Льва Толстого, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Лескова. Советует жене и сыну:

«Наташа и Олюша! Прочтите этот рассказ («Левшу» Лескова. – Ред.). Олюша! Достань и прочти маме вслух. Я был в большом восторге, его читая» (6.08.1933).

«Дом, в котором моя контора и где я живу. Вдали фабрика. Пристройки – кладовая для дров. А ватер еще строится». Ольховка, 4.11.1932

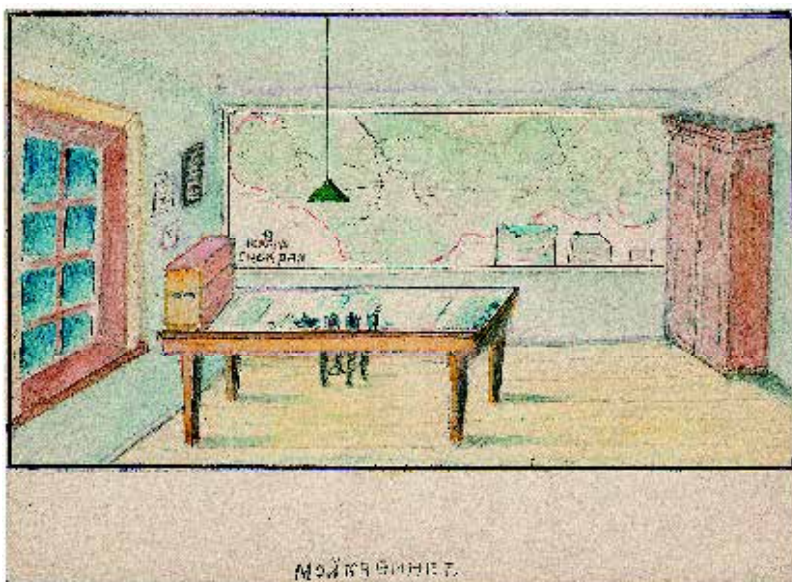

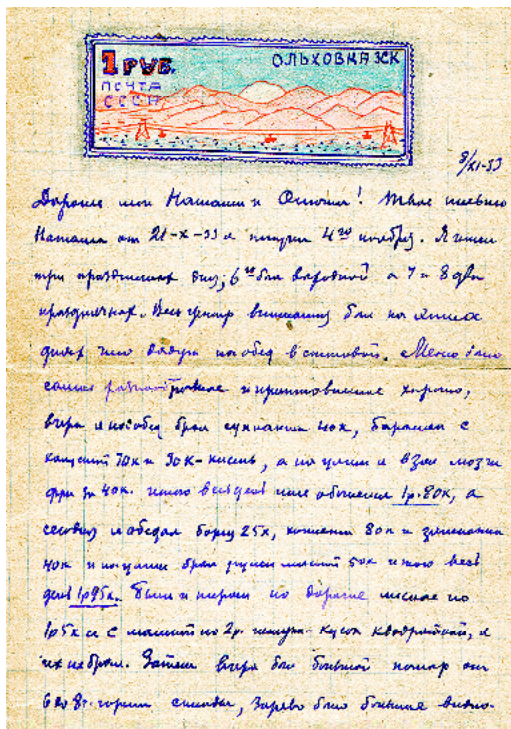
Рисунок кабинета В. В. Левитского. Ольховка, 1933

Условия работы и быта примерно такие же, как и прежде, но материальные условия ухудшились. Высылать домой деньги и посылки Левитский уже не может, да и сам вынужден экономить.

«Вчера я обедал: суп 35 коп. + рыба 55 коп. + котлета 1 рубль 10 коп. = итого 2 рубля. Сладкого я уже не ел, был кисель 70 коп., но выше 2 рублей в день я не выхожу» (6.08.1933).

Недоедание можно перетерпеть, но все чаще одолевает тоска, все тяжелее переносится оторванность от дома.

Письмо с рисованной маркой. Ольховка, 8.11.1933

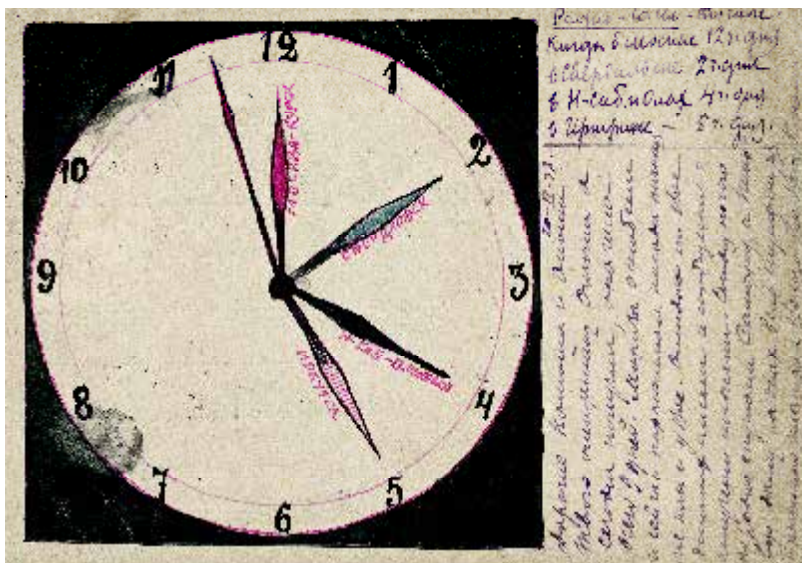

Письмо с рисованной маркой. Ольховка, 21.11.1933

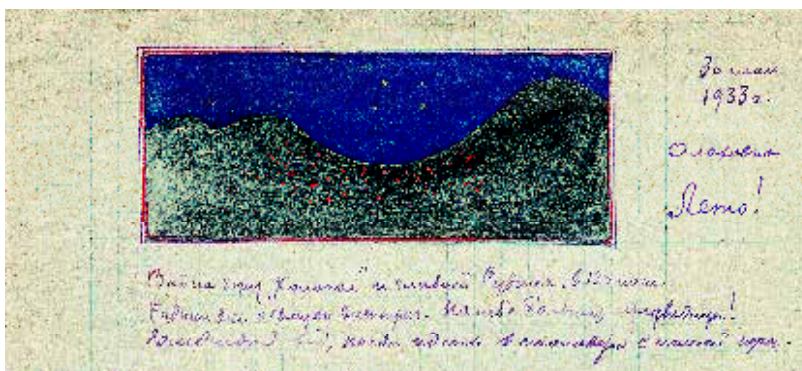

Самодельный конверт

Почтовая карточка с рисунком «Радиочасов». Ольховка, 20.02.1933

«Лето! Вид на гору "Колокол" и главный рудник в 12 ч. ночи. Рудник весь освещен электрич. На небе Большая Медведица! Ежедневный вид, когда идешь в столовую с нашей горы». Ольховка, 30.05.1933

***

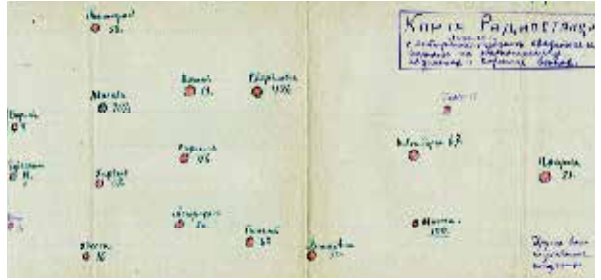
«Если бы мне кто раньше предсказал, я бы не поверил всему тому, что пало на мое семейство. Олюша! Пожалей маму, не обижай ее, она много выстрадала, и для меня она теперь святая» (12.11.1932).

***

«Олюша, вечером в звездную ночь выйди во двор, посмотри на Большую Медведицу и подумай, что в эту минуту и я ее вижу, и наши взоры встретятся на звездах, и мне тогда станет легче» (12.05.1933).

Письмо с рисунком радиоприемника

Письмо с картой радиостанций, «с которыми удалось связаться и слушать их передачи на длинных и коротких волнах»

В Ольховке Владимиру Владимировичу исполнилось 60 лет.

«Проклятье всем людям, сделавшим мне, невинному человеку, столько зла! – написал он в этот день в очередном письме домой. – Я за эти два года прошел такую академию, столько людей видел, столько горя, несчастья, несправедливости, истины и правды, что я теперь знаю и понимаю все и могу сказать, что наказан не я, а моя семья, перестрадавшая так много» (27.07.1933).

Как и все заключенные, Левитский надеется на пересмотр дела – пишет заявления в прокуратуру, подает прошения приезжающим в лагерь гулаговским начальникам, ждет амнистии... Большую надежду возлагает на приехавшую из Москвы «Комиссию ГУЛАГа», которая предложила «*всем начальникам нашим подыскать грамотных людей для замены лагерников... и мы все будем заменены*» (1.10.1933). Левитский и его товарищи наивно усматривают в этом перспективу своего освобождения: «*Вероятно, те, кто подал заявление, будут освобождены*» (там же). В действительности же все обстояло с точностью до наоборот: гулаговское начальство потребовало набрать на канцелярские должности вольнонаемных, а занимавших их должности заключенных отправить туда, где они и должны были находиться, – за колючую проволоку. Так и произошло. Левитский был отправлен в Мариинск.

Можно сказать, что здесь Владимиру Владимировичу тоже повезло – он определен делопроизводителем в лагерном госпитале. Но уже – нары в бараке на 60 человек, клопы, грязь, баланда.

«Суп или борщ – это бурак один на воде, а ужин и завтрак – каша и по 2 рыбки, хлеб ржаной 600 грамм в день» (15.05.1934).

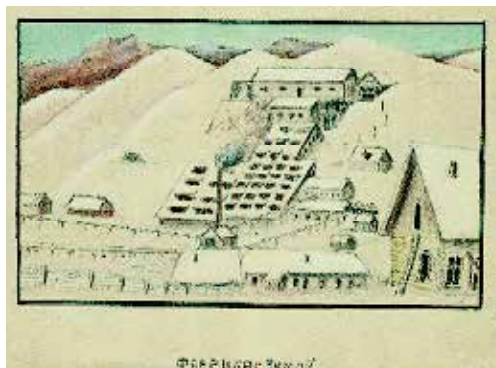

Рисунок Артемовского рудника.
Ольховка, 1933

Вагонетка с рудой на Артемовском руднике.
Ольховка, 1933

С новой силой наваливаются тоска, депрессия, чувство безнадежности, закрадываются мысли о самоубийстве.

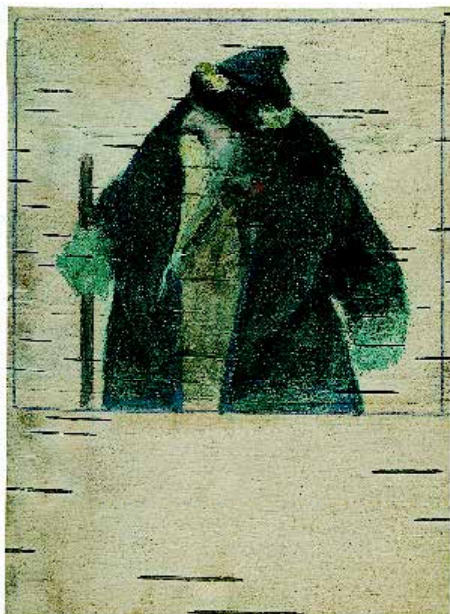
«Какое-то апатичное, бесцельное настроение, и тяжело на душе, только мысли о вас, мои дорогие, и поддерживают меня, а не будь вас, и меня уже не было бы» (там же).

«Олюша! Место на реке Мрасс, где я купаюсь ежедневно. Ширина реки шагов 200. Берег обрыва синий. Это я. Здесь я раздеваюсь. Платье, тапочки»

Почтовая карточка из бересты (с оборотом).
Ольховка, 11.11.1933

Меняется и характер писем домой. Уже нет рассказов об окружающей жизни (не дай бог попасться на заметку лагерному цензору!), а посылаемые сыну акварельные миниатюры изображают пейзажи из прошлой жизни – море, Ливадия, солнечный закат, лунная ночь...

«Есть еще много что вам написать, но лучше, если при свидании с вами лично расскажу, а есть что рассказать, никакие книги не расскажут того, что человек видел и сам испытал за это время. Олюша! По цензурным уставам я тебе рисунков из лагеря не посылаю, дабы не было на меня каких-либо недоразумений» (16.06.1934).

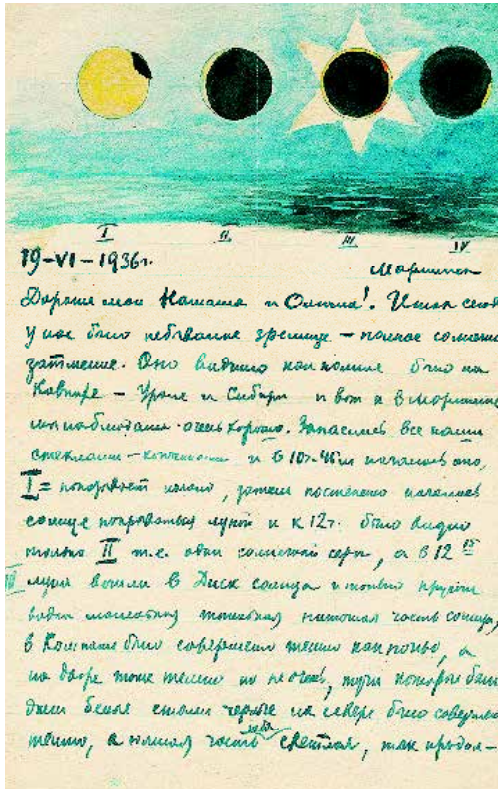
Все мысли Левитского – об освобождении, о возможной амнистии к октябрьским праздникам, после очередной сессии ВЦИК, после принятия Конституции...

«Во всех умах наших только эта одна мысль, об этом говорим, этого ждем, с этой мыслью ложимся все спать и встаем...» (30.06.1936)

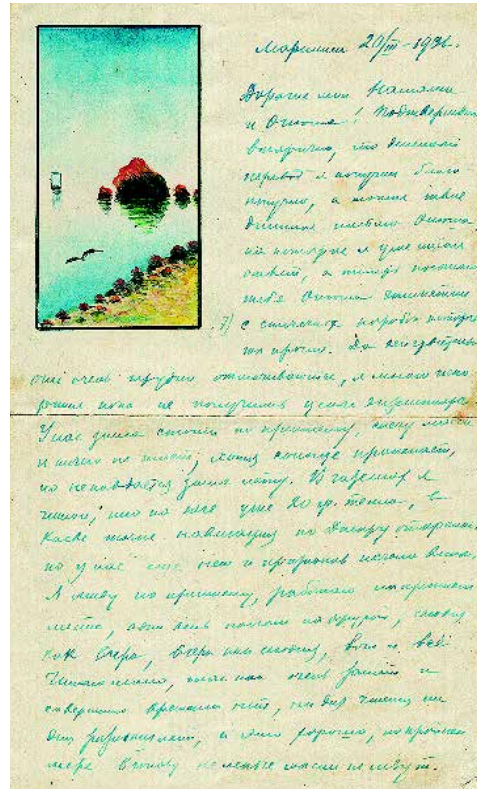
В глубине души он понимает призрачность этих надежд и все чаще уповает на Бога.

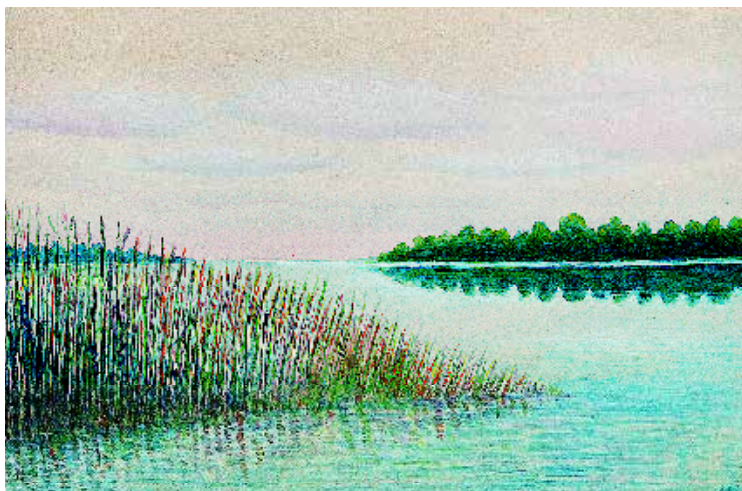
Солнечное затмение.
Маринин, 19.06.1936

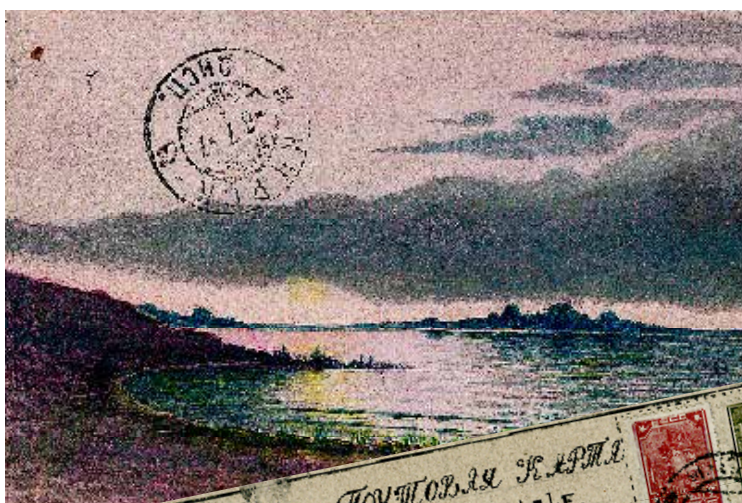
Письмо с рисунком.
Маринин, 20.03.1936

Надо заметить, что при полном понимании свершившейся с ним несправедливости в письмах Левитского не проскальзывает даже тени протеста против власти. И не потому только, что он боится лагерной цензуры. Воспитанный в привычке к армейскому подчинению начальству, он принимает установившиеся в стране порядки как нечто естественное, ниспосланное судьбой. Жизнь, протекающая на воле, представляется ему разумной и правильной. Он и в лагере – ударник, общественник:

«Олюша! Проводится ли у вас стахановское движение? У нас процветает оно, дают зачеты хорошие, и пища для них лучше. Сейчас у нас проводится стахановская пятидневка, и я внес одно предложение...»
(28.01.1935)

На реке. Воспоминание. Мариинск, 16.12.1935

Самодельная почтовая
карточка. Мариинск,
16.06.1935

Лето в Крыму. 6.06.1936

Узнав, что сын начал работать, Левитский пишет ему:

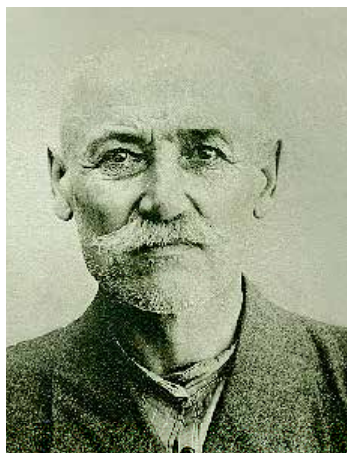
*«Меня очень радует, что ты, Олюша, стоишь на хорошей дороге и твои способности начальство ценит и повышает по службе, дорожи этим и не сделай какой-либо промах, дабы не потерять доверия»
(14.03.1935).*

Не попади этот лояльный, исполнительный, добросердечный человек под каток репрессий, он прожил бы жизнь обычного советского обывателя, добросовестного служащего, заботливого семьянина, главной страстью которого было бы коллекционирование марок.

Но судьбу, как и времена, не выбирают. 8 декабря 1937 года Владимир Владимирович Левитский постановлением тройки УНКВД Новосибирской области был приговорен к расстрелу. 20 декабря его расстреляли в числе 20 заключенных Суловского лагпункта, куда в конце 1936 года он был переведен из Мариинска.

Олег Левитский. Курск, конец 1930-х

Владимир Владимирович Левитский.
Фото из следственного дела, 1937

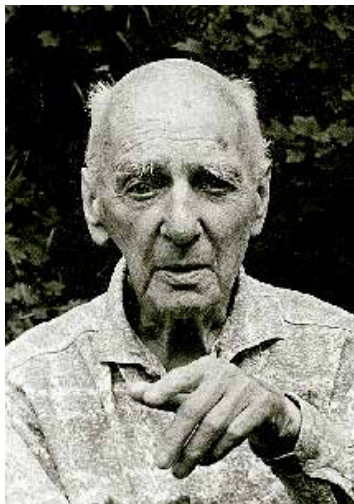

Конверт письма, отправленного В. В. Левитскому. Письмо вернулось отправителю с пометкой, что адресат «убыл».
1937

- Жена В. В. Левитского Наталия Николаевна не дожидая его реабилитации, умерла в 1950 году.
- Сын, Олег Владимирович Левитский (1915–2002), воевал на фронтах Великой Отечественной войны, стал архитектором, известным в Орле краеведом, воссоздал историю Орловского Бахтина кадетского корпуса, в котором служил его отец. Он унаследовал увлечение отца филателией, сохранив и продолжив его коллекцию.

Фридрих Краузе

«Не исчезнуть совсем с лица
земли...»

Фридрих Оскарович Краузе. Июнь, 1973

Эти строки – из воспоминаний Ф. О. Краузе (1887–1973). *«Душа моя, – писал он, – ищет связи между прошедшим и настоящим, между настоящим и будущим. Сильна потребность не исчезнуть совсем с лица земли со всем своим сложным и дорогим мне внутренним миром, хочется передать... его тем, кто будет после нас».*

Свои воспоминания Фридрих Оскарович начал писать еще совсем молодым, двадцатитрехлетним, в разгар Гражданской войны. На первой тетради воспоминаний посвящение: «Моей дочке, когда она вырастет большой. Заметки и мысли. 1919 г.». Дочери Ирине было тогда два года. В 1929 году родилась дочь Елена, в 1932 – сын Оскар, дети от второго брака. Воспоминания были продолжены уже после освобождения из лагеря, в 1950–1970-е годы, но, к сожалению, остались незаконченными.

***

Фридрих Оскарович Краузе родился в патриархальной обрусевшей немецкой семье. Его отец, из прибалтийских немцев, в 1880-е годы оказался в Москве, был педагогом-воспитателем в Михайловском реальном училище. Фридрих довольно рано отошел от семьи, закончил медицинский факультет Московского университета, работал педиатром в Морозовской детской больнице (1912–1914), был военным врачом на Первой мировой (1914–1917). Он восторженно принял Февральскую революцию, а потом – как неизбежность,

но без протеста – принял и советскую власть. Гражданскую войну (1918–1920) прошел в должности главного врача большого 39-го полевого запасного госпиталя, колесившего в вагонах по губерниям Средней России, охваченной эпидемиями тифа и «испанки». Наконец в самом конце 1919-го судьба привела его вместе с госпиталем в Уфу.

Потом была работа в Уфе, где Фридрих Краузе создавал фактически с нуля детское больничное отделение – первую в городе детскую больницу. Из голодной и холодной Москвы на помощь ему приехала жена, тоже педиатр, с маленькой дочкой. Холод, дымящаяся «буржуйка», скудный продовольственный паек, в семье – маленький ребенок... Но возможность эмиграции отрицалась безоговорочно.

Фридрих Оскарович Краузе с дочерью Ириной. Рига, 1924

Из воспоминаний Ф. О. Краузе, написанных для дочери:

«Помню, с каким скепсисом, с какими насмешливыми улыбками местные старые врачи нам предрекали: “Затеяли организовать детскую больницу! Советская выдумка! Да какая мать вам доверит своего ребенка? Ничего у вас из этого не выйдет!” <...> Было два лагеря: приемлющих новые порядки и не приемлющих. Не приемлющие, в основном, были местные солидные врачи, вскормленные

многолетней частной практикой, без которой они не мыслили медицины. <...> Они же предсказывали нам неминуемое фиаско нашей “затеи” с детской больницей. Плохие они пророки! <...> Общее наше настроение в то время было оптимистическое. Многие терпеливо несли все тяготы, лишения, веря в светлое будущее и работая для него. <...> Не было, конечно, ни злопыхательства или злорадства при неудачах, ни, тем более, саботажа, – явлений, в то время столь распространенных в среде интеллигенции. Я хорошо помню наши разговоры по поводу бегства за границу не только буржуазии, но и немалого числа напуганных интеллигентов. Мы их не понимали, резко осуждали за недостаточную веру в родной народ и считали их за разрыв с родной землей моральными отщепенцами».

Фридрих Оскарович Краузе во время приема. Начало 1930-х

Фридрих Краузе отнюдь не романтик, смотрящий на жизнь сквозь розовые очки. Молодой врач отчетливо видит низкую квалификацию и бескультурье, невежество и рвачество новоиспеченных начальников, но это никак не может повлиять на его убежденность в своем высоком, почти мессианском предназначении.

Из писем 1920-х годов, написанных дочери:

«Руководят нашими учреждениями в громадном большинстве случаев люди совсем не знакомые с тем делом, к которому приставлены, не подготовленные к административной деятельности. Но есть и немалый процент людей прямо зловердных, маленьких царьков, интересующихся больше всего собственным ничтожным благополучием, которым в высокой степени наплевать на общие, тем более государственные нужды. Они их не понимают, да и не желают понимать, несмотря на пышную иной раз фразеологию. Это все для видимости. Очень, очень трудно наладить что-либо при таких условиях... Моя позиция, конечно, остается неизменной: я благодарю судьбу, которая мне дала возможность сделаться врачом и тем самым поставила меня в настоящий тяжелый и компромиссный для многих исторический момент на такой пост, который не принуждает ни к какому компромиссу с совестью и позволяет все так же стремиться и выполнять чисто культурную созидательную, необходимую при всяких условиях работу».

Вместе с Фридрихом Оскаровичем профессиональные заботы и быт делит жена Александра Ивановна Доброхотова (1884–1958), будущий член-корреспондент АМН СССР, выдающийся педиатр-инфекционист. Они проживут вместе с 1916 до 1928 года.

Из воспоминаний Ф. О. Краузе, написанных для дочери:

«Когда Ириночка прочтет эту тетрадь (если только она ее будет читать), она удивится: как это такое, папа и мама жили в такое глубоко интересное время, эпоху революции, с которой по грандиозности ее задач и по размаху едва ли может сравниться даже Великая Французская революция, – а в переписке их и даже в дневнике у папы все одно и то же: личные переживания, тоска по семье, заботы о том, как бы преодолеть голод и холод, все больше обывательские темы, – и совсем почти ничего о том великом, что свершается вокруг, о той стихии, о той буре, которую изучать станут будущие поколения, завидуя тем “счастливым”, на долю которых пришлось вертеться в ее вихре, – и падать под ее ударами...»

Сказано несколько высокопарно, но, несомненно, искренне, а главное – пророчески. Пройдет немного времени, и Фридрих Краузе разделит судьбу тех, кого захватит «вихрь» и кто падет под «ударами» сталинских репрессий.

Фридрих Оскарович
Краузе и Вера
Федоровна Берсенева.
Магнитогорск, 1939

Фридрих Оскарович Краузе с дочерью Леной.
Магнитогорск, 1932

Лена и Карик Краузе.
Магнитогорск, 1936

Но пока что карьера молодого врача складывается вполне благополучно. В 1921 году Краузе вместе с семьей перебирается в Москву и начинает работать врачом, организует и возглавляет работу Лосиноостровского санаторного отделения Института охраны материнства и младенчества. Здесь он знакомится с Верой Федоровной Берсеновой. В 1928 году она стала его женой, родила дочь Елену и сына Оскара (Карика).

И Александра Ивановна Доброхотова, и Вера Федоровна Берсенева стали для Фридриха Краузе, можно сказать, подарком судьбы, что было доказано всей последующей жизнью. Когда Вера Федоровна оказалась вслед за мужем в лагере, А. И. Доброхотова не побоялась принять участие в устройстве жизни ее детей. Елена жила в ее доме и вспоминает о «тете Саше» с большой любовью.

Высочайшие нравственные качества отличали и Веру Федоровну Берсенева. Бывшая бестужевка¹, знающая иностранные языки, прекрасно владеющая пером (ее письма могут служить образцом эпистолярного жанра), она до последних минут жизни писала о любви к Фридриху Оскаровичу.

Вот лишь два фрагмента из их лагерной переписки.

Письмо Фридриха Оскаровича Краузе Вере Федоровне Берсеновой:

.....

«Бедная, моя бедная несчастная жена моя! Не на радость тебе я соединил твою судьбу со своей! Не думал не гадал я о таком мрачном конце нашего счастливого брака. <...> Если умрем, не повидав друг друга, мы все же до конца будем знать, что каждый из нас с своим последним вздохом еще благословляет другого и вспоминает минувшее счастье... радость моя!»

.....

Это было началом переписки «из лагеря – в лагерь», когда супруги нашли друг друга после 13 месяцев полной безвестности. Впервые муж пишет жене – такой же арестантке, как и он сам. До глубины души он потрясен ее арестом, гибелью семьи, сиротством детей.

Письмо Веры Федоровны Берсеновой Фридриху Оскаровичу Краузе:

.....

«Если бы мне был дан дар предвидения всех тех бедствий, которым суждено было нас постигнуть, то и тогда я не отказалась бы от счастья быть твоей женой».

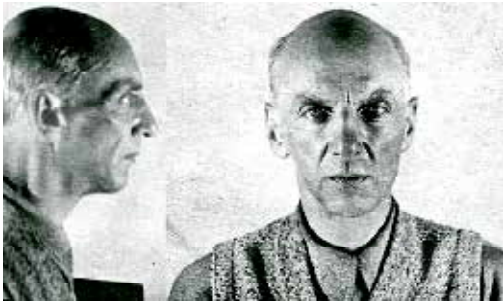
¹ Слушательница или выпускница Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов – первого женского высшего учебного заведения в России. Существовали в 1878–1918.

Вера Федоровна умерла в лагере (Мариинск, Кемеровская обл.) 1 августа 1950 года. Фридриху Оскаровичу тогда оставалось до освобождения полтора года. Смерть жены он воспринял как величайшую катастрофу своей жизни, крах всех надежд на будущее.

Арестовали его, а вскоре и Веру Федоровну, в Магнитогорске, куда они с женой уехали добровольцами в 1931 году и где Краузе стал фактически главным педиатром города, быстро завоевав непререкаемый авторитет среди коллег и уважение родителей своих пациентов.

До войны все шло как нельзя лучше. Но началась война, и Фридрих Оскарович почувствовал, что «местный отдел МВД за мной следит и что, значит, я на очереди... И все же я глупо надеялся на нашу безупречную репутацию, на полное отсутствие каких-либо криминальных улик, и, правда с некоторой затаенной тревогой в сердце, мы продолжали жить своей обычной жизнью. Ничего не прятали, ничего не скрывали».

Надеялся, действительно, напрасно. 10 марта 1942 года за ним пришли. А 4 декабря арестовали и жену. Дочери Лене тогда было двенадцать лет, сыну Карику – десять.

Фридрих Оскарович Краузе.
Тюремные фотографии, 1942

Вера Федоровна Берсенева.
Тюремные фотографии, 1942

Из воспоминаний Ф. О. Краузе, написанных в 1970 году:

«Мне предлагалось письменно изложить мое отношение к советской власти. И я вполне правдиво писал, что критиковал в домашних разговорах политику коллективизации за поспешность ее проведения сразу по всему государству; что считал ошибкой тяжелую финскую войну, так как она отвратила от нас симпатии широких слоев зарубежных рабочих; что я очень огорчился тем, что отменены недавно стипендии в средних медицинских школах, из-за чего многим лучшим

ученикам пришлось покинуть школы. Но я полностью (и это тоже правда) отрицал какую-либо “агитацию”, что-нибудь несовместимое с гарантиями нашей конституции».

Допросы длились день и ночь. Не давали спать. Требовали показаний на коллег. Фридрих Краузе вспоминал, что дважды был на грани самоубийства. Но выдержал, никого не назвал.

Его приговорили к расстрелу, позже замененному на десять лет лагерей.

В лагере «доходил» от болезней и истощения и наверняка умер бы, но неожиданно повезло – из Карлага его переводят в лагерь близ города Мары (Туркмения), где он стал работать в лагерной санчасти, возглавил лагерный Дом младенца². Человек сильной воли, он стремится не просто выжить. Ставит перед собой задачу – не деградировать духовно, изо всех сил противостоять окружающей лагерной среде.

Из писем Вере Федоровне Берсеновой:

«Моральное пребывание в среде людей, стоящих на нравственном уровне выходцев из публичного дома, – это ужаснее всего... Я в самые мрачные казахстанские дни иногда доставал какую-нибудь книжку или газетку и этим спасался от нравственной грязи, меня окружавшей...»

***

«Я не стал и не стану “лагерником”, с его упадочной психологией, физической и моральной опущенностью. Меня, кроме навыков, привитых с детства, спасает моя всегдашняя способность – всегда быть умственно занятым и неумение скучать. <...> Я за два года много тосковал, но никогда не скучал. Сначала я преподавал анатомию, физиологию, диетiku, инфекционные болезни и язык (по несколько месяцев, ежедневно по несколько часов), сам учился французскому языку, счетоводству; рассказывал о прочитанном. Потом добивался, где можно, книжек. <...> Наконец, мне открылся богатейший внутренний мир с неограниченными возможностями – как ретроспективными, так и мыслями о нашем будущем устройстве и жизни, и семьи. <...> Будь покойна, я не посрамлю своей семьи малодушием или бесплодным скептицизмом».

² Дома младенца были созданы в некоторых ИТЛ для содержания детей, рожденных в лагере. Заключение женщинам было разрешено кормить новорожденных (в некоторых случаях – и жить вместе с ними), навещать детей и проводить с ними непродолжительное время. После достижения детьми трехлетнего возраста их отправляли в детские дома или передавали на воспитание родственникам.

смелыми и добрыми товарищами. Любите родину деятельностью и трудом, а не на словах только, но никогда не делайтесь национально ограниченными, непременно изучайте иностр. языки и культуру, расширяйте умственный горизонт. А главное, – учитесь и учитесь, копите знания, пока молоды. <...> Сохраняйте и копите культурн. ценности – книги, ноты, пластинки» (Карлаг, 12.01.1944).

«Я для вас где-то за тучками, невидим и недосягаем; вмешиваться в вашу жизнь активно, словом или делом, не могу. Ни помочь, ни посоветовать. Это сознание для меня очень и очень тяжело. А помните вы еще, как зимой 41/42 года мы с вами, сидя на диване, читали «Легенду» Ирвинга и «Дон-Кихота»? Как это было хорошо! И неужели вы сможете совсем забыть об этой нашей счастливой и содержательной семейной жизни! Как мы с вами упивались хорошей музыкой! Как старались всегда достать лучшие пластинки и лучшие книжки! <...>А ведь как я мечтал всегда о том, что детям своим дам лучшее образование и обеспечу их сокровищами мировой литературы и музыки...» (Мары, 11.07.1945)

* * *

«№ 10. Моя дорогая девочка, милая Ленуша. За последние неск. дней я получил 2 твоих авиа-открытки, от 5-го и 7-го; это уже после письма. Так что, по-видимому, снова наладилась связь. Очень я обрадовался этим писулькам; спасибо тебе за них. Теперь я, наконец, знаю, что ты кончаешь школу и уже думаешь о высшей школе. Правда, пока ты не упомянула о химическом, меня еще одолевали сомнения: может быть, ты это сдаешь всё еще зачеты, которых у тебя, ты писала, накопилось очень много. Но теперь я уверен, что это выпускные экзамены. Наконец-то! Хоть этот камень свалится с плеч. И сдаешь ты хорошо; быть может, с медалью. Тогда тебе все дороги будут открыты; выбирай любую... Что ты съезжаешь с гуманитарных позиций, это меня, конечно, удивило, но не огорчило нисколько. Я сам медик, но ты знаешь мои разносторонние интересы. И это очень, очень скрашивает жизнь. Совершенно уверен в том, что и мои дети при любой специализации сохраняют широту кругозора и многосторонние общекультурные интересы – одним словом, не будут однобоки как флюс... Карик, очевидно, уже кончил экзамены. Питаю надежду получить и от него хоть краткое сообщение о них и летних намерениях. Интересно узнать, как ему понравились посланные книги. За мною еще Лермонтов и еще кое-что. Ты теперь, вероятно, тоже уже получила «Севаст. страду». Будешь ли иметь время для чтения? Или читала уже раньше? Огорчен только

Марш, 15 июня 49.

Моя дорогая Вера, спасибо большое за открытку. За последние недели в отношении здоровья у меня много изменений, но в целом я чувствую себя лучше. Мне было очень приятно получить твою открытку, особенно твои слова о том, что ты думаешь обо мне. Спасибо тебе за твои добрые слова и поддержку. Я очень люблю тебя и надеюсь, что ты тоже любишь меня. Я очень скучаю по тебе и надеюсь, что ты тоже скучаешь по мне. Я очень люблю тебя и надеюсь, что ты тоже любишь меня. Я очень скучаю по тебе и надеюсь, что ты тоже скучаешь по мне.

Открытка. Марш, 15.06.1949

тем, что вы все-таки хотите мне выслать какие-то вещи, а мне здесь ничего, кроме книг, не надо. Ей богу. Ну, пока, целую и обнимаю. Твой любящий папа» (Мары, 15.06.1949).

* * *

«№12. Спасибо тебе, моя дорогая дочка, что так часто пишешь мне свои открытки и сообщаешь о ходе экзаменов. Жаль только, что не пишешь об оценках, вероятно, ты сама еще не знаешь. Мечтаю все время о медали; тогда ты сможешь легко поступить в любое высш. учебн. заведение. Химия так химия! Это очень неплохо во всех отношениях, если ты этот предмет полюбила и в нем хорошо разбираешься. Только куда же ты думаешь подавать? В университет, или Менделеевский институт, или в какое-либо специальное техническое уч. заведение? Химия везде нужна; и на практике, и в лабораториях заводских и научных. Тут везде дорога. Была бы соответствующая жилка. Доченька, вот когда ты сдашь последний экзамен и хоть немного отдохнешь, ты мне ведь напишешь обо всем подробное письмо: и о планах, и ответы на мои вопросы (так их и не получил за неск. лет!), и о семейных сувенирах (мальчишеские стихи Руфа, ваши рисунки, тетради, первые письма, фото). Буду надеяться. [зачеркнуто цензурой] Желаю тебе здоровья, бодрости. Как твоя несчастная любовь? Пиши обо всем. [приписка сверху]

Крепко тебя целую, моя милая дочка. Папа

4 дня назад писал письмо Карину» (Мары, 21.06.1949).

Свой десятилетний срок заключения Фридрих Оскарович отбыл «от звонка до звонка» – с 10 марта 1942 года по 10 марта 1952-го. По словам сына, вернулся он из лагеря угасшим, сломленным человеком, не похожим на себя прежнего.

Поехал врачом на Вологодчину – в самый отдаленный и глухой лесной район, где было много тишины, воды и леса, жили мирные и добродушные русские люди и, что привело его в особенный восторг, был прекрасный книжный магазин, получавший все новинки. Первые три года работы детскому врачу здесь было выше головы. Фридрих Оскарович быстро стал набирать свой былой рабочий тонус и энергию, образцово наладил медицинскую помощь детям района. Его высокая квалификация и педантичная добросовестность были видны всем. Доктора полюбили. Коллеги и матери детей вспоминали его и многие годы спустя.

Фридрих Оскарович Краузе с дочерью Ириной после окончания лагерного срока. Москва, 1952

Осенью 1956 года 69-летний Фридрих Оскарович вышел на пенсию и уехал на Орловщину, поближе к дочерям-москвичкам. Конец жизни он провел в старинном городке Болхове, ухаживая за фруктовым садом. Наезжал в Москву к дочерям, пару раз побывал в своем дорогом Магнитогорске, встречался с ветеранами-коллегам, строителями города в 30-е годы; работал над своими мемуарами...

Скончался Фридрих Оскарович в 1973 году, трех дней не дожив до 86-летия.

В 1962 году он был полностью реабилитирован.

- Дочь Ф. О. Краузе Ирина окончила Московский институт иностранных языков, а потом второй вуз – медицинский. Работала детским врачом, не оставляя преподавание французского языка. Скончалась в 1993 году в возрасте 76 лет.
- Елена училась в Костромском и Московском текстильных институтах, стала конструктором машин, работала на производстве в подмосковном Климовске, потом много лет – в Министерстве машиностроения для легкой и пищевой промышленности. Теперь на пенсии. Живет в Москве.
- Оскар окончил 2-й Московский медицинский институт, стал заслуженным детским хирургом; в Череповце основал службу детской хирургии, избран Почетным гражданином города. Он составил и издал книгу о матери, Вере Федоровне Берсеновой³, в которой частично опубликовал лагерную переписку родителей. Живет в Череповце.

³ Вера Федоровна. Судьба в письмах: В 2 т. / Редактор и составитель О. Ф. Краузе. Череповец, 2008–2009.

Самуил Тайц

«Папа в моей памяти
остался таким...»
(из воспоминаний Нины
Самуиловны Тайц)

Самуил Аркадьевич Тайц. 1920

Мой папа Самуил Аркадьевич Тайц родился 2 июня (15 июня по новому стилю) 1895 года в Варшаве. Его отец служил коммивояжером – возил образцы железных и скобяных товаров по городам России и за границу. Мама, моя бабушка, в стремлении иметь дочь родила почти подряд шестерых сыновей. Самуил (Мулек по-польски) был вторым. Старший сын Давид был на полтора года старше. Когда папе было 6 лет, он вместе со старшим братом начал посещать хедер. В 1905 году поступил в гимназию, которую окончил после восьмилетнего курса в 1914 году. В гимназии почти все годы был освобожден от платы за обучение, так как семья была недостаточно обеспечена; оба брата, Давид и Самуил, рано начали заниматься репетиторством.

По окончании гимназии в 1914 году папа был принят по жребию в Императорский Варшавский университет на медицинский факультет. Надо пояснить, что для евреев существовала пятипроцентная норма поступления в высшие учебные заведения, и он при жеребьевке вытянул счастливый номер.

С первых дней Первой мировой войны папа начал работать санитаром в лазаретах и отрядах Красного Креста в Варшаве. Когда территория русской части Польши была оккупирована Германией и Австро-Венгрией, семья Тайц эвакуировалась в Москву. Варшавский университет переехал в Ростов-на-Дону; в 1915 году папа выехал туда же и продолжил заниматься на медицинском факультете, одновременно работая санитаром в госпитале Красного Креста.

Самуил Таец. Варшава, 1914

Самуил и Цецилия Таец. 1919

С момента организации Красной гвардии ростовскими рабочими в августе 1917 года папа принимал участие в подготовке и обучении красногвардейских санитарных отрядов, а в ноябре 1917-го был назначен начальником санитарного отряда боевого участка Ростов – Нахичевань – Батайск. Во время взятия Ростова белыми ушел с остатками Красной гвардии. Вернувшись с частями красных, продолжил обучение, при этом исполняя обязанности врача в лазарете. Окончив 4-й курс медицинского факультета, папа перебрался из Ростова в Москву, поступил на последний курс медицинского факультета 1-го Московского государственного университета, который окончил в феврале 1919 года. Одновременно работал заместителем заведующего Замоскворецким райздравом.

В Москве в апреле 1919 года папа вступил в брак с моей мамой Цецилией Соломоновной Аруин.

Мама, как и отец, училась и окончила медицинский факультет Варшавского университета, где получила специальность зубного врача. Познакомились мои родители раньше, еще в 1916 году, и, разлучаясь, поддерживали постоянную переписку, поскольку

папа как военврач перемещался вместе с частями Красной гвардии. На протяжении двух с половиной лет он находился на Юго-Западном, Архангельском, Западном и Южном фронтах. Начав с должности младшего врача полка, закончил службу начальником санитарной части Украинской трудовой армии. В 1920–1921 годах он – член Харьковского горсовета. В Харькове в 1920 году родилась я, его единственная любимая дочь.

В августе 1921 года папа направляется на курсы усовершенствования врачей при Московском государственном университете; по совместительству он преподает на высших курсах в Центропрофшколе. С 1923 по 1936 год работает в Московском комитете Союза металлистов старшим санитарным инспектором. Одновременно с 1925 по 1930 год заведует Симоновским амбулаторным объединением (туда входили заводы «Динамо», «АМО», «Парострой» и другие). Как специалист в области оздоровления условий труда на производстве он выступает с докладами на всесоюзных съездах по охране здоровья, участвует в международных съездах гигиенистов в Венгрии и Германии.

В памяти хранится эпизод из жизни отца этого периода: возвращаясь с одного международного съезда через Польшу, он остановился в Варшаве, обошел и объездил все родные, любимые, связанные с воспоминаниями детства и юности места. Из любопытства пошел на проходивший конкурс мужской красоты и... получил одно из призовых мест, а в качестве награды – пуловер, который у нас дома мы называли «за красоту»; несомненно, отец соответствовал принятым на этом конкурсе критериям мужской красоты.

В июле 1929 года папа решает целиком заняться наукой и проходит по конкурсу в Институт охраны труда им. Обуха. С 1932-го он – доцент кафедры гигиены труда Государственного института для усовершенствования врачей (ГИДУВ). В 1935-м заканчивает Марксистско-ленинский университет с присвоением звания «красный профессор». Тогда же в Центральном институте усовершенствования врачей его утверждают в ученой степени кандидата медицинских наук без защиты диссертации на основе представленных публикаций.

С 1936 года он начальник Отдела промышленной санитарии Всесоюзной Государственной санитарной инспекции Наркомздрава СССР; эта должность приравнивалась к должности заместителя наркома.

Папа в моей памяти остался таким: брюнет, со смуглой кожей, легко поддающейся загару, с небольшими усиками, рослый, с хорошей фигурой, с умным интеллигентным лицом. Он сохранил легкий польский акцент и форму обращения, характерную для интеллигентных поляков: вежлив со всеми людьми независимо от их ранга, всегда первым здоровался со знакомыми и при этом приподнимал шляпу, целовал руку женщинам. Был общителен, уравновешен, не помню его раздраженным или кричащим; импонировала его манера слушать собеседников, интересоваться их делами, помогать советами. Обладая прекрасным чувством юмора, он шутил, оставаясь при этом с виду невозмутимым, и было трудно угадать,

Семья Тайц во дворе дома в Петровском переулке. Москва, 1924

говорит он серьезно или шутит. Он много читал, очень любил и хорошо знал русскую литературу, свободно владел польским и немецким языками, знал идиш, хотя никогда не говорил на нем.

С начала 1919 года семья Тайц, включая бабушку, дедушку, братьев, жила в огромной шестикомнатной квартире в Петровском переулке (бывший Богословский переулок, в 1946–1993 годах – улица Москвина); в эту квартиру папа привел жену, здесь выросла и я. Папа, ставший ответственным номенклатурным работником, имел высокий персональный оклад (700 рублей в Институте усовершенствования врачей, а в должности старшего государственного санинспектора 1000 рублей) и ряд других привилегий. Он не принимал никакого участия в домашнем хозяйстве, на кухне никогда не бывал, подавала ему всегда прислуга. Мог позволить себе зайти на Петровке в кондитерский магазин «Эйнем» и купить коробку дорогих конфет.

Мое детство и отрочество прошли в атмосфере бесконечной любви родителей и тех возможностей, которые предоставлялись нашей семье благодаря положению папы. Они были радостными, безмятежными, исключительно благополучными. Позже, пережив тяжелейшие трагические события в жизни, я приняла очень близко к сердцу стихи Александра Кушнера:

Читая Набокова, думал о том,

Что слишком счастливое детство опасно...

1936 год – последний радостный год. К этому времени братья отца были на подъеме. Давид, член ВКП(б), директор Центральной поликлиники санаторного управления Кремля, находился во Франции со специальным заданием – сопровождал крупного специалиста-медика, пользовавшего И. В. Сталина. Макс, выпускник МВТУ, руководитель самолетной лаборатории в ЦАГИ, был представлен к Орденом Ленина и награжден автомобилем «Эмка» за разработку беспосадочного перелета Москва – Северный полюс – Ванкувер, осуществленного Чкаловым, Байдуковым и Беляковым.

Первый тревожный «звонок» прозвучал летом 1936-го. Мы отдыхали в Кисловодске. Отец общался с М. М. Литвиновым – наркомом иностранных дел, Л. М. Караханом – заместителем М. М. Литвинова (расстрелян в 1937-м), Г. Н. Каминским – наркомом здравоохранения (расстрелян в 1937-м). Там, в Кисловодске, позвонив в Москву, папа узнал об аресте брата Давида. А вскоре наступил черед папы.

Тот вечер – 26 февраля 1938 года – запомнился отчетливо и ясно. Возвращаясь из института домой (в 1937 году я поступила в 1-й Московский медицинский институт), я обратила внимание на то, что около парадного подъезда прохаживаются несколько специфической внешности мужчин в штатском. Но это уже было привычным – в нашем доме полным ходом шли аресты. Появление этих людей меня особенно не взволновало. На улице было зябко, шел крупный мокрый снег; папа пришел с работы поздно и, войдя, произнес: «Счастлив, кто дома». Эта фраза осталась со мной на всю жизнь. Ночью раздались резкие звонки, стук в дверь. В проеме двери стояли четверо: двое в штатском, один в военной форме и наш дворник Николай. Военный предъявил ордер на обыск и арест, подписанный Заковским, заместителем наркома НКВД (расстрелян в конце 1938-го).

Нам приказали сесть, не двигаться и не разговаривать. Почти всю ночь длился обыск. Естественно, ничего компрометирующего не нашли, забрали какие-то фотографии, письма, научные рукописи. Папа показал мне глазами, что надо спрятать его письмо к следователю прокуратуры по поводу охраны труда на предприятиях (он думал, что это является причиной ареста). Я сумела спрятать письмо, а папа под утро, перед тем как его увели, написал доверенности маме на получение денег.

Я была потрясена самообладанием, собранностью папы. В ночь ареста, после изнурительного обыска, он ничего не забыл, думал прежде всего о семье, фактически остававшейся без средств к существованию: жена, работавшая на полставки зубным врачом, дочь и зять – студенты, мать, не получавшая пенсии, дочка арестованного брата – школьница (вскоре арестовали и ее маму, жену Давида).

Наступил непередаваемый трагический момент страшного расставания. Папа держался спокойно и независимо. Когда его уводили, он сказал: «Это недоразумение, разберутся, и я скоро вернусь». Было ему 42 года. Больше я никогда не видела своего отца, а любила его очень, дружба у меня с ним была самая тесная, даже теснее, чем с мамой.

Некоторое время папа находился во внутренней тюрьме на Лубянке, а затем был переведен в Таганскую тюрьму. Там в камере сидело более 150 человек, духота была страшная, почти не кормили, одна «параша» на всех, никаких сведений от родных, ника-

ких газет – полная духовная изоляция. Но арестанты, в основном крупные политические, общественные, научные деятели находили в себе силы и между мучительными допросами умудрялись читать лекции по специальности. По словам папиного сокамерника доктора Самета, Самуил Аркадьевич Тайц прочел полный курс «гигиены труда». Был он собран, держался бодро, мужественно, но страшно волновался, что не имеет никаких сведений о близких, считал, что жена арестована, и безумно тревожился за беременную дочь.

Мы с мамой в это время простаивали в длинных очередях в Таганской тюрьме, чтобы хоть что-нибудь узнать о папе и передать ему продуктовую посылку и деньги. Но никаких сведений об арестованных не давали.

Папа был осужден Особым совещанием НКВД от 25 мая 1938 года на 8 лет исправительно-трудовых лагерей по подозрению в шпионаже.

В конце мая маме позвонил следователь Чернов и сказал, что Тайца С. А. отправляют в ИТЛ на Дальний Восток. Мы с мамой на протяжении многих дней и ночей дежурили на железнодорожных путях Казанского вокзала с толпой таких же, как и мы, в надежде увидеть папу. На путях стояло много товарных вагонов, в них грузили арестованных, нас отгоняли, но мы все равно бежали, влекомые людьми. Папу мы так и не увидели.

Первую весточку мы получили от него 21 июля. В почтовом ящике оказалась коробка от папирос с нашим адресом, в нее был вложен оторванный мундштук от папиросы, на котором было написано:

«Москва 21/VII. Мои дорогие! Сегодня выезд из Москвы в Колыму. Поздравляю Ниночку с днем рождения. Вы заботьтесь только о себе, обо мне не беспокойтесь. Привет всем нашим. Целую. Самуил».

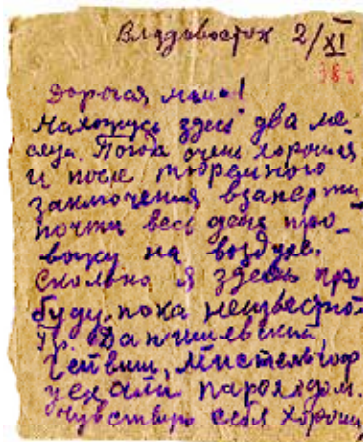

Эту коробку он выбросил из вагона, а сочувствующие, сострадающие люди (а таких, которых коснулась такая же беда, было несчетное количество) как-то доставили ее нам.

Затем такие же письма стали приходить по мере продвижения поезда на Восток – из Ногинска, Саратова, Омска. Этот чудовищный эшелон – товарные вагоны, набитые больными, умирающими, умершими, голодными и жаждущими людьми на нарах,

Самуил Аркадьевич Тайц.
Владивосток, 1938

Конверт с письмом, отправленный из пересыльной тюрьмы. На клапане полагалось писать сведения об авторе, обвинении, приговоре и сроке

на полу, – часами стоявший в степях под раскаленным солнцем, шел до Владивостока свыше месяца. Папа заболел тяжелой формой цинги. На любительской фотографии, присланной папой из Владивостока, он неузнаваем – старый, с отечными, набухшими руками, с изменившимся отечным лицом.

По приезде во Владивосток он был помещен в лагерную больницу, а затем в пересыльный пункт – «транзитку» СВИТлага НКВД, в 5-й барак 3-й роты.

Мы были уверены, что непременно арестуют и маму. На протяжении нескольких лет у мамы был собран чемоданчик с необходимыми для тюрьмы вещами, и каждую ночь она ждала, что придут за ней. Я уговаривала маму, что по воскресеньям не арестовывают, так как сотрудники НКВД отдыхают. И эта моя «ложь во спасение» давала ей возможность спокойно спать одну ночь в неделю.

Из «транзитки» мы получили много писем, и все они, несмотря на ужас его положения, поразительно бодрые, в них только забота о нас. Письма, написанные на оберточной бумаге, были вложены в самодельные конверты, внутри которых он обязан был писать: «Тайц С. А. 1895 г. заключен в ИТЛ на 8 лет по подозрению в шпионаже».

Из письма жене:

«Очень прошу часто и подробно писать, так как я хочу быть осведомленным о вашем житье-бытье без прикрас. Тебе, моя родная, должно быть, приходится много работать! Что я могу сделать в утешение! Хочу надеяться, что мое положение скоро изменится. Во всяком случае, надо принимать соответствующие меры, так как надо добиться, чтоб прочли мое заявление, а разбираться в нем нечего, так как собственно никакого дела и нет» (26.05.1939).

«Дело», действительно, было сшито наспех и грубо. Вот как позже папа писал об этом в своем заявлении Председателю Президиума Верховного Совета РСФСР Н. М. Швернику: «На следствии мне было категорически заявлено, что я не могу быть освобожден из-под стражи, а должен сам что-нибудь выдумать о моей принадлежности, хотя бы и косвенной, к шпионажу. В ответ на мой отказ от выдумки какой-либо фабулы в этом роде следователь Холданов предложил мне в качестве вспомогательного материала книгу “о деятельности шпионских организаций в СССР”, автором которой был тогдашний начальник Моск. Упр. НКВД, замнарком. внутрдел Заковский¹ (кстати, с санкции Заковского же я и был арестован). Следователь мне указал, что я должен выбрать из этой книги какой-нибудь пример шпионажа и приписать себе. В результате примененного ко мне физического насилия я вынужден был составить САМООГОВОР в надежде на то, что бессмысленность его станет всем очевидной и что, когда я вырвусь из рук следователей, применяющих антисоветские методы ведения следствия, то всегда смогу доказать несостоятельность написанного мной самообвинения».

Из Владивостока папа был этапирован на Колыму, в Магадан. В Магадане находился на разных приисках – Усть-Утиная, Нижний Сеймчан, Дусканья. Почти с самого начала работал врачом, обслуживал заключенных и вольнонаемных. Я в это время училась в медицинском институте, и в своих письмах папа тревожился о качестве моей учебы, стремился профессионально направлять меня в овладении будущей специальностью. Приведу эти письма без комментариев; они говорят сами за себя.

¹ Л. М. Заковский – в 1920–1930-е один из руководителей массового террора (Сибирь, Белоруссия, Ленинград, Москва). 20.01.1938–28.03.1938 – нач. УНКВД по Московской области и одновременно (29.01.1938–16.04.1938.) – зам. наркома внутренних дел СССР. Расстрелян 29.08.1938. Имеется в виду, по-видимому, одна из брошюр Заковского, изданных Партиздатом в 1937: «Шпионов, диверсантов и вредителей уничтожим до конца»; «О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуре».

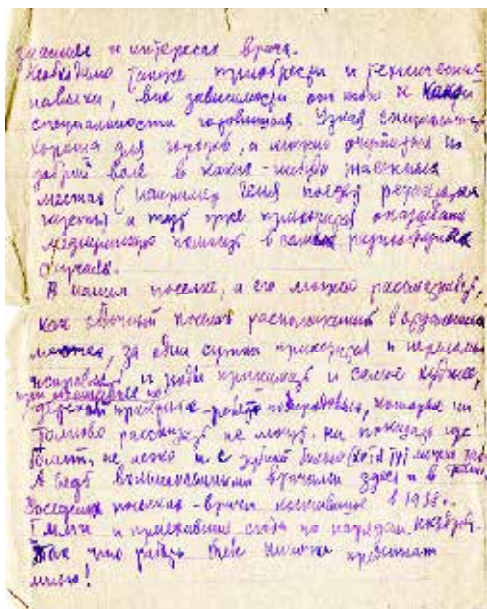
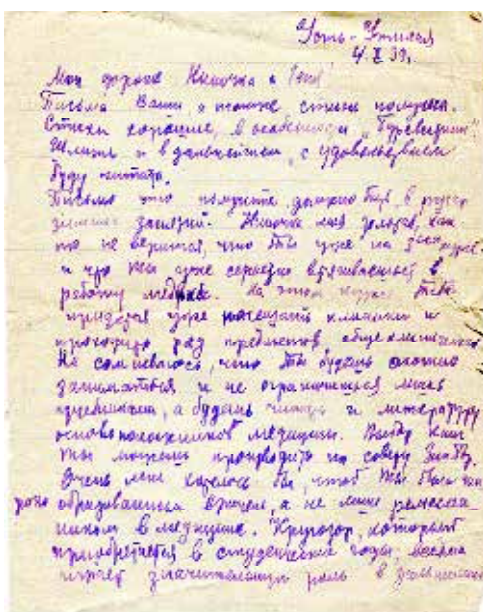
Из писем дочери:

«Моя дорогая Нинушечка! <...> Как ты занимаешься? Как идут у тебя экзамены? Обо всем ставь меня в известность. <...> Как тебе нравятся занятия на санитарном факультете? Отсюда трудно советовать, но, если бы была возможность, лучше перевестись на лечебный факультет» (24.04.1939).

Дорогой мой Николай! Ты сейчас начинаешь записывать в
 книгу курсы, на крайнем утверждении курса в общей общей
 медицинской школе. Не знаю, какие ты специализируешь себе утверждать,
 надеюсь, что об этом мы смотаем много еще много поговорим,
 но одно тебе должен себе забыть: чтобы между профессорами
 думало (при самых лучших советниках разных специальностей,
 а не по предмету, как мне пришлось поехать) и много всего поговорить
 и самый разнообразной работе врача, а не только по своей
 узкой специализации. Вывод: надо всем предпринять шаги
 вперед, ~~и~~ иметь возможность обширно специализоваться.
 Все врачи, которые у нас работают в клинике 1938 года и
 надо сказать, что общие знания у них много не хватает.
 Тысно тебе и тем почитать. На курсах была наша группа Коренько,
 Митюшкин, которые как ожидается много, кто приехал и
 нам по делу и т.д. Книжки журналисты далеко здесь велики.
 Так что в курсе все материалы почитать. Сейчас много
 статей Левиной, Вордун, рассказ Ивана - Маршалович:
Вопросы курсов специализации врачей. На курсах почитать
 газету «Красный Свет», а которую писал Велик
 мой ненаглядный Усильев!
 Тысно мне почитать о Вашей жизни, о всех Ваших
 много сердечный привет Татьяне маме с наилучшими
 пожеланиями. Маме маме особенно наилучшим, мой
 дорогой, приведу так счастливо ей здоровья. Сердечный
 привет Верите, кто за ней ухаживает. Ужасно
 она сама так нашист. Уже много провела друзей!
 Как у нас усели на работе и т.д. Трудно общаться
 писем от нас. Тысно ты много не пишешь о
 себе и ее маме.
 Целую тебя крепко, поцелуй от
 мамы нашему долому долому
Николай Осипович

***

«Дорогая моя Ниночка! Ты сейчас начинаешь занятия на III курсе, на крайне ответственном курсе в смысле общей подготовки врача. Не знаю, какую специальность ты избереешь, надеюсь, что об этом мы сможем лично еще много поговорить, но одно ты должна себе усвоить: жизнь может забросить далеко (при самых лучших собственных твоих желаниях, а не по нужде, как мне пришлось поехать), и надо быть готовой к самой разнообразной работе врача, а не только по своей узкой специальности. Вывод: надо всеми предметами интересоваться, иметь хорошую общую подготовку...» (8.11.1939)

Письмо из Усть-Утиной. 4.10.1939

***

«...Ниночка моя золотая, как-то не верится, что ты уже на 3-м курсе и что ты уже серьезно втягиваешься в работу медика. На этом курсе тебе уже придется посещать клиники и проходить ряд предметов общеклинических. Не сомневаюсь, что ты будешь охотно заниматься и не ограничишься лишь учебниками, а будешь читать и литературу основоположников медицины. <...> Очень мне хотелось бы, чтобы ты была широко образованным врачом, а не лишь ремесленником

в медицине. Кругозор, который приобретает в студенческие годы, играет весьма значительную роль в дальнейших знаниях и интересах врача. Необходимо также приобрести и технические навыки, вне зависимости от того, к какой специальности готовишься. Узкая специальность хороша для городов, а можно оказаться по доброй воле в каких-нибудь таежных местах... и тут уже приходится оказывать медицинскую помощь в самых разнообразных случаях...» (4.10.1939)

Моя родная Ниночка!
 И. Вейсман 9.VII
 - 70

На днях получил телеграмму о твоем переходе на 4-ый курс, который является самым трудным. Ты знаешь, что институты трудности, которые приходится тебе, мой дорогой, пережить все эти трудности еще гораздо заманчивей, потому что твой институт, что в связи с моим отъездом тебе придется задержать, а надо, чтобы это удалось и тебе безболезненно.

Сейчас, мой друг, на 4-ом курсе много, из всех данных за то, что ты институт закончишь и уже пора поставить перед собой вопрос по какой специальности ты пойдешь. Надеюсь, что мой совет тебе в этом отношении будет не лишним. Хотя ты и на санитарном факультете и, как будто это определяют твою дальнейшую специальность, все же именно в институте тебе необходимо получить возможно наибольший запас знаний по лечебным

курсами на последнем курсе выбрать свою будущую специальность и по ней работать более успешно (не забывай все, особенно с тем же к моменту окончания института) и, конечно, каждый из вас должен своим делом и трудом поддерживать институт. Так как я, не имея возможности с тобой поговорить, не могу тебе дать совет, а лучше отдам, не знаю, какая ситуация сейчас в институте, но по всем этим вопросам ты можешь посоветоваться с Зин. Нур, или Дев. Нур.

Но все это необходимо сделать, если серьезно начать заниматься на 4-ом курсе. А это лучше сделать, чем не заниматься вообще. Собирайся, мой друг, к работе.

С любовью и уважением твой отец, Илья Вейсман

Илья Вейсман
 Илья Вейсман

Фрагменты из письма из Нижнего Сеймчана. 9.07.1940

***

«Моя родная Ниночка! <...> Сейчас, когда ты уже на 4-м курсе, имеются все данные за то, что ты институт закончишь, и уж пора поставить перед собой вопрос, по какой специальности ты пойдешь. Надеюсь, что мой совет тебе в этом отношении будет не лишним. Хотя ты и на санитарном факультете и как будто это определяет твою дальнейшую специальность, все же именно в институте тебе необходимо получить возможно наибольший запас знаний по лечебным

дисциплинам, так как узкая специализация может быть выдержана лишь в городах, а уже в районе или поселках приходится работать по всем, или, во всяком случае, по многим специальностям. А ведь по распределению, по окончании института, или по всяким другим причинам, можно и по доброй воле очутиться и выбрать себе место жительства не Москву, и тогда придется заниматься и лечебной медициной, тем более что в представлении обывателей со званием врача обязательно связывается и лечебная помощь. <...> И крайне необходимо уже будучи на последних курсах избрать свою будущую специальность и по ней работать более усиленно (не запуская все остальное), с тем чтоб к моменту окончания института руководитель кафедры знал о существовании исследователя своей школы и при необходимости поддерживал...» (9.07.1940)

Читая эти письма, нельзя не обратить внимание на то, что в них звучит настойчивый совет – как можно полнее овладевать разносторонними знаниями не по какой-то одной узкой специальности, а по широкому спектру лечебной медицины. Совет не случаен. Папа не пишет об этом прямо, но недвусмысленно дает понять: нужно быть готовой к таким поворотам судьбы, когда не только по распределению, но «и по всяким другим причинам» можно очутиться далеко от Москвы, «в каких-нибудь таежных местах», где разносторонняя квалификация врача станет условием выживания. И когда я, учась в институте, устроилась ради заработка в райздравотдел, это его отнюдь не обрадовало.

«Не очень меня радует устройство Ниночки в аппарате райздрава. Ей необходимо в первые годы работы, в первую очередь, научиться лечебному делу и получить практику в этом отношении, а административная работа придет уже попозже, когда будет опыт лечебный, тогда она и ценнее и полезнее. Если имеется возможность устройства на какой-нибудь постоянной работе в больнице или госпитале, то это было бы полезнее, и больше помощи принесла бы ты обществу. А, может быть, где-нибудь в научной лаборатории (институте) возможна работа?» (12.06.1943)

До последнего часа своей жизни папа продолжал верить в то, что справедливость будет восстановлена. И эту свою надежду он, как мог, пытался передать маме и мне.

Из писем домой:

.....
 «Не перестаю верить, что в ближайшее время судьба изменится. <...>
 Надо крепиться и надеяться, что в ближайшем будущем заживем по-старому. Где ваши обещанные фотографии? Очень хотелось тебя и Ниночку повидать, пока хотя бы на снимке» (31.08.1939).

***

«Я твердо верю, что в ближайшее время поеду к вам. Опасность лишь, что в связи с перерывом в навигации (с 15 декабря по 15 мая) может и не успеть проведение всех формальностей и прохождение по всем инстанциям моего вызова. Я не сомневаюсь, что в результате протеста прокурора НКВД вынесет благоприятное для меня решение...» (9.10.1939)

***

«Живу надеждой, что скоро увидимся и заживем по-прежнему. Как моя золотая дочка? Летом у нее больше времени и пусть мне пишет» (22.06.1940).

***

«Я твердо уверен, что в ближайшем будущем все это закончится, и с желательными результатами...» (4.11.1940)

.....
 Надеждам не суждено было осуществиться. Папа скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг в октябре 1944 года. Ему было 49 лет. За три месяца до этого я получила от него письмо:

.....
 «Ниночка, моя дорогая! Из твоих писем я знаю, что ты сейчас занимаешься и готовишься к рентгенологии. Специальность неплохая, но требует знаний больше, чем ряд других специальностей. Ведь к вам, рентгенологам, обращаются другие врачи со своими сомнениями в диагнозе, и ваше заключение очень часто является решающим, и от него зависит дальнейший метод лечения. Так что необходимо быть квалифицированным рентгенологом и не суживать свои познания лишь в технике» (24.07.1944).

.....
 Завещание папы я исполнила. Окончив медицинский институт, я защитила кандидатскую диссертацию, до ухода на пенсию

в 1975 году работала заведующей рентгеновским отделением в клинике лечебного питания в Институте питания Академии медицинских наук.

Папу посмертно реабилитировали в 1955 году.

После реабилитации я с братом папы Максом Аркадьевичем установила символические мраморные доски с именами папы и дяди Давида в колумбарии Донского крематория, в нише, где находятся урны с прахом бабушки и дедушки.

Памяти папы я посвятила книгу «Линия жизни в письмах и документах. 1895–1944. Воспоминания дочери» (М., 2006), в которую вошли и мои воспоминания о нем, и документы из его «Дела», и письма из Колымских ИТЛ. На мой взгляд, эти документы и письма представляют исторический интерес. Сбереечь их важно и для современников, и для потомков; они призывают к тому, чтобы ничего подобного не повторилось.

Армин Стромберг

«Знаете, что спасало?
Письма. Связь с домом»

Армин Генрихович Стромберг.
Томск, 1992

Армин Генрихович Стромберг (1910–2004) писал письма жене и дочери в 1942–1943 годах из Нижнетагильского лагеря НКВД, куда он был отправлен только за то, что родился немцем.

Его отец, приват-доцент Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, в Первую мировую войну был начальником военно-полевого госпиталя и погиб в 1914 году. Мать после гибели мужа уехала с двумя детьми к себе на родину, в Екатеринбург. В 1927 году Армин Стромберг поступил на химфак Уральского политехнического института, который окончил в 1930 году по ускоренной программе, и начал работать в Институте химии и металлургии Уральского филиала АН СССР.

Из воспоминаний А. Г. Стромберга:

«На третий год моего обучения в вузе (в 1929 году), в связи с началом первой пятилетки (1930), был провозглашен лозунг «Кадры решают все!» и издан приказ об «ускоренном выпуске» всех студентов, обучающихся в вузах. В результате я вместо пяти лет обучался в вузе три с половиной года. В мае 1930 года, в возрасте неполных 20 лет, получил удостоверение об окончании вуза по специальности «инженер-химик» (специализация «электрохимия»). Дипломной работы, конечно, не делал и технологические дисциплины прослушал кое-как. К счастью, отсутствие знаний по технологии не понадобилось мне в жизни, так как я был распределен сразу в НИИ и на заводе никогда не работал. Но и общие дисциплины (особенно физическая химия) были усвоены мною в вузе недостаточно глубоко. Поэтому сразу после формального окончания вуза я принялся за дополнительное самообразование...»

«Самообразование», судя по дальнейшим достижениям молодого ученого, оказалось успешным – в 1939 году Армин Стромберг защитил кандидатскую диссертацию.

Все вроде бы складывалось благополучно, но вот как вспоминал то время А. Г. Стромберг в интервью корреспонденту газеты «Томский вестник» (30.05.1991): «Ощущение опасности появилось во второй половине 30-х. Расскажу такой эпизод из своей личной жизни. В 37-м к нам в институт приехали на стажировку студенты Ленинградского университета. Мне понравилась одна девушка – Лида Попонина. Решился, объяснился. В группе ребята как узнали, что Лида собралась замуж за немца, ужаснулись. В Ленинграде уже тогда шла волна арестов. Отговаривали. Но она не испугалась. Летом 37-го расписались в загсе, без всяких церемоний...»

Дочь, которая родилась в 1938 году, молодые родители назвали Эльзой – в честь героини оперы Вагнера: в семье любили музыку.

Армин Генрихович Стромберг с женой Лидией Михайловной и дочерью Эльзой. Свердловск, 22.06.1941

Из записок дочери, Эльзы Арминовны Захаровой:

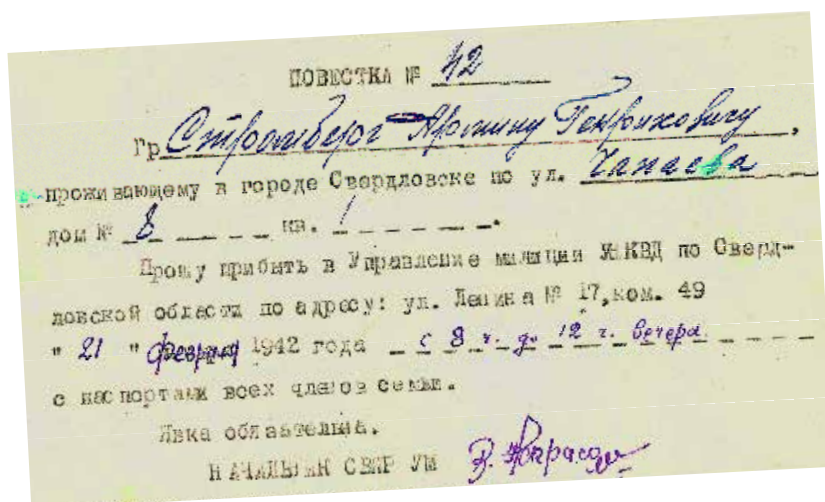
«В воскресенье 22 июня 1941 года мы всей семьей безмятежно отдыхали и сфотографировались, не подозревая, что нас ждет. Наступили страшные годы войны. Все немецкие семьи из европейской части СССР высылались в восточные районы или на север Урала, пришла повестка и нашей. Но, к счастью, папина мать, Магда Робертовна, красивая, энергичная женщина, бывшая

бестужевка, была одной из первых преподавательниц химии на Урале и с 1919 года учила многих партийцев, в том числе и директора УПИ – Качко. Он-то и заступился за известную ему семью... Но в марте 1942 года папу призвали в Трудармию...»

Из воспоминаний А. Г. Стромберга:

«Посыльный приносит мне под расписку извещение о том, что я “мобилизуюсь в ряды РККА” (а у меня, как и у всех научных работников института со степенью, была броня). В военкомате собрались одни немцы. Нас предупредили, что мы мобилизуемся в “трудармию” и приказали на следующий день прийти с вещами. Посадили в плацкартный вагон и привезли в ГУЛАГ НКВД (немецкий спецотряд 1874) за колючей проволокой при кирпичном заводе в г. Нижний Тагил.

Условия жизни в этом спецотряде были очень тяжелыми. По данным из разных источников, за три года его существования из 6000 немецких “трудармейцев” 3000 (около половины) умерли из-за голода, холода и невыносимых условий работы...»

Повестка о явке на регистрацию для внесения в депортационные списки.
Свердловск, 1942

Из интервью корреспонденту газеты «Томский вестник» (30.05.1991):

«Голод – вот что было самое страшное. С утра до вечера мысли об одном – где бы достать еды. <...> Неловко признаваться, но у меня с тех пор какой-то органический страх остаться без еды. Если вижу, что

дома мало хлеба, беру авоську и иду в булочную... Знаете, что спасало? Письма. Связь с домом».

За время нахождения в лагере А. Г. Стромберг послал жене и дочке 74 письма, то есть писал один-два раза в неделю, а то и чаще.

«Лидусинька! Восемь дней я живу в Н. Тагиле и восьмой раз сажусь писать письмо тебе. Надо мной посмеиваются, что я так часто пишу письма, но у меня это просто потребность. В процессе писания писем я как бы беседу с тобой, возвращаясь к нашей совместной жизни...» (28.03.1942)

Письма, естественно, адресовались жене. Но очень часто А. Г. Стромберг обращается в них к своей маленькой дочери, задает ей вопросы, пишет ей на отдельных страничках или в конце письма, рисует для нее. Рисунки позже были подклеены в альбом, сделанный к дню рождения дочки.

«Лидусенька! – просит он жену. – Пиши мне больше про Эльзочку. Я завел для нее альбом (тетрадь), в который делаю выписки из писем про Эльзочку».

Интересна судьба писем².

Из записок дочери, Эльзы Арминовны Захаровой:

«Как-то в 80-е годы папа показал мне толстую пачку пожелтевших писем. Оказалось, что это сохраненные им 74 письма к маме, которые он писал в 1942–1943 годах, находясь в Трудармии.

Что такое Трудармия, в печати разъяснено было гораздо позже, когда прошла перестройка и папа был реабилитирован (только в 1993 году). «Отряд 1874» размещался за колючей проволокой в одном из многочисленных лагерей «архипелага ГУЛАГ» в г. Нижний Тагил. Завернутые в бумагу и перевязанные веревочкой, письма хранились среди научных папок, вместе с немногими документами, и я никогда не подозревала об этом. Считалось, что папа был в армии, ребенку ничего не говорили, нигде не указывался этот период, родные старались «забыть» его, как кошмарный сон. По-видимому, и папа забыл о письмах, он их не перечитывал. Я помню, что папа был страшно потрясен, перечитав их через 50 лет».

² Все письма публикуются по копиям; подлинники хранятся в семейном архиве.

Страницы из писем домой, предназначенные для дочери

Схема отряда 1874 при кирпичном заводе
 Тагиллага НКВД

Нижний Тагил, 1946. Фотография академика
 Б. В. Раушенбаха, находившегося с 1942 года
 в том же лагере, что и А. Г. Стромберг

Письма отправлялись по почте в конвертах или свернутые треугольниками с марками. Конечно, они проверялись военной цензурой (о чем свидетельствовали штампы на конвертах и черные полосы уничтоженных строк). Написаны они большей частью чернилами на корявой бумаге, которая использовалась для сушки кирпичей, или на бумаге от мешков из-под цемента.

Письмо А. Г. Стромберга из Нижнего Тагила. 3.12.1942

Страницы из альбома, сделанного А. Г. Стромбергом для дочери: «Корреспонденция от мобилизованного папы (г. Н. Тагил) своей доченьке Эльзочке (Свердловск). Март 1942 – сентябрь 1943»

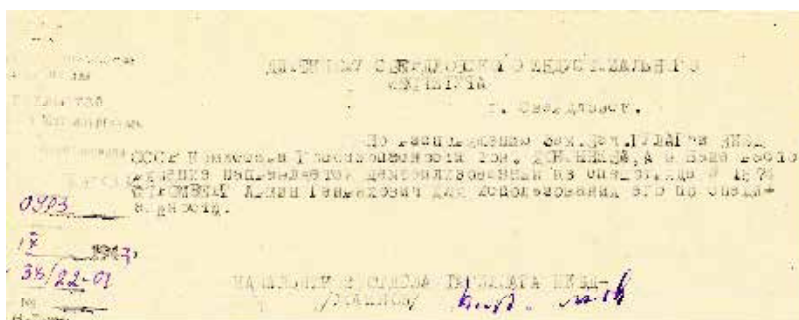
Из записок дочери, Эльзы Арминовны Захаровой:

«Папа был любящим отцом. После моего рождения он заказал толстый альбом с красной картонной обложкой с моим именем (как это было принято в немецких семьях), где описывал все изменения в моем развитии, которые он наблюдал, помещал фотографии (он увлекался фото) и разные рисунки. Он хотел, чтобы мама сохранила все письма, в которых он описывал условия работы и существования, а также спрашивал, стараясь жить интересами семьи, о многих бытовых

заботах, выпавших на долю мамы и бабушки. Все, что касается меня, он выписывал на отдельных листках, и клеил в мой альбом вместе с рисунками и продолжал его вести до школьных лет. Я всегда интересовалась, что пишет папа и что он мне нарисовал. У него был в лагере знакомый художник, у которого он брал краски, поэтому многие рисунки нарисованы акварелью даже на ватманской бумаге!»

По словам Армина Генриховича, он выжил в лагере только потому, что ему удалось перейти с общих работ на «административную должность» диспетчера обжигового цеха кирпичного завода, потом мастера ОТК. Пробыл он в лагере полтора года и в сентябре 1943-го был направлен в тот же институт, откуда его «мобилизовали», с необычной для того времени сопроводительной бумагой: «...В Ваше распоряжение направляется демобилизованный из спецотряда № 1874 Стромберг Армин Генрихович для использования его по специальности».

Распоряжение
о демобилизации
из трудармии

Справка о работе на
кирпичном заводе
мобилизованного
бойца А. Г. Стромберга.
Нижний Тагил, 1943

Те из немцев-трудармейцев, кто остались в лагере до конца войны, были затем оставлены в Нижнем Тагиле еще на десять лет

Письмо дочери. 27.03.1942

в качестве спецпереселенцев без права выезда из города.

Ниже приводятся отрывки из писем, не требующие комментариев.

«Милая доченька! Как ты поживаешь? Ходишь ли в детский садик? Твой папа сейчас в армии. Но он не стреляет в фашистов из винтовки или пулемета, а делает кирпичи для заводов, на которых будут делать танки, самолеты, пушки и бомбы. Слушайся, милая доченька, маму. Ей сейчас без папы очень трудно. Помогай маме.

Одевайся сама, кушай без капризов. Ходи в детский садик. Не ссорься с Витей. Если он будет тебя обижать, то скажи ему, что ты напишешь папе в армию письмо об этом. Напиши папе письмо. Нарисуй цветными карандашами: человечка, танк, самолет. <...> До свидания, доченька. Папа тебя очень любит и хочет повидаться с тобой. Но из армии папу не отпускают, потому что он мобилизован. Когда война кончится и фашистов разобьют, папа придет домой и крепко-крепко поцелует свою доченьку. Твой папа» (март 1942).

***

«Трудно тебе, Лидуся, приходится одной. Я с удовольствием разделил бы твой труд по воспитанию дочери, но ничем не помогу. Интересный у нее сейчас возраст. Мне сейчас так жаль, что за делами последние месяцы перед отъездом я обращал на нее мало внимания. Теперь я часто-часто представляю себе, как дочка сидит у меня на коленях, пишет слова и рисует танки, которые ты мне присылаешь в письмах. Милая, любимая дочка. Скоро ли я ее увижу?» (апрель 1942)

***

«Помню, очень хорошо помню, что 5 мая день рождения у дочки. Пошлю ей поздравительное письмо. Мне очень стыдно, что я так огорчил свою миленькую дочку тем, что писал ей редко письма. Прямо удивительно, как такие маленькие ребята могут переживать, как

взрослые люди. Как жаль, что я не могу присутствовать на дне рождения дочки и принимать участие в веселии ребят. Сейчас у нее самый интересный возраст» (май 1942).

***

«Получил вчера, Лидусенька, твое письмо, посылочку и многочисленные иллюстрации Эльзочки... Большое-большое тебе спасибо! Мне только стыдно, что ты прислала мне те жалкие крохи, которые выдали по карточкам тебе с дочкой. Не делай этого больше... Напиши подробнее про дочку. Рисунок ее тщательно “изучал” и пришел к выводу, что на нем нарисован дом (окно отдельно), кровать с одеялом и подушкой. Верхние четыре рисунка не мог расшифровать. Попроси дочку, чтобы она специально для меня рисовала рисунки и расшифровала их тебе...» (ноябрь 1942)

***

«Скоро ли я увижу свою доченьку? Пиши мне подробно о дочке, об ее фразах, проделках, шалостях. Интересно, как она воспринимает действительность, тяжелые условия военного времени, ее отношение к войне, к фашистам-захватчикам. Ты запоминай, Лидуся, все это и описывай мне в письмах. Ведь я лишен возможности следить за развитием дочки, и если я даже увижу ее, скажем... через 1 год, то она будет совсем другой, чем сейчас, в возрасте 4,5 года...» (ноябрь 1942)

В письмах Армина Генриховича – шуточные рисунки. На обороте картинки, где Эля нарисована с танком на коленях у папы:

«Милая доченька! Это я нарисовал, как папа после войны вернулся домой и привез тебе в подарок игрушечный танк. Эльзочка очень обрадовалась приезду папы. Схватила танк в охапку и залезла папе на колени. А папа гладит свою дочку по головке и рассказывает ей, как он скучал о своей дочке и как он рад теперь, что может быть с ней вместе» (ноябрь 1942).

Посылая свои рисунки дочери, Армин Генрихович занимается тем, что сегодня назвали бы интерактивным обучением – он просит, чтобы Эльза в ответ прислала ему свои рисунки, спрашивает, во что она играет, что читает и т. д.

Поздравление с Новым годом (с оборотом). 31.12.1942

«Милая доченька – Эльзочка! Получил твои рисуночки: грибок, дерево, домик, папа и мама катают Эльзочку в коляске. Нарисуй мне еще и попроси маму послать мне... Какие книжки ты читаешь? Какие новые игрушки у тебя? Мне это все очень интересно. Крепко целую тебя, моя любимая доченька. Твой папа» (апрель 1943).

Первоклассница Эльза Стромберг.
Свердловск, 2.09.1945

Из письма. Июнь 1943

Из письма. Июнь 1943

***

«Милая доченька! Спасибо тебе за рисуночек. Очень хорошо ты нарисовала двухэтажный дом за забором. Папа очень рад, что ты помогаешь маме: моешь пол, вытираешь со стола, убираешь за собой игрушки. Какие у тебя новые игрушки? Есть ли куклы? Платень для них? Кровать, столы, стулья? Как ты играешь в куклы? С кем? Куда поедешь летом на дачу? Напиши мне об этом. Целую тебя. Папа» (июнь 1943).

Освободившись из лагеря, Армин Генрихович Стромберг прожил долгую (94 года) и очень содержательную жизнь. В 1951 году он защитит докторскую диссертацию, в 1956-м переедет в Томск, где в течение 30 лет будет возглавлять кафедру физической и коллоидной химии в Томском политехническом институте. Создаст и возглавит проблемную лабораторию определения микропримесей в различных материалах. Подготовит 87 учеников – кандидатов и четырех докторов химических наук. Напишет учебник по физической химии для вузов, выдержавший 7 изданий. Станет членом научного совета РАН по аналитической химии. Получит звание Заслуженного химика РФ, будет награжден орденами и медалями.

Однако пребывание в лагере НКВД, конечно же, не прошло бесследно. А. Г. Стромберг всю жизнь нес в себе синдром человека «второго сорта». Впрочем и в этом он умел находить положительные стороны.

Из воспоминаний А. Г. Стромберга:

«Положение “человека второго сорта” по социальному и национальному признаку имело и свою положительную сторону.

1. Меня не выдвигали на административные должности, оставляя время для повышения своих профессиональных знаний.
2. Я всегда понимал, что для того, чтобы быть по положению в научном мире на одном уровне с “социально близкими”, нужно по профессиональным знаниям быть на голову выше их (например, среди кандидатов иметь степень доктора наук). Это заставляло меня непрерывно углублять свои знания в выбранной научной области и достигать большего, чем если бы научное сообщество “стелило мне коврик под ноги”».

Его девизом стали слова Николая Вавилова: «Жизнь коротка. Надо спешить». По словам его учеников, у А. Г. Стромберга время не исчезало: оно было «под надзором». Он ощущал его, фиксировал, анализировал. «Пустого» времени не было – оно было заполнено содержимым, которое он планировал и контролировал. Больше всего его выбивали из ритма непредвиденные дела и обстоятельства. Жил по четкому режиму. Назначал встречи в 9.00 и недоумевал, если аспирант приходил в 9.15. Расписывал аспирантам план работы в рабочую тетрадь. Проверял исполнение. Много лет вел

записи затрат своего времени в толстых ежедневниках. Сохранилось 4 толстых тетради: за 1975–1976, 1976–1978, 1980–1981 и 1981–1982 годы. На каждой странице расписан день по часам и в конце дня итоги (в часах): на науку, на научно-организационные дела, чтение. Отмечал «события». В последние годы А. Г. Стромберг вел записи нерегулярно, но жил по разработанному режиму и не отклонялся от него.

Из воспоминаний А. Г. Стромберга:

«Я прожил длинную жизнь. Я заканчиваю свой долгий путь в науке, окруженный своими учениками, и, в общем, не жалею о прожитой жизни».

- Жена Лидия Михайловна Стромберг (1912–1972) с 1937 по 1956 год работала в Уральском политехническом институте на кафедре физики. После переезда в Томск с 1956 по 1962 год преподавала на кафедре физики Томского политехнического института.
  - Дочь Эльза Арминовна Захарова (р. 1938) пошла по
- стопам отца. Кандидат химических наук, доцент Томского государственного университета. Последние 20 лет работает старшим научным сотрудником в Томском политехническом университете.

  - Внучка Ольга Юрьевна Стромберг приняла фамилию деда и работает врачом-гематологом в Стокгольме.

Николай Любченко

«Не забывайте меня»

Николай Петрович Любченко.
Конец 1920-х

Николай (Микола) Петрович Любченко был арестован 5 декабря 1934 года, обвинен в принадлежности к контрреволюционной организации украинских националистов, приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам лишения свободы и отправлен сначала в Карагандинский лагерь, а потом (в 1936 году) на Соловки. Там он был вторично осужден и 8 декабря 1937 года расстрелян.

Сохранились письма Н. П. Любченко, посланные из мест заключения жене Вере Ивановне и сыну Олегу («Лесику», «Олесику»). В 2007 году Олег Любченко опубликовал их в книге «Только вы с сыночком не забывайте меня»¹. Там же опубликована сохранившаяся обращенная к сыну «Серая записная книжка» со стихами Н. П. Любченко, написанными им в лагере в декабре 1935 – январе 1936 года.

К сожалению, сведений о жизни Николая Петровича Любченко до его ареста сохранилось немного. Он родился в 1896 году, учился в Киевском университете, но не закончил его, со студенческой скамьи «ушел в революцию». Занимался подпольной работой, вступил в партию большевиков, участвовал в Гражданской войне. После революции работал в редакции киевской газеты «Коммунист» – сначала заведующим отделом информации, затем фельетонистом. Был членом редколлегии газеты. Выступал с сатирическими памфлетами, фельетонами, юморесками. Под псевдонимом Кость Котко писал очерки, рассказы, повести.

Какое-то время он служил по дипломатическому ведомству: был первым секретарем и советником советских полпредств в Варша-

¹ Любченко М. П. Только вы с сыночком не забывайте меня. М.: Компания Спутник+, 2007.

Вера Ивановна Любченко
с сыном Олегом. 1933

Николай Петрович Любченко
с сыном Олегом. Харьков, 1934

ве и Праге, возглавлял Всеукраинское общество культурных связей с заграницей. Эти сведения сообщил сын Любченко – Олег. Он узнал их главным образом со слов матери.

Когда Вера Ивановна Любченко приезжала к мужу в Карлаг, Николай Петрович рассказывал ей, что в ходе допросов следователь НКВД побуждал его оговорить тогдашнего председателя украинского Совнаркома Панаса Петровича Любченко (однофамильца). Но поскольку Панас Любченко в то время был главой украинского правительства, следователь не требовал этого прямо, а писал на промокашке «Панас» и как бы невзначай подвигал ее к подследственному.

Условия содержания в киевской тюрьме НКВД были сравнительно мягкими. Судя по коротким письмам Любченко, он даже начал заниматься литературным творчеством – писать книгу о Чехословакии, сочинять стихотворные сказки для сына. Не исключено, что такое «послабление» было всего лишь результатом личного сочувствия следователя к ни в чем не повинному подследственному. Во всяком случае, по рассказам жены, этот же следователь убедил ее уехать из Киева еще до того, как состоялось решение суда, и тем самым фактически спас ее от неминуемого ареста, а маленького сына – от детского дома. Что запомнилось сыну?

Из воспоминаний Олега Николаевича Любченко:

«Через месяц с небольшим после суда, в начале мая 1935 года, отец был отправлен... в Карагандинский лагерь (Карлаг). Его сестры в Киеве узнали, что его повезут через Москву, где мы с матерью временно жили тогда, и сообщили нам. Были указаны день – 5-го мая, и час, когда придет поезд, вероятно, выхлопотано и разрешение на свидание...

Как его (отца) забирали, я не помню. Мне не было еще и трех лет. Минуло пять месяцев после его ареста, я стал немного старше и кое-что уже начало откладываться у меня в голове, в частности, достаточно ясно короткое свидание на Киевском вокзале.

Я и сейчас вижу его фигуру на перроне, невысокую, худощавую, без пальто, в обычном костюме, причем под пиджаком был свитер. Я, конечно, не понимал, что его конвоируют, не обратил внимания на конвойных. Я смотрел только на него. Он, не останавливаясь, быстро шел вдоль вагонов поезда. Мы следовали за ним сбоку и в некотором отдалении. Потом была тесная и темноватая комната в здании вокзала. Отец сидел за большим столом... разговаривал с нами, о чем-то спрашивал меня, я что-то отвечал.

Все это помню хорошо. Свидание продолжалось недолго, вероятно, минут десять, после чего мы расстались. Мама еще побывает у него в Карлаге. Я же больше никогда не увижу своего отца.

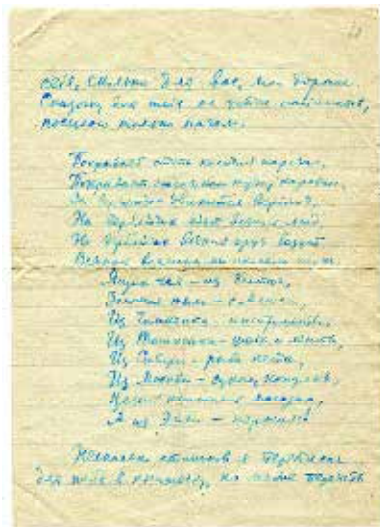
Вот что он написал о нашей встрече в Серой книжке, адресованной мне: «Ты бежал за мною, жалким и униженным, и говорил: «Папа, папа!» Тебе не понятно было, почему папа от тебя уходит. А потом в милицейской комнате ты спрашивал: «Ты здесь работаешь?»»

По словам сына, находясь в лагерях, Николай Петрович Любченко вел интенсивную переписку с семьей, но из десятков писем сохранилось лишь несколько. Почти в каждом из них есть строки, обращенные к маленькому сыну «Лесику». Приведем отрывки из них без каких либо комментариев; они просто излишни.

«Лесинька, я тебе с мамой пришлю новую сказочку. Тут у нас много верблюдов – и все двугорбые. Вот один верблюд вообразил, что он паровоз, и захотел по рельсам бегать. Вот было смешно. Я хочу такую сказочку написать...» (26.12.1935)

Письмо Н. П. Любченко. Карлаг, 11.01.1936

***

«...Сказочку для тебя не успел написать, посылаю только начало:

Покрывает степь колючий караган,
 Покрывает степь, как туча, караван.
 За верблюдом движется верблюд,
 На верблюдах едет всякий люд,
 На верблюдах всякий груз везут...

Несколько стихов я переписал для тебя в книжечку...» (11.01.1936)

***

«Милый мой любименький сынок, дорогой мой Олесик! Вот уже и 5 лет тебе. Как быстро прошел год! Мальчик делается все больше и больше и скоро станет совсем большим и умным. Мама пишет мне, что ты очень хороший мальчик, только иногда

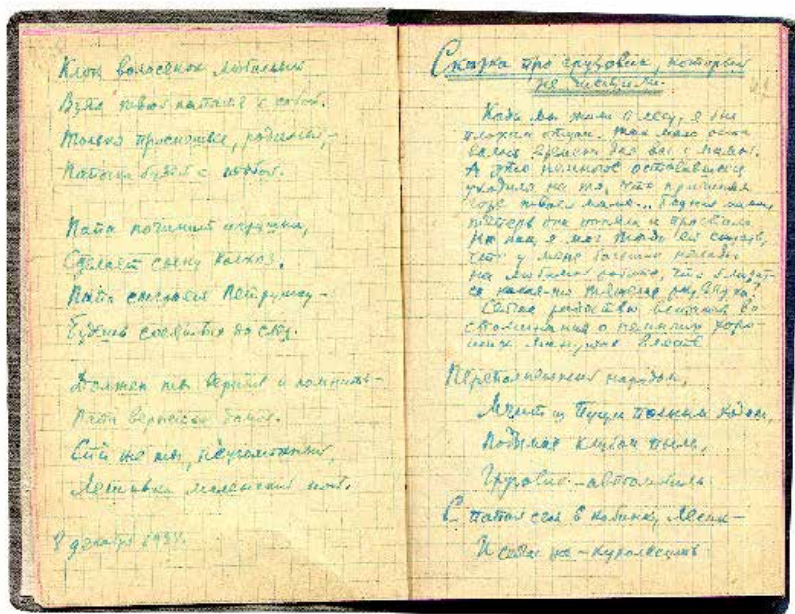
обижаешь ее, не слушаешься. Этого не надо, мой Олесик. Маму надо крепко любить. <...>

И еще помни, что все дети в Москве, и в Луганске, и в Харькове, и в Ясной Поляне – везде, везде – должны любить Сталина, который желает добра всем советским детям, всем детям везде...» (12.01.1937)

Возможно, письма домой писались с оглядкой на лагерную цензуру. Однако подозревать их автора в неискренности нет оснований. В этом убеждает знакомство с «Серой записной книжкой», как назвал ее сын Любченко. В ней – рукописные тексты, написанные Николаем Петровичем в Киевской тюрьме НКВД и в Карлаге в период с 8 декабря 1934-го по 10 января 1936 года. Эта записная книжка не проходила через цензора, Любченко передал ее жене при свидании в лагере.

«Записная книжка» состоит из написанных для сына стихов и стихотворных сказок – «Колыбельная», «Бунт игрушек», «Слон в автобусе», «Лесик ехал в Москву»; есть в ней юмористическая поэма «Леди Прися» и незаконченная поэма «Ай-Солук». «Отец старался, – вспоминал сын, – принимать хоть какое-то участие в моем воспитании. Написанное им мне читали неоднократно, так что иные строчки прочно засели в моей памяти...»

Окончание «Колыбельной» и «Сказка про грузовик...»
из «Серой записной книжки» Н. П. Любченко

(«Колыбельная») написаны 8 декабря 1934 года – через три дня после ареста. Н. П. Любченко сопроводил их обращением к сыну:

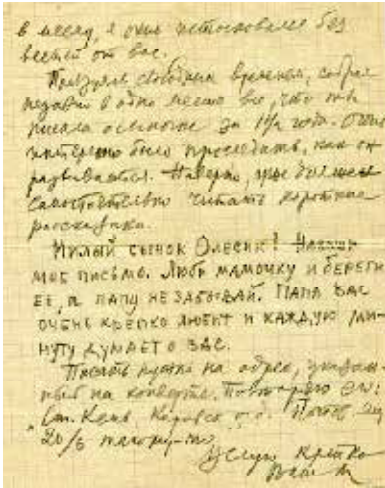
«За несколько дней до 5 декабря я подстригал твои волосики и один уми-
лительный локон спрятал в карман [свитера]. Я ушел в этом [свитере].
8 декабря я случайно обнаружил этот локон.

Каким утешением, какой поддержкой он был для меня! Как я набро-
сился на карандаш, когда его дали наконец, чтобы записать слова,
вырвавшиеся в первый момент после обнаружения этого локона.

Ты успокойся, малютка,
Глазки закрой и усни –
Папа ушел на минутку...
Спи, мой сынок, отдохни...»

В письмах Н. П. Любченко жене обязательно присутствовали стро-
ки, обращенные к сыну; он писал их печатными буквами.

«Дорогая моя Верочка! Не знаю, собственно, что и писать тебе.
Боюсь, что мои письма, посланные с августа (в июле не писал), до
тебя не дошли. От тебя же последнее письмо было от 24 августа,

Письмо Н. П. Любченко. Карлаг, 19.09.1937

когда собирались уезжать с дачи. Как вы живете, не имею представления – здоровы ли вы, учится ли сыночек грамоте.

А у меня все по-прежнему. Теперь не работаю, но кормят так же, поэтому ни в чем не нуждаюсь, могу обходиться без посылок, об этом я уже тебе писал. Здоровье мое хорошо. Теплое лето помогло – ноги не болят даже в дождливую погоду. Обязательно пиши мне два раза в месяц, я очень истосковался без вестей от вас.

Пользуясь свободным временем, собрал недавно в одно место все, что ты писала о сыночке за 1½ года. Очень интересно было проследить, как он развивается. Наверно, уже должен самостоятельно читать короткие рассказы.

МИЛЫЙ СЫНОК ОЛЕСИК! НАПИШИ МНЕ ПИСЬМО. ЛЮБИ МАМОЧКУ И БЕРЕГИ ЕЕ, А ПАПУ НЕ ЗАБЫВАЙ. ПАПА ВАС ОЧЕНЬ КРЕПКО ЛЮБИТ И КАЖДУЮ МИНУТУ ДУМАЕТ О ВАС.

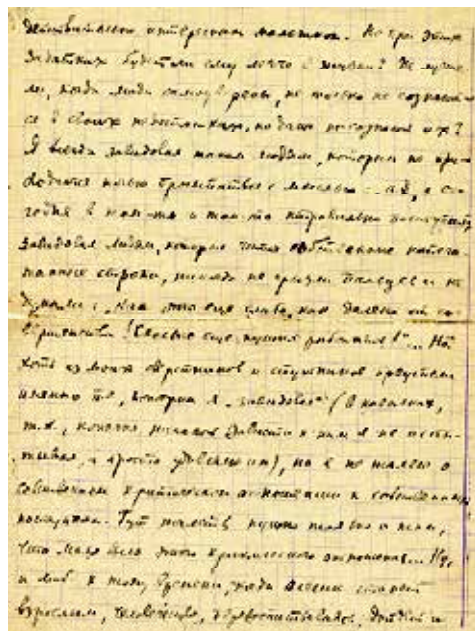
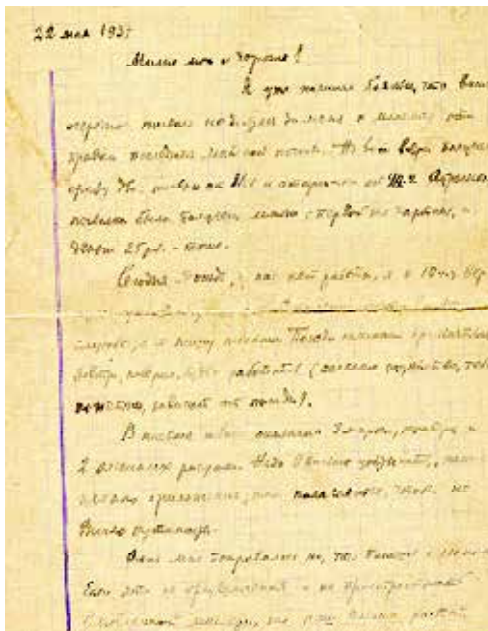
Писать нужно на адрес, указанный на конверте. Повторяю его: “С. Кемь, Кировской ж.д. Почтов. ящ. 20/6 такому-то”.
Целую крепко, Ваш М.» (19.09.1937).

***

«Милые мои и дорогие! Я уже начал бояться, что ваше очередное письмо не дойдет до меня к моменту отправки последней майской почты... Но вот вчера получил сразу два: письмо от 4.4. и открытка от 22.4. Апрельская посылка была получена мною с первой же партией, а деньги 25 руб. – тоже.

Сегодня – дождь, и у нас нет работы, я к 10 ч. у. вернулся уже в общежитие. Остальные почти все на службе, а я пишу письмо. Погода начинает проясняться, завтра, наверно, будем работать (сельское хозяйство, тебе понятно, зависит от погоды).

В письме твоем оказалось 3 марки, конверт и 2 Олесиных рисунка. Надо в письме указывать, какие именно приложения, так полагается, чтобы не вышло путаницы.

Письмо Н. П. Любченко. Карлаг, 22.05.1937

Очень мне понравилось то, что ты пишешь о сыночке. Если это не преувеличения и не пристрастность влюбленной матери, то наш Олесик растет действительно интересным мальчиком. Но при этих задатках будет ли ему легче в жизни? Не лучше ли, когда люди самоуверенны, не только не признаются в своих недостатках, но даже не сознают их? Я всегда завидовал таким людям, которым не приходится ночью просыпаться с мыслью: “ах, я сегодня в том-то и том-то неправильно поступил”; завидовал людям, которые, читая собственные напечатанные строки, никогда не грызли пальцев и не думали: “Как это еще слабо, как далеко от совершенства! Сколько еще нужно работать!..” Но хоть из моих сверстников и спутников преуспели именно те, которым я “завидовал” (в кавычках, т. к., конечно, никакой зависти я к ним не испытывал, а просто удивлялся им), но я не жалею о собственном критическом отношении к собственным поступкам. Тут жалеть нужно только о том, что мало было этого критического отношения... Ну, и м. б. к тому времени, когда Олесик станет взрослым, человечество, перевоспитываясь, дойдет и до такого совершенства, что именно честно к себе относящимся людям станет жить легче. Во всяком случае меня только радуют задатки сыночка,

его правдивость, неуменье причинять боль, и лишь одно беспокоит: не слишком ли рано они обнаруживаются?

Очень жаль, что мое письмо к нему не дошло. Сказочка была в ту же точку – против самоуверенности и зазнайства.

ОЛЕСИК МОЙ, СКАЗОЧКУ ТЕБЕ Я ПОСЛАЛ ДАВНО. НО БЫЛ ПЛОХОЙ ПОЧТАЛИОН, ОН ПИСЬМО ПОТЕРЯЛ.

<...>

Целую вас крепко, М.» (22.05.1937).

Тему несправедливости выпавших страданий, «презрения к подлецам и предателям» Н. П. Любченко намеревался развить в незаконченной поэме «Ай-Солук». Тем не менее он не ставит под сомнение правоту советской власти, о чем специально пишет в своем обращении к сыну:

«...Когда ты вырастешь, сынок, если ты меня не застанешь, мама расскажет тебе, как свалилось на вас все это незаслуженное несчастье. <...> Мой сынок любимый, твой папа и в эти тяжелые дни оставался таким же, каким был, когда зарождалась твоя жизнь. Если нужно будет, ты узнаешь, почему ты должен расти без отца. Лучшие, если ты не узнаешь этого. Но ты должен помнить: свои хорошие годы, свою молодость твой отец отдал за торжество Советской власти; он делал то, что нужно было этой власти, он работал там, где она требовала.

И когда эта горячо любимая власть, единственно возможная для твоего отца, потребовала, чтобы он расстался с вами и уехал в пустыни Казахстана, твой отец никого не осудил и никого не проклял. Должно быть так, как нужно этой нужной всему миру власти...»

Написанная для сына «Колыбельная» заканчивалась словами: «Должен ты верить и помнить – папа вернется домой». Но папа не вернулся.

- Сын Н. П. Любченко Олег Николаевич (1932) выбрал специальность отца – он окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, работал в печати.

Анатолий Козловский

«Любил вас больше жизни»

Анатолий Сергеевич Козловский.
1920-е

¹ Расстрел 157 политзаключенных Орловской тюрьмы произведен 11.09.1941 за три недели до занятия города немцами. Расстрел был санкционирован И. В. Сталиным как Председателем Государственного комитета обороны СССР.

Анатолий Сергеевич Козловский (1897–1941) был расстрелян в Орловской тюрьме 11 сентября 1941 года¹. К сожалению, из написанных им писем в домашнем архиве осталось только одно послание, обращенное к жене и дочери. Именно «послание», а не письмо. Оно не написано, а вышито нитками на куске серой материи (предположительно – на куске тюремной простыни); причем вместо иглы была использована рыбья кость. К содержанию этого необыкновенного, уникального послания, ставшего семейной реликвией, мы еще вернемся. Но сначала – о его авторе.

Анатолий Козловский родился в 1897 году в Смоленске. Мать – прачка. Отец неизвестен. По семейному преданию, им был некий семинарист смоленской бурсы, который квартировал в доме матери. Взять в жены он ее не мог, и ребенок появился на свет незаконнорожденным. В результате фамилию и отчество младенцу дал местный сапожник, который «по совместительству» был церковным старостой.

Мальчик окончил церковно-приходское, затем реальное училище, а когда началась Первая мировая война, пошел вольноопределяющимся в армию. Но направили его не на фронт, а в офицерское училище в Тбилиси, которое он окончил в 1918 году. Так что воевать Анатолию Козловскому пришлось уже в Гражданскую.

Анатолий Сергеевич и Бетти Григорьевна
Козловские. 1920-е

Бетти Григорьевна Козловская
с детьми Ниной и Энгельсом.
Минск, конец 1920-х

Вот что об этом рассказывает со слов матери его дочь Нина Анатольевна Козловская: «После окончания училища папа приехал в Смоленск в новой офицерской форме и сразу же на улице был встречен красногвардейским патрулем. “А, да ты – белопогонник! Снимай погоны!” Папа тут же снял погоны и выбросил. И пошел в Красную армию».

Анатолий Козловский прошел всю Гражданскую войну, служил под началом Тухачевского, был ранен, награжден орденом Красного знамени.

В 1919 году Козловский женится на девушке из многодетной еврейской семьи – Бетти Григорьевне Славиной, работавшей в штабе машинисткой. В 1921 году родилась дочь Нина, через четыре года – сын, названный Энгельсом.

Анатолий Козловский тогда служил уже в ОГПУ, начальником погранотряда на границе с Польшей. За плечами – борьба с отрядами Павловского и Булак-Балаховича на польской границе.

Из интервью Нины Анатольевны Козловской:

«Я помню девочкой такой разговор папы с мамой. Мама говорила отцу: “Толя, помнишь, как мы вошли в одно местечко, и там евреи были повешены на столбы за бороды, а молодые девушки лежали с вырезанными грудями?” А позже мама рассказывала мне, как через несколько лет мы – папа, мама и я – оказались в том же местечке. Там был какой-то еврейский праздник, и возле синагоги на лавочке сидели евреи – почитаемые, с бородами. А мы с тобой, рассказывала мама, стояли возле синагоги, ждали отца. И вот идет твой папа. И евреи все, старики, встали и поклонились ему чуть не до полу. Он их спасал в Гражданскую войну от этих страшных погромов».

В 1928 году Козловского переводят в Минск, в Управление пограничных войск, через какое-то время он становится начальником отдела контрразведки. На этой должности в 1937 году он и был арестован.

Из интервью Нины Анатольевны Козловской:

«В 1935 году Белоруссия получила орден Ленина. А в 37-м все правительство белорусское: Червяков², Голодед³ и другие – все были арестованы. Все! Мне было 14 лет. Я говорю папе: “Папа, ну как же это так получается? Только наградили орденом за хорошую работу, а теперь они все – враги народа. Как это может быть?” Папа на меня долго так смотрел, потом отвел глаза в сторону и говорит: “Тебе это трудно понять. Даю слово: станешь взрослой – все поймешь”. Папа берег меня и потому ничего не объяснял».

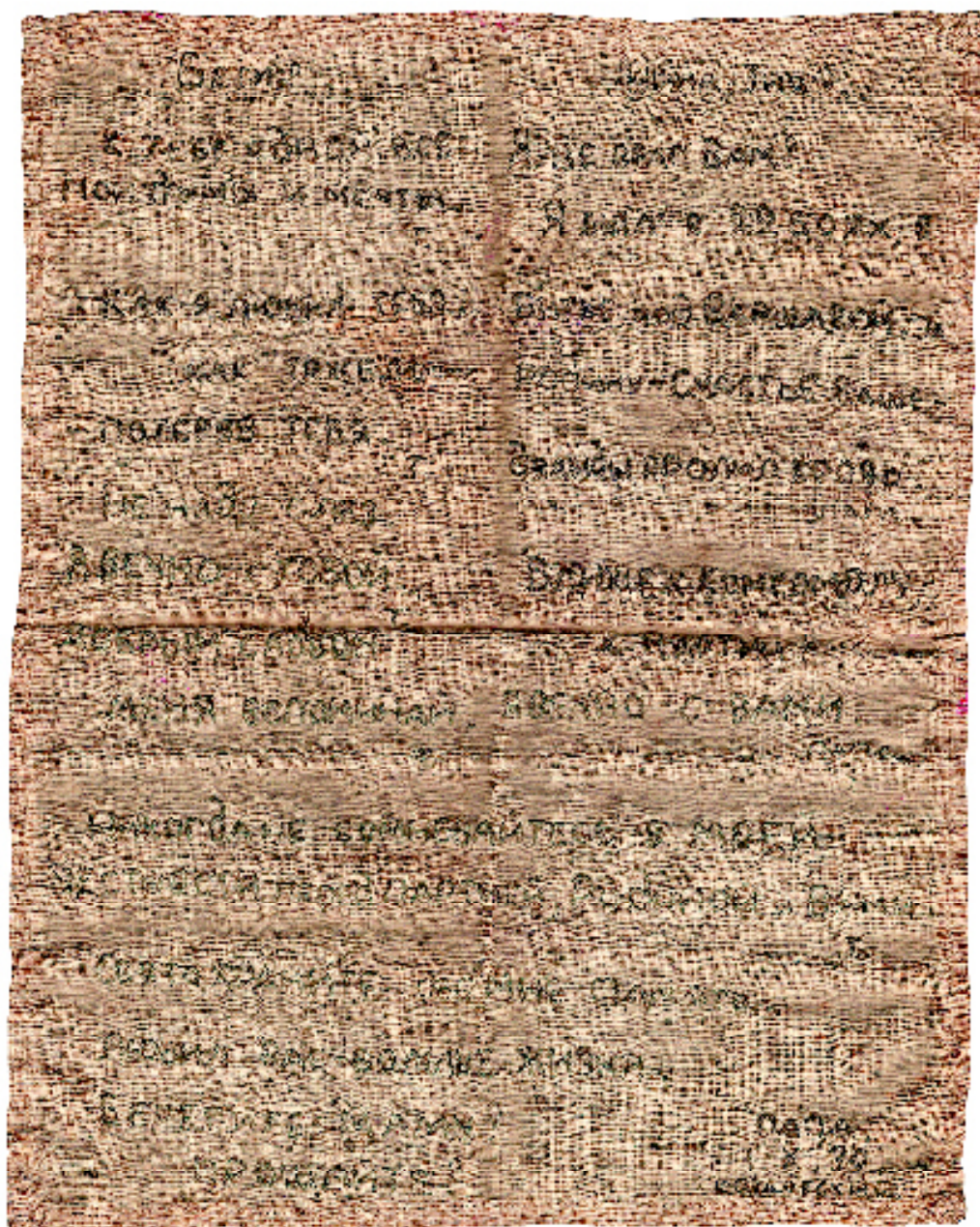
² А. Г. Червяков (1892–1937) – член ЦК КП(б) Белоруссии. На XVI съезде КП(б) Белоруссии был подвергнут резкой критике за недостаточную работу по уничтожению «врагов народа» и покончил жизнь самоубийством.

³ Н. М. Голодед (1894–1937) – председатель Совета народных комиссаров БССР (1927–1937). Арестован и во время допроса в здании НКВД БССР выбросился из окна.

Арестовывали Козловского в служебном кабинете. Жена и дети в тот вечер пришли с концерта. Понимая, что после его ареста придут за женой, Козловский успел позвонить домой и сказать жене, чтобы она не ложилась спать и не раздевалась. По словам дочери, отец уже до ареста предупреждал мать, чтобы она «была готова ко всему»: «Я ни в чем не виноват. Но ты же видишь, что творится!» За женой пришли той же ночью.

Следствие длилось два года. Приговор – расстрел. Заключенный в Минскую тюрьму Козловский ждет его со дня на день. Переписка запрещена.

И Анатолий Сергеевич начинает «вышивать» свое послание жене, дочери, сыну. Не имея иглы, это делать трудно. Боясь,

Письмо, вышитое на ткани. Минская тюрьма, 1939

что может не успеть, что приговор могут привести в исполнение уже завтра, Козловский вышивает короткие строки. Слева на ткани – слова, обращенные к жене (с подписью «Т.»), справа – к детям (с подписью «Папа»).

Это необычное послание передал дочери (жена уже находилась в ссылке в Северном Казахстане) освобожденный из тюрьмы сокамерник Козловского, зашив тряпицу с вышитыми строчками внутрь воротника рубашки⁴.

⁴ Реликвия хранится в семейном архиве.

Но в 1940 году расстрельный приговор неожиданно был заменен на 15 лет заключения. Перед этим дочери было разрешено свидание с отцом.

Из интервью Нины Анатольевны Козловской:

«Папа вышел перевязанный, с двумя костылями. Я настолько обалдела, что закричала: “Папа, что с тобой!” А он говорит: “Ничего. Все уже хорошо, не волнуйся”. И первое, он начал спрашивать, как я одета. Я должна была поднять ногу и показать, что у меня туфли с калошками, что у меня ноги сухие. Он очень был рад, что я поступила в университет, очень был рад».

За месяц до начала войны Козловского этапировали в Орловскую тюрьму. Перед этим снова разрешили свидание с дочерью. Это была ее последняя встреча с отцом.

Из интервью Нины Анатольевны Козловской:

«Обнял меня, посадил на колени. И вдруг мне на ухо говорит: “Нина, я так за вас боюсь: за тебя и за Энечку. Война! Война начинается, война на пороге!” Я говорю: “Ты что, папа! Мы такие друзья! С Риббентропом целуемся! Какая война?” А он говорит: “Гусь свинье не товарищ. Война на пороге, Нина. Будь осторожней”.

Папа был удивительным человеком. Я его очень любила. Я его больше мамы любила, потому что он был невероятно любознательным. Я помню, как еще до ареста (мне уж было, наверно, лет пятнадцать) он немного приболел. Я смотрю – лежит и читает толстую книгу. Я подошла и говорю: “Папа, какая это книга?” А он мне говорит: “Дифференциальные уравнения”. У меня глаза на лоб, я говорю: “Зачем они тебе нужны?” А он говорит: “Ты себе представить не можешь, как это интересно”. А еще папа прекрасно рисовал и понимал в искусстве».

Анатолий Сергеевич не ошибся, предсказав скорое начало войны. Но он, разумеется, не мог предвидеть, как скоротечное наступление немцев скажется на новом приговоре, ставшем для него окончательным.

А. С. Козловский был расстрелян 11 сентября 1941 года в числе других узников Орловской тюрьмы в Медведевском лесу в окрестностях Орла. Расстрел был инициирован Берией, который 6 сентября 1941 года направил Сталину список на 170 заключенных с ходатайством применить к ним высшую меру наказания. В записке говорилось, что перечисленные в этом списке лица якобы проводят среди заключенных пораженческую агитацию и пытаются подготовить побеги для возобновления подрывной работы. В числе казненных оказались видные государственные и политические деятели – М. Спиридонова, О. Каменева, Х. Раковский и другие.

- Сын А. С. Козловского Энгельс Анатольевич Козловский во время войны добровольцем ушел на фронт, воевал в морской пехоте Черноморского флота, погиб 26 января 1944 года.
- Дочь Нина Анатольевна Козловская окончила филологический факультет Московского государственного университета, до ухода на пенсию преподавала русский язык и литературу в школах города Чебоксары.

Виктор Мамаладзе

«Дорогой мой папочка...»
(из воспоминаний Ирмы
Викторовны Мамаладзе)

Виктор Сергеевич Мамаладзе. Начало 1930-х

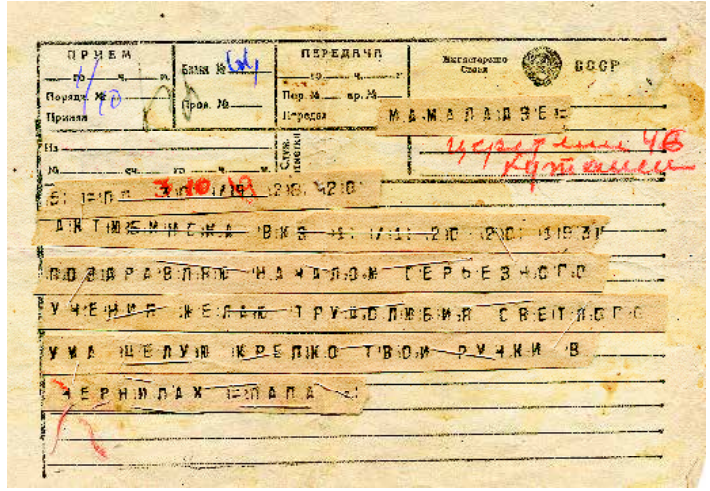
Одно из самых тяжелых воспоминаний: мне восемь лет, я сижу за обеденным столом, грызя деревянную ручку, перед тетрадным листком, на котором выведено: «Дорогой мой папочка!»

Дальше этих слов я сдвинуться не могу, я не понимаю, как и про что надо писать незнакомому человеку, о котором я знаю только, что он мой отец и что он «сидит». Само слово «сидит» – привычно: сидят мужья большинства моих теток, а то и сами тетки с отцовской и с материнской стороны; сидит мой двоюродный брат; сидят мужья и сыновья соседей по огромному тбилисскому балкону, куда выходят двери квартир. Все тесно и обычно, и я уже знаю, что нам еще «повезло», потому что отец только сидит, а вот мужей моих двух теток расстреляли. Ужас этого слова я постигаю в свои три года со слезами приютившей нас двоюродной сестры отца, тезки моей матери, тоже Тамары: ее мужа Германа Ломтаидзе расстреляли в 1937 году «вообще без суда», и тетя который год оплакивает и его, и оставшегося без отца сына, старше меня на пять лет, и свою непрожитую молодость...

Меня страшит негодование матери: «Ну почему, почему ты не можешь написать отцу человеческое письмо? Он ведь так ждет его, он так тебя любит...» Я знаю, что он меня любит, но это знание – теперь сказала бы я – умозрительное, мне от него ни тепло, ни холодно. О чем я могу написать? Подружек моих он не знает, мою мечту поступить в балетную школу почему-то категорически отверг, про книжки, которые читаю, писать долго – да и слышал ли он о них? Подгоняемая матерью, я вымучиваю какие-то пло-

Второклассница
Ирма Мамаладзе. Тбилиси, 1949

Поздравление дочери с началом учебного года

ские слова, не понимая, какой горечью, обидой и отчаянием они в нем отзвучатся.

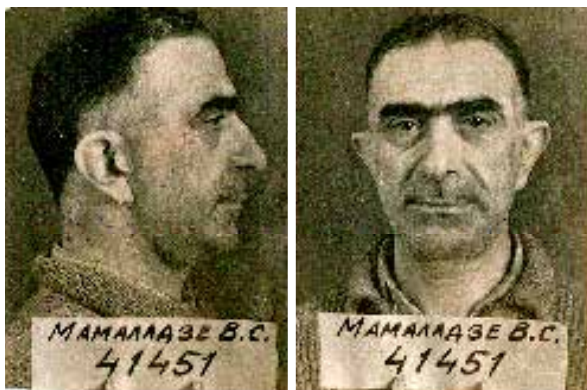
Мне было два года, когда отец видел нас в последний раз. Он был инженером-энергетиком, совсем молодым уже участвовал в пуске Земо-Авчальской ГЭС под Тбилиси, тогдашнего гиганта гидроэнергетики. Недолго работал в системе Грузэнерго главным инженером, откуда его и перевели в Москву, в Мосэнерго. Отец был талантливым инженером: я помню листы гербовой бумаги с непонятным названием «патент на изобретение» – в очередную волну посадок и страха, что и ее «заметут», мама уничтожила и их, и все документы отца.

Когда началась война, отец работал начальником Строительно-го управления Наркомата обороны СССР – свидетельство об этом хранится в его тюремном деле. У него была бронь, но он отказался от нее, в июне или июле посадил нас в поезд и отправил к своим родителям в Тбилиси. Его послали на переподготовку в Военно-инженерную академию имени Куйбышева, которую потом эвакуировали во Фрунзе. Перед отъездом в Киргизию отец успел на пару дней приехать в Тбилиси – это и была последняя встреча, от которой осталась его маленькая, для документов, фотография в военной форме с двумя ромбами. Вероятно, во время этой поездки он встретил своего дальнего родственника и знакомого, результатом встречи стал донос.

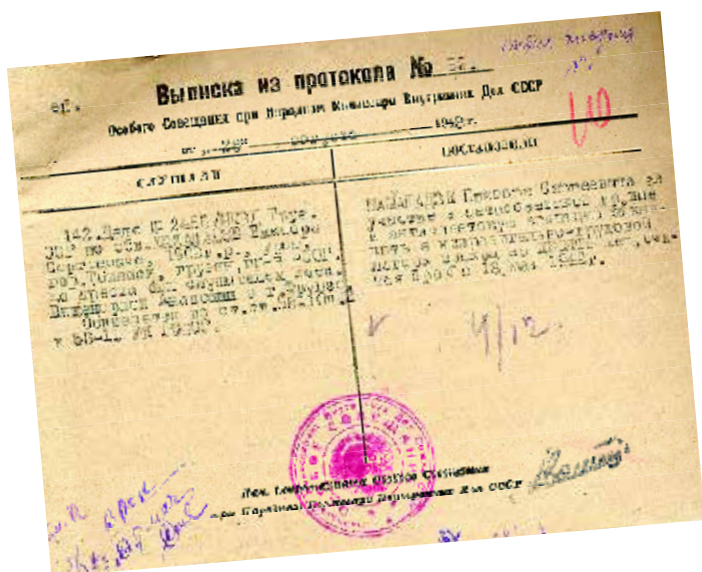
Виктор Сергеевич
Мамаладзе.
Москва, 1942

Виктор Сергеевич
Мамаладзе.
Тюремные фотографии.
Фрунзе, 1942

Арестовали отца во Фрунзе в мае 1942 года. Я не видела следственного дела, оно, по сведениям МВД Грузии, сгорело во время пожара здания архива КГБ в Тбилиси в начале 90-х. Его привезли из Фрунзе в Тбилиси, поскольку ему инкриминировалась подпольная деятельность в Тбилиси (хотя он не жил там уже более десяти лет) и почти год он просидел в подвалах Госбезопасности. Об этом никто не догадывался, мама посылала письма всем, кому могла, никто не отвечал, и она буквально сходила с ума от неизвестности. Об участии отца случайно узнал мой дед: его одноклассник по гимназии, встретив деда на улице, тихо сказал со слов своего сына, работавшего в органах, что тот «видел Виктора, на него было страшно смотреть».

Осужденный ОСО при НКВД СССР по статье 58-10, 58-11 на 10 лет лагерей, отец был отправлен в Казахстан, в лагерь под Актюбинском. Так началась его жизнь зека и наша – членов семьи врага народа. Как и у многих, очень тяжелая, безденежная, неустроенная. Вернуться в Москву, в свою квартиру, после войны мама уже не смогла: Москва была режимным городом, и на въезд требовалось разрешение. Да и боялась она встреч и с прежними знакомыми, и с сотрудниками отца. От всей не слишком долгой – десятилетней – жизни с отцом у нее только и остались воспоминания об этой уютной квартире, о прогулках с няней и коляской на Девичьем поле и единственной поездке в отпуск с отцом – в Сочи, в санаторий Наркомтяжпрома.

Виктор Сергеевич
Мамаладзе с женой
Тамарой Иосифовной.
Сочи, 1938

Письма от отца приходили редко, но регулярно. Это для матери были праздничные дни. Весть о письме разлеталась по родне, и через день-другой к вечеру приходили уцелевшие тетки, двоюродные и троюродные сестры отца. Каждая читала письмо самостоятельно, потом его читали вслух и комментировали. Тон писем

отца всегда был бодрым и заботливым, тетки утешали мою мать: видишь, он в порядке, хорошо работает, ему сократят срок, обязательно сократят! Они утешали ее и плакали, а потом тихо начинали петь. Так в мою жизнь вошло грузинское многоголосье.

Я мало что помню об этих письмах, но твердо помню одно: абсолютную веру отца в то, что он непременно вернется, что мы еще будем вместе, что он прилагает для этого все возможные и невозможные усилия. Он верил, что хорошей работой заслужит сокращение срока, и только совершенно бессердечный человек может назвать эту веру наивной. Мама уничтожила и их в ожидании возможного ареста, году в 1949–1950-м.

Осталось одно, адресованное мне, позднее письмо и рисунки. Отец иногда вкладывал в письма открытки, на которых рисовал красками то пейзажи, то зверушек («Откуда он берет краски?» – недоумевали тетки), а на обороте писал мне письмо. Письма как улику мама уничтожила, но рисунки вырезала и сохранила.

Ирма Мамаладзе. Тбилиси, 1945

Откуда он брал краски, я поняла, прочитав его тюремное дело. Власть в ГУЛАГе иногда ценила толковых инженеров. Отца определили в Актюбинском лагере в некую лабораторию, вероятно, что-то вроде шарашки, оттуда его затребовали в Озерлаг («конвоирование спеца» – значит в его подорожной), а когда началась

Мост через Ангару, который строил В. С. Мамаладзе

подготовка котлована под водохранилище и дороги для будущей Братской ГЭС, его перевели в Ангарлаг, располагавшийся рядом с поселком Заярск, недалеко от нынешнего Братска. Отец строил мост через Ангару: я помню, он писал матери, что, вот, пришлось переквалифицироваться из строителя гидростанций в мостостроители. И прислал вырезку из лагерной газеты, в которой хвалили «заключенного Мамаладзе, и. о. начальника строительства». Мост снесли, когда заполнялось водохранилище.

Отец не дожил до конца срока: он умер от инфаркта ночью в бараке за полгода до возможного освобождения. Ему было 48 лет. Мы получили письмо от его друга по лагерю. А потом – официальное уведомление с диагнозом «рак желудка».

А много лет спустя я читаю справку лагерного врача с диагнозом «острая сердечная недостаточность» и вторую – о том, что отец «похоронен в гробу, в нижнем белье, головой на восток». Архетипы сознания оказались сильнее ГУЛАГа. Все, чем могли почтить его непосильный труд, – отдельная могила, гроб и восход в изголовье.

Летом 2010 года, заручившись поддержкой «Мемориала», я полетела в Иркутск, где в архиве Главного управления МВД оказалось лагерное дело отца. Тот, кто сам не прошел через это, не поймет, что я чувствовала, когда на стол легла желтая папка. И в ней – почти девять его лагерных лет. Спасибо вам, архивисты Иркутска! За милосердие, за участие, за доброту.

А потом я поехала в Заярск. Я не добралась бы туда, если бы не мемориальцы Алёна Козлова, Саша Миронов, Слава Кудашкин. Я с огромной благодарностью вспоминаю их заботу и помощь, помощь незнакомого мне ректора Братского университета, который по просьбе Кудашкина дал нам для поездки микроавтобус. Я с благодарностью вспоминаю Сергея Кирилловича Плющенко-ва, краеведа и лагерного летописца из поселка Чуна, показавшего мне остатки бывших лагерных захоронений.

Остатки лагерного кладбища. Заярск, 2010

От Заярска почти ничего не осталось. Несколько покосившихся домов, непонятно, как и на что существующих, непролазная грязь широких дорог, полузаброшенное кладбище, триколор над зданием, когда-то бывшим почтой. Никакой связи с Большой землей. Говорят, раньше сюда прилетал самолет, но и следов взлетной полосы не осталось. Вешние воды и бушующие ветры разрушают тайгу, прорывают овраги, деревья сползают в воду и каменеют, корячась, на берегу. И необъятная гладь Братского моря, укрывшего и лагерь, и могилы, и мечты. Вечный покой.

Ты где-то здесь, дорогой мой папочка! Вот я приехала к тебе. Прости меня.

От редакции

Пронзительные воспоминания Ирмы Викторовны Мамаладзе о своем отце – Викторе Сергеевиче Мамаладзе – не нуждаются в пространных комментариях. Приведем лишь некоторые дополнительные биографические сведения, взятые из «Дела» репрессированного.

***

Виктор Сергеевич Мамаладзе родился в 1902 году в Тбилиси в семье педагога. В 1926 году окончил ВГУЗ, получив специальность инженера-строителя. После окончания работает на строительстве первенца грузинской энергетики Земо-Авчальской ГЭС и других энергообъектов Закавказья. В 1935 году способного инженера

переводят начальником службы высоковольтных линий в распоряжение Мосэнерго. Затем – работа начальником строительства и главным инженером на энергокомбинате в Воронеже, на Закамской ТЭЦ в Молотовской области, на строительстве Сталиногорской ГРЭС. Перед началом войны В. С. Мамаладзе уже главный инженер в Строительном управлении Наркомата вооружения СССР.

Страна готовится к войне, и молодой инженер становится курсантом Военно-инженерной академии им. Куйбышева. В 1942 году он проходит аттестацию на звание майора и направляется помощником командира дивизии в Среднеазиатский военный округ. К тому времени Виктор Сергеевич Мамаладзе – семейный человек: жена – Тамара Иосифовна и родившаяся в 1940 году дочь Ирма.

Конец семейному и служебному благополучию настал в июне 1942 года. Направляясь во Фрунзе к месту службы, Мамаладзе решает заехать к родителям в Тбилиси, куда в начале войны он отправил жену и дочку. В вагоне разговорился с попутчиком – дальним родственником. Путчик «сигнализировал в органы», что Мамаладзе якобы вел с ним антисоветские разговоры и рассказал ему о действующей в Тбилиси «вражеской» организации. В июне 1942 года Мамаладзе арестовали и отправили на 10 лет в лагерь – в Актюбинск.

Находясь в лагере, Мамаладзе пишет «наверх» пятнадцать заявлений (Сталину, Берии и другим), пытаясь убедить высшие «инстанции» в своей невиновности. Для подтверждения преданности Родине он ссылается на письма к жене, написанные еще до ареста, *«где я обещаю своему спутнику жизни бить врага до победного конца или до моей смерти»*, просит направить его на фронт, *«на передовую линию огня»*. И во время войны, и после ее окончания он работает не за страх, а за совесть, и начальство треста Актюбстрой ходатайствует о его досрочном освобождении.

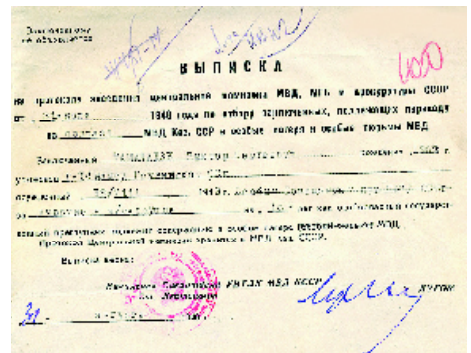
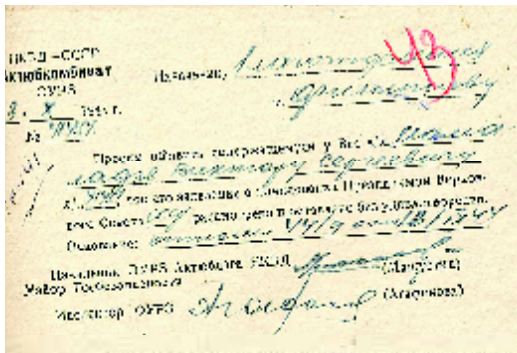
Из производственной характеристики з/к Мамаладзе Виктора Сергеевича:

«З/к Мамаладзе В. С. проявил себя как опытный инженер и производственник. Он... ведет большую работу по улучшению технических мероприятий по тресту и организации работ по жилищному и промышленному строительству. Одновременно им производится работа по замене дефицитных материалов, и им сделан ряд ценных предложений. За добросовестное отношение к порученному ему делу и проявленную им инициативу он вполне достоин быть представленным к досрочному освобождению».

О рационализаторстве Мамаладзе пишет лагерная газета: «Инженером Мамаладзе внесено ценное рационализаторское предложение о приготовлении бетона способом вакуумирования. <...> Этот способ можно с успехом применить при изготовлении любых видов бетонных изделий и сооружений...»

Всё напрасно, все заявления и ходатайства остаются «без удовлетворения». За три года до окончания срока заключения, в марте 1949 года, Мамаладзе этапируют в Особый лагерь НКВД Озерлаг. Летом 1950-го, как инженера-специалиста, его переводят в Ангарлаг.

Из материалов дела В. С. Мамаладзе

А в ноябре 1950 года в «Дело» з/к Мамаладзе В. С. подшиваются две последние бумажки – акт о смерти от сердечной недостаточности и акт о захоронении.

На память дочери остались старые фотографии отца и вырезанные из его лагерных писем рисунки.

- Ирма Викторовна Мамаладзе окончила филологический факультет Тбилисского государственного университета и аспирантуру факультета журналистики МГУ им. М. В. Ло-

- моносова, стала журналистом, работала обозревателем «Литературной газеты», заместителем главного редактора «Общей газеты», занимается издательской деятельностью.

Алфавитный указатель мест заключения¹

¹ В указатель включены упоминающиеся в биографических очерках и письмах места заключения. В квадратных скобках – имена авторов писем.

Актюбинлаг (Актюбинстрой, ИТЛ и строительство Актюбинского комбината НКВД) – организован в 1940. Лагерное управление находилось в Актюбинске, Казахская ССР. Поставлял рабочую силу на строительство Актюбинского ферросплавного комбината, добычу и отгрузку хромовых и железоникелевых руд, строительство жилья и железнодорожный путей. Закрыт в 1946. [В. С. Мамаладзе]

Ангарлаг (Ангарстрой, Ангарский ИТЛ и промкомбинат) – организован в 1947. Лагерное управление находилось с 1949 в Заярске. Основное производство – строительство железнодорожного участка БАМа Братск–Усть-Кут и моста через Ангару. Действовал до 1960. [В. С. Мамаладзе]

Волголаг (Волгострой, Волжский ИТЛ и строительство гидротехнических узлов) – организован в 1935. Лагерное управление находилось в Рыбинске. Заключенные были заняты на работах Волгостроя НКВД, в том числе на строительстве Рыбинского, Углического, Шекснинского гидроузлов, Угличской ГЭС. Закрыт в 1942. [Г. О. Гордон]

Дмитлаг (Дмитровский ИТЛ) – организован в 1932–1938. Обслуживал строительство канала Москва–Волга им. И. В. Сталина, а также строительство Северного канала и реконструкцию реки Яузы. Управление лагеря находилось в Дмитрове Московской области. Закрыт в 1938. [Г. О. Гордон, И. П. Суханов]

Каргопольлаг (Каргопольский ИТЛ) – организован в 1937. Управление находилось вначале в Каргополе, после 1940 года – на станции Ерцево Северной железной дороги. Основной деятельностью заключенных были лесозаготовки. [Е. И. Яблоков]

Карлаг (Карагандинский ИТЛ) – один из крупнейших лагерей ГУЛАГа, организован в 1931. Лагерное управление находилось в селе Долинское (Долинка) Карагандинской области Казахской ССР. Заключенные работали в сельском хозяйстве, промышленном производстве, на угольных шахтах и в известковых карьерах, были заняты на строительных работах. Закрыт в 1959. [М. А. Бодров, Ф. О. Краузе, Н. П. Любченко]

Норильлаг (Норильский ИТЛ) – организован в 1935. Главной его задачей было освоение Норильского промышленного района, строительство и эксплуатация Норильского металлургического комбината. Заключенные также были заняты на разработках медно-никелевых рудников и угольных шахт, строили железную дорогу Норильск–Дудинка, автомобильные дороги. Закрыт в 1956. [В. Е. Лунёв]

Особые лагеря – специальная система ИТЛ МВД, созданная в 1948 для содержания заключенных, осужденных по обвинениям в измене родине, шпионаже, терроре и другим «особо тяжким» политическим преступлениям. Заключенных предписывалось использовать только на тяжелых работах. Вводился режим, сходный с тюремным, – решетки на окнах, запирающиеся на ночь бараки, запрет покидать барак в нерабочее время, номера на одежде. Для конспирации особым лагерям присваивались не только номера, но и условные наименования: Минеральный, Горный, Дубравный, Озерный, Береговой и т. д. **Озерлаг** (Озерный ИТЛ, Особый лагерь № 7) –

дислоцировался на территории Иркутской области; лагерные пункты располагались между Тайшетом и Братском. Заключенные были заняты на строительстве БАМа, а также на лесозаготовках, производстве и поставке пиломатериалов, шпал и сборных деревянных домов. Особлаги были ликвидированы в 1954. [В. С. Мамаладзе]

Политизоляторы – в 1920-е – первой половине 1930-х – специальные тюрьмы, подчиненные ГПУ–ОГПУ. Предназначались для содержания заключенных, кого власть была готова признать «политическими»: прежде всего, эсеров, меньшевиков, анархистов, социалистов-сионистов, позднее – участников внутрипартийных оппозиционных течений. Существовали Суздальский, Верхнеуральский, Тобольский, Челябинский и Ярославский политизоляторы. [М. А. Бодров]

Северо-Восточный ИТЛ (Сев-востлаг, СВИТЛ) – организован в 1932. Крупнейший лагерь Дальнего Востока, объединявший все колымские лагеря. Управление СВИТЛа находилось в Магадане, район деятельности охватывал

огромную территорию всей нынешней Магаданской области, части Якутии, Хабаровского края и Камчатской области. Заключение работали в самых разных сферах. Основной деятельностью была золотодобыча в бассейнах рек Колыма и Индигирка. В структуру СВИТЛа в 1930–1940-е входил пересыльный пункт во Владивостоке, куда доставляли заключенных для дальнейшей отправки на Колыму. [М. А. Бодров, М. М. Лебедев, М. М. Стройков, С. А. Тайц]

Севжелдорлаг (Севжелдорстрой, Северный железнодорожный ИТЛ) – существовал с 1938. Управление располагалось в поселке Княж-Погост Усть-Вымского района Коми АССР. Заключение работали, в основном, на строительстве железных дорог. Закрыт в 1950. [Б. С. Шустов]

Сиблаг (Сибирский ИТЛ) – крупнейший лагерь Западной Сибири. Располагался на территории Омской, Томской, Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского и Красноярского краев. Организован в 1929. Лагерное управление несколько раз переезжало из Мариинска в Новосибирск и обратно. Хозяйственная

деятельность была разнообразной – лесозаготовки, угледобыча, дорожное и железнодорожное строительство. Действовал до конца 1960-х. [И. П. Суханов, В. В. Левитский]

Сиблаг, Горно-Шорская комендатура – в 1931 в ведение Сибирского ИТЛ перешли все спецпоселки Западной Сибири, для управления которыми были организованы спецкомендатуры. В поселках было сосредоточено более 300 тысяч депортированных в процессе коллективизации крестьян. В Горной Шории спецпоселенцы использовались на лесозаготовках и строительстве Горно-Шорской железной дороги. [В. В. Левитский]

Соловки (Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения, СЛОН ОГПУ). – Лагерь был основан на Соловецких островах в 1923. Отделения СЛОНа находились также и на материке. Основными сферами экономики лагеря являлись лесозаготовка, торфоразработка, строительство. В декабре 1933 СЛОН был расформирован, а его имущество передано Беломоро-Балтийскому ИТЛ. С этого времени на Соловках располагалось

одно из лагерных отделений Белбалтлага, а в 1937–1939 – Соловецкая тюрьма особого назначения Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР). [А. Ф. Вангенгейм, Г. О. Гордон, Н. П. Любченко]

Тагильский ИТЛ (Нижнетагильский ИТЛ, Тагиллаг) – существовал в 1942–1953. Поставлял рабочую силу главным образом на строительство многочисленных тагильских заводов. [А. Г. Стромберг]

Трудовая армия – в 1942–1946 форма принудительной трудовой повинности населения, мобилизованного по специальному призыву через военкоматы в так называемые «трудовые колонны». Большая часть мобилизованных таким образом – российские немцы, как подвергшиеся депортации на спецпоселение по указам 1941, так и те, кого с постоянных мест жительства не выслали (например, немцы Урала, Сибири). Трудколонны находились в ведении НКВД; мобилизованных направляли на тяжелые работы (угольная промышленность, лесозаготовки,

строительство промышленных объектов), содержались они, как правило, в лагерных или мало отличимых от лагерных условиях. [А. Г. Стромберг]

Ухтпечлаг (Ухто-Печорский ИТЛ) – существовал в 1931–1938. Управление находилось в поселке Чибью, ныне Ухта. Производство лагеря – разведка и добыча нефти и угля в Ухто-Печорском районе, Воркуте и Инте, строительство и лесозаготовки. [И. П. Суханов]

Алфавитный указатель осуждающих органов¹

¹ В указатель включены упоминающиеся в биографических очерках и письмах осуждающие органы.

Военная коллегия Верховного суда (ВКВС) СССР – высший орган советской военной юстиции. С момента начала работы в 1924 действовала, в основном, как надзорный орган для военных трибуналов, утверждавший их судебные решения. В 1937–1938 ВКВС и ее выездные сессии в качестве суда 1-й инстанции производили осуждения по заранее завизированным Сталиным и его ближайшими сподвижниками спискам (так называемые «сталинские расстрельные списки») «в порядке Закона от 1 декабря 1934 года» (без вызова свидетелей, без прений сторон, без права обжалования) и вынесли около 40 тысяч приговоров, в подавляющем большинстве – к расстрелу. ВКВС рассматривала дела по обвинению в наиболее тяжких преступлениях – измене родине, шпионаже, терроре, диверсиях.

Коллегия ОГПУ – коллективный руководящий орган при Председателе ОГПУ, наследовавший Коллегии ВЧК и Коллегии ГПУ. Члены Коллегии ОГПУ утверждались Совнаркомом СССР. Коллегия, кроме решения чисто ведомственных проблем, имела право рассмотрения любых админи-

стративных и уголовных дел, следствие по которым вело ОГПУ, и вынесения по ним приговоров, в том числе к длительным срокам заключения и к высшей мере наказания. Дела в Коллегии рассматривались без вызова обвиняемых, без участия сторон обвинения и защиты. Ликвидирована в 1934 при образовании НКВД СССР.

ОСО (Особое совещание при Коллегии ОГПУ – с 1924; при Наркоме внутренних дел СССР – с 1934; при МГБ СССР – с 1946 до 1953; при МВД СССР – с 1946 до 1950 и в 1953) – специальная комиссия, состоявшая из высших руководителей органов безопасности с участием представителя прокуратуры, созданная для внесудебного (без вызова подсудимых, свидетелей, без участия сторон обвинения и защиты) рассмотрения дел, подведомственных ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ, и вынесения по ним приговоров. Вначале ОСО имело право ссылки, высылки, заключения в политизолятор или концлагерь до 3-х лет, затем срок максимального наказания увеличился: в 1934 – до 5 лет, в апреле 1937 – до 8 лет, в сентябре 1937 – до 10 лет, во время войны

1941–1945 ОСО имело право вынесения приговоров к расстрелу, после войны ОСО могло приговаривать на сроки до 20 (иногда до 25) лет, к каторжным работам, заключению в особые лагеря, ссылке на бессрочное поселение. Решения ОСО имели характер окончательного приговора и могли пересматриваться только самим ОСО, но не судебными органами. Упразднено 1.09.1953.

Тройки – в 1937–1938 – внесудебные осуждающие органы, созданные при всех региональных (республиканских, краевых, областных) НКВД–УНКВД для вынесения приговоров по самой массовой за всю советскую историю репрессивной операции (так называемая «кулацкая операция» по приказу НКВД СССР № 00447). Председателем тройки был начальник регионального Управления НКВД, членами – местный партийный руководитель и прокурор (иногда кто-то из руководителей местной исполнительной власти). Дела на тройках рассматривались заочно, то есть без вызова обвиняемого, свидетелей, без участия сторон обвинения и защиты. В течение года тройки приговорили около 800 тысяч человек, из них половину – к рас-

стрелу. Региональные тройки рассматривали и дела заключенных из лагерей ГУЛАГа и тюрем ГУТЬ. В частности, тройка при УНКВД по Ленинградской области выносила приговоры заключенным Соловецкой тюрьмы особого назначения (к расстрелу было приговорено 1825 человек). Дела по Севвостлагу рассматривала специально созданная для этой цели тройка при УНКВД по Дальстрою, работавшая в Магадане и приговорившая более 7 тысяч заключенных-колымчан, всех – к расстрелу.

Список сокращений

Архбумстрой	Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат
Вхутемас	Высшие художественно-технические мастерские
ВЦИК РСФСР	Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР
ГГО	Главная геофизическая обсерватория
ГИДУВ	Государственный Институт [для] усовершенствования врачей
Главнаука	Главное управление научных, музейных и научно-художественных учреждений Наркомпроса РСФСР
ГМК	Гидрометеорологический комитет СССР
Губпродком	Губернский продовольственный комитет
ГУЛАГ	Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД (МВД) СССР
ГУЛЖДС	Главное управление лагерей железнодорожного строительства НКВД (МВД) СССР
Дальстрой	Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР
ИТЛ	Исправительно-трудовой лагерь
КПК	Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б)
Лагкор	Лагерный корреспондент
МВД	Министерство внутренних дел СССР
МВТУ	Московское высшее техническое училище (с 1930 – им. Н. Э. Баумана)
Наркомздрав	Народный комиссариат здравоохранения
Наркомпрос	Народный комиссариат просвещения
Наркомтяжпром	Народный комиссариат тяжелой промышленности

Наркомлес	Народный комиссариат лесной промышленности
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НКФ	Народный комиссариат финансов
ОБЛОНО	Областной отдел народного образования
ОГПУ	Объединенное главное политическое управление
ОЛП	Отдельный лагерный пункт
ОСО	Особое совещание при НКВД СССР
Осоавиахим	Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР
ПВХО	Противовоздушная и противохимическая оборона
Райздрав	Отдел здравоохранения райисполкома
СВИТЛ	Северо-Восточный ИТЛ
Совнарком	Совет народных комиссаров
Ревком	Революционный комитет
УНКВД	Управление (областное, краевое) Народного комиссариата внутренних дел СССР
УПИ	Уральский политехнический институт (с 1934 – им. С. М. Кирова)
ЦАГИ	Центральный аэрогидродинамический институт им. Н. Е. Жуковского
ЦБК	Центральное бюро краеведения
Центропрофшкола	Высшая школа профсоюзного движения в Москве
Центросоюз	Центральный союз потребительских обществ
ЦИК	Центральный исполнительный комитет СССР

Архив и музей Международного общества «Мемориал» собирает свидетельства о судьбах узников ГУЛАГа и их родственников. Мы будем благодарны всем, кто поможет нам в этом, всем, кто передаст нам в музей и архив подлинные вещи и произведения искусства из мест заключения, фотографии и документы. Уходит время, гибнут уникальные документы и свидетельства. Вместе с вами мы должны их сохранить.

Международный Мемориал внесен Минюстом РФ в реестр, предусмотренный п. 10 ст. 13.1 ФЗ «Об НКО»

Архив и музей Международного общества «Мемориал»
127006, Москва, Каретный ряд, 5/10
Тел. +7 (495) 650 78 83
e-mail: nipc@memo.ru
<http://www.memo.ru>

Папины письма. Письма отцов из ГУЛАГа к детям / Авт.-сост. А. Козлова, Н. Михайлов, И. Островская, С. Фадеева. Изд. 3-е. М.: Издательство Agey Tomesh, 2020. 240 с., илл.

Особый пласт свидетельств сталинской эпохи – письма заключенных ГУЛАГа своим детям. С их помощью оторванные от семей отцы пытались поддерживать связь с детьми, воспитывать их и направлять, донося до них свою любовь и заботу. От письма к письму они ведут с дочерьми и сыновьями серьезный разговор, стремясь расширить их кругозор, заинтересовать своими увлечениями, передать собственные знания и понимание мира – их единственно возможное «наследство». Письма отцов, бережно сохраненные детьми, находятся сейчас в архиве Международного общества «Мемориал» в Москве.

ISBN 978-5-9909766-5-8

12+

Адрес редакции
Москва, Малая Дмитровка, 24/2
Тел.: +7 (495) 913 62 95/96
www.ageytomesh.ru

Тираж 500 экз.

Директор
Наталья Корнеева

Дизайн
Дамир Залялетдинов

Редактор
Лариса Казарьян

Корректор
Светлана Поварова

Верстка
Дмитрий Бирюков
Галина Зайцева

Цветоделение
Рита Волкотруб
Владимир Семенов

Северопетёрская
 Мал. дор.
 Ст. Угрюма
 по ст. от. Н. М.
 Борису Сергеевичу
 Мустову
 Москва 9, ул. Станис-
 ская 9 № 15 кв. № 23
 Людм. Алексеевне Ваньки

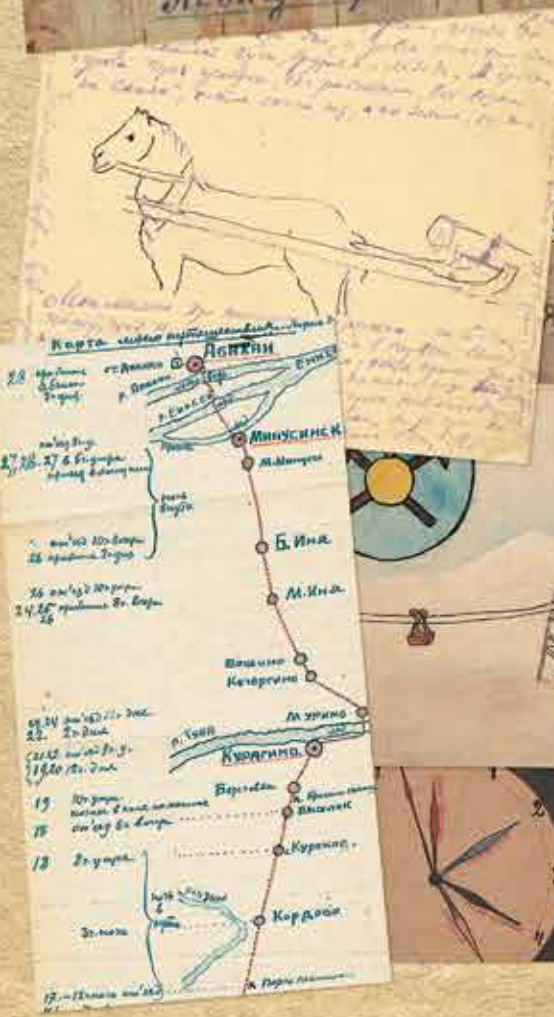
**Полное
 Солнечное затмение**

Когда солнце совершенно за-
 от нас луной, то вокруг черной
 диска луны
 видны:
 1) **Фотосфера**
 — огненный
 слой вокруг
 солнца

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
 CARTE POSTALE.
 1/2 20
 Курск
 Семёновская ул. №19
 КЯ. М. В. Зелькиной
 Олегу Владимировичу
 Левицкому.

3

НИМА, ДИЯ
 НЕ ВРАГ ВАМ!
 Я БЫЛ В 29'50"

5 Октября 34. **77. Вал**
 Мелкая **Лунка!**
 благополучно прибыл
 Николаев со с. кельюшани

